

Mil. g. 372^x/1

ЗАПИСКИ МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ
морѣ подъ начальствомъ Вице - Адмирала
Дмитрія Николаевича Сеньявина

отъ 1805 по 1810 годъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Второе изданіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1856.

(Броневикий, Владимир Богданович)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКОВСКОЕ ОФИЦЕРСКОЕ

МОСКОВСКОЕ ОФИЦЕРСКОЕ
МОСКОВСКОЕ ОФИЦЕРСКОЕ
МОСКОВСКОЕ ОФИЦЕРСКОЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ 21 Января 1856 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

1.



Fg 180 / 98285

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Отбытіе изъ Кронштада	1.
Объясненіе мореплаванія	5.
Ревель	12.
Плаваніе Балтійскимъ моремъ	14.
О кораблестроеніи	15.
О сигналахъ	17.
Копенгагенъ	18.
Зундъ	22.
Гельсиноръ	24.
Плаваніе Нѣмецкимъ моремъ	27.
Путешествіе сельдей	28.
Портсмутъ	45.
Рейдъ Спитгедъ	55.
Взглядъ на городъ	56.
Адмиралтейство	40.
Госпиталь	42.
Дамской Клобъ	44.
Окрестности Портсмута	47.
Островъ Вайтъ	49.
Мысли и замѣтанія о Англіи	54.
Торжествъ побѣды при Трафалгарѣ	59.
Сантъ-Эленскій Рейдъ	64.
Плаваніе Атлантическимъ Океаномъ	66.
Морская болѣзнь	72.
Гибралтаръ	74.
Плаваніе Средиземнымъ моремъ	85.
Каліари	88.
Плаваніе отъ Каліари до Мессины	97.
Изверженіе Сіромболи	99.
Пугины Скилла и Харибда	101.

Мессина	105.
Плаваніє отъ Мессины до Корфы	110.
Корфа	112.
Новая Рагуза	118.
Плаваніє Адріатическимъ моремъ	125.
Вѣтръ Бора	126.
Плаваніє отъ Корфы до Катара	132.
Занятіє Провинціи Боко ди Катара	137.
Каналъ Калаиото	147.
Фіуме	158.
Плаваніє отъ Фіуме до Катара—Портъ	
Карбони—ночная высадка	163.
Старая Рагуза	173.
Прибытіє Главнокомандующаго въ Катара	174.
Мои прогулки въ окрестностяхъ Ка-	
стель-Ново	187.
Праздникъ Пасхи	181.
Путешествіе на горы	184.
Описаніе Провинціи Боко ди Катара	195.
Описаніе Черногоріи	238.
Плаваніє до Тріеста—блокада Венеціи	
и обратный походъ въ Кастель—Ново	308.
Огненный воздушный шаръ	—
Освобожденіе задержанныхъ судовъ въ	
Тріестѣ	311.
На пути отъ Тріеста до Катара	320.
Тифоны	321.
Взглядъ на приуготовленіе къ войнѣ Чер-	
ногорцевъ	326.



МИЛОСТИВЫИ ГОСУДАРЬ!

Александръ Семеновичъ!

Предсѣдательствуя въ святилищѣ Россійскихъ музъ, Ваше Превосходительство, какъ Меценатъ, какъ Несторъ Рускаго слова, обращающа вниманіе ваше на всякое полезное упражненіе въ отечественной Словесности, удостоили онаго и мое начинаніе. Книга сія, свидѣтельствующая славу Флота и Войскъ нашихъ, единственно Вашему одобренію и ходатайству, обязана изданіемъ.

Вы воспитаны въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, служите во флотѣ, первый плодъ трудовъ моихъ, вы поощрили и приняли подѣ особое Ваше покровительство; все сіе совокупно, даетъ мнѣ смѣлость, посвятить изданіе сіе Высокому имени Вашему. Удостойте оное

благосклоннаго пріятія , какъ знакъ усердія и
благодарности того , который съ совершеннымъ
почтеніемъ и таковою же преданностію , имѣ-
етъ честь быть.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Вашего Превосходительства!

Покорнѣйшій слуга

Владиміръ Броневскій.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Служа на флотъ отъ начала до конца кампаніи, въ плаваніи отъ Кронштада черезъ Зундъ, Англинскій каналъ и Атлантическій океанъ въ Средиземное море, былъ я на большой части острововъ Архипелага и Далмаціи, обозрѣлъ Сицилію, Мальту и Сардинію, возвратился отъ Дарданель въ Лиссабонъ, и наконецъ, въ третій разъ прошедъ Гибралтарскій проливъ, отправился изъ Триеста сухимъ путемъ черезъ Каринтію, Штирію, Венгрію и Польшу обратно въ Кронштадъ. Такимъ образомъ обошедъ Европу, видѣлъ я лучшія ея страны, знаменитыя происшествіями, славныя своими древностями, просвѣщеніемъ и науками; я велъ ежедневныя записки о тѣхъ событіяхъ, коихъ былъ очевидецъ и о томъ, что казалось мнѣ достойнымъ вниманія и любопытства.

Подвиги Россійскаго флота на водахъ Средиземнаго моря и безпрестанное торжество, малаго бывшаго при немъ числа сухопутныхъ войскъ, надъ непріятелемъ искуснымъ, превосходнымъ въ силахъ и

способахъ, увѣнчавъ новыми неувядаемыми лаврами побѣдоносное Россійское оружіе, прославили въ Европѣ имя знаменитого вождя ихъ Вице - Амیرала Сенявина; не смотря, что по обстоятельству того времени, и по происшествіямъ неожиданнымъ, славный походъ сей не имѣлъ соотвѣтствующихъ дѣламъ своимъ блистательныхъ послѣдствій. Питая непоколебимую любовь къ Отечеству, дѣйствуя въ духъ кротости своего Монарха, Сенявинъ былъ не только душою своихъ подчиненныхъ; но пріобрѣлъ неограниченную довѣренность народовъ, Россіи приверженныхъ. Самые непріатели почитали его: снисхожденіе Англійскаго Правительства, толико не уступчиваго и личное уваженіе Адмирала Каптона, помогло Сенявину въ затруднительныхъ обстоятельствахъ сохранить флотъ и спасти честь флага, доселѣ не побѣжденнаго. Лиссабонскій договоръ останется въ военной Исторіи памятникомъ и свидѣтельствомъ заслугъ его: но дѣянія сіи извѣстны только не многимъ, ибо истинное мужество идетъ одною стезею съ

скромностію ; прямая служба безъ про-
нырствъ ; характеръ твердый безъ над-
менности, не имѣетъ цѣлю единого бле-
ска, минутнаго торжества ; награду свою
онъ видитъ въ дѣлахъ своихъ ; надежду,
въ любви и воспоминаніи его подчинен-
ныхъ.

Записки сіи, какъ и многія другія, дол-
женствовали остаться въ забвеніи, ибо
къ изданію оныхъ, я не имѣлъ никакихъ
средствъ; но по прибытіи моемъ въ Петер-
бургъ Его Превосходительство Логинъ
Ивановичъ Голенищевъ - Купіузовъ, подъ
начальствомъ коего былъ я воспитанъ въ
Морскомъ Корпусѣ, всегда поощрявшій
меня въ моихъ занятіяхъ, постоянно во
всѣхъ случаяхъ милосливый и снисходи-
тельный ко мнѣ, и нынѣ, нашедъ подлин-
никъ мой достойнымъ вниманія, сооб-
щилъ оный Г. Президенту Россійской
Академіи, заступленіемъ и благосклон-
нымъ отзывомъ коего, книга сія принята
подъ покровительство Россійской Акаде-
міи и Государственнаго Адмиралтейскаго
Департамента, выдано для напечатанія
оной пособіе и указомъ Адмиралтейскаго

департаментѣ повелѣно изъ Архива вы-
дать мнѣ настоящіе Акты и всѣ дѣла,
откуда для вѣрнѣйшаго описанія, могъ бы-
я почерпнуть нужныя свѣденія.

Въ полной надеждѣ на снисхожденіе
Отечественной публики, предлагаю исто-
рическое повѣствованіе сего достопамят-
наго похода и вмѣстѣ путевыя мои за-
мѣчанія, мысли и впечатлѣнія, изложен-
ныя въ хронологическомъ порядкѣ. Сча-
стливымъ почту себя, если просвѣщен-
ные Читатели удостоятъ благосклон-
нымъ принятіемъ сей первый трудъ мой,
и если принесу удовольствіе служившимъ
тогда на флотѣ и въ 15 пѣхотной дивизіи
въ Корфѣ находившимся Офицерамъ, изоб-
раженіемъ тѣхъ битвъ, гдѣ каждый изъ
нихъ имѣлъ неотъемлемую часть своей
славы.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину Вице - Адмиралу , Госу-
дарственнаго Совѣта члену , Государ-
ственнаго Адмиралтейскаго Департа-
мента непремѣнному члену , Император-
ской Россійской Академіи Президенту ,
Императорской Академіи Наукъ, Импера-
торскихъ Университетовъ Харьковскаго
и Казанскаго , и многихъ другихъ ученыхъ
Обществъ Почетному члену, орденовъ Св.
Александра Невскаго , Св. Равноапостоль-
наго Владиміра 1 ст. большаго креста ,
и Св. Анны 1 ст. кавалеру,

АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ

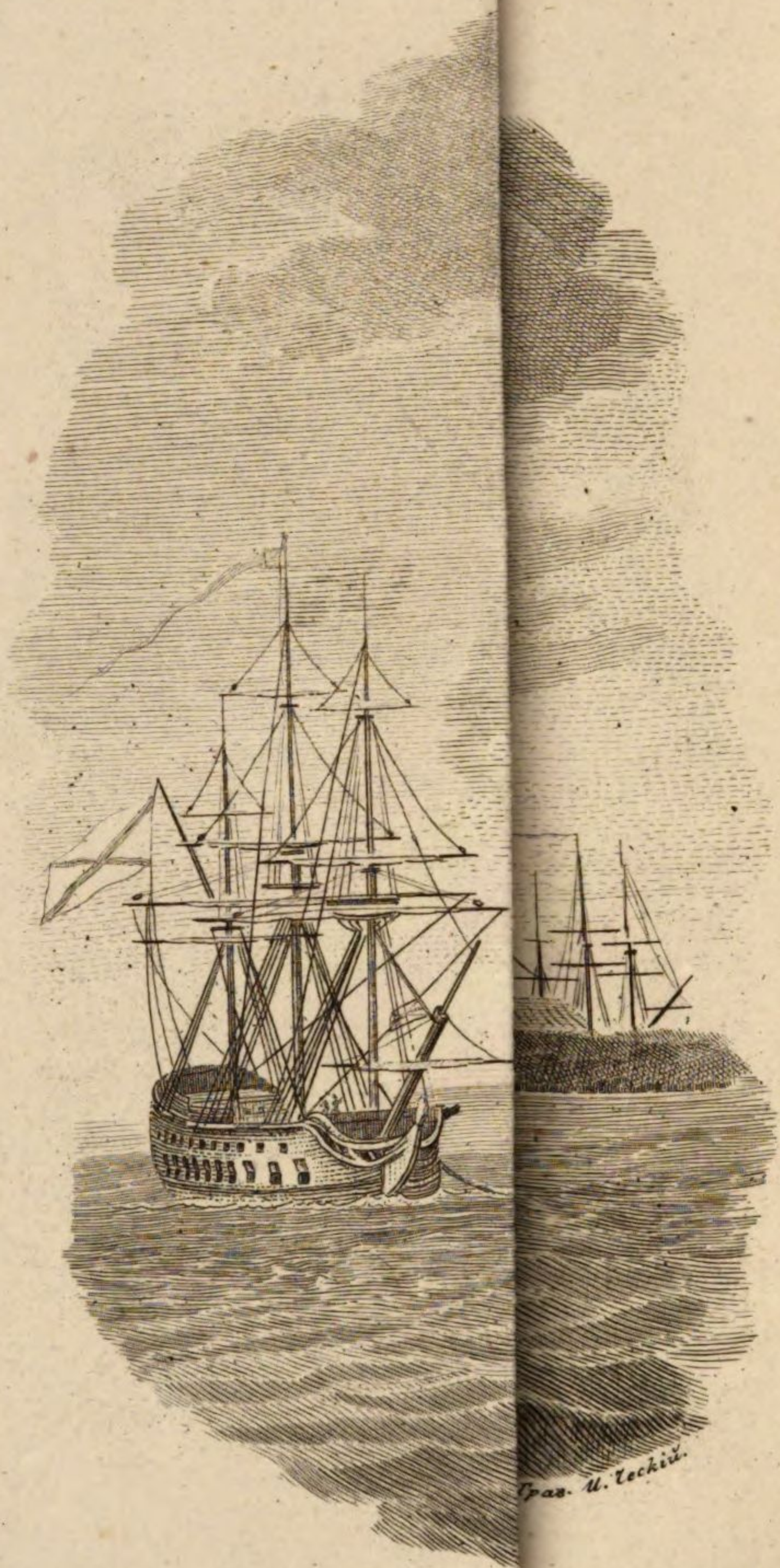
ШИШКОВУ.

КТО ПЕРВОСНАЧАЛЪ

1. Ономъ - Адамъ, 1674
2. Ономъ - Адамъ, 1674
3. Ономъ - Адамъ, 1674
4. Ономъ - Адамъ, 1674
5. Ономъ - Адамъ, 1674
6. Ономъ - Адамъ, 1674
7. Ономъ - Адамъ, 1674
8. Ономъ - Адамъ, 1674
9. Ономъ - Адамъ, 1674
10. Ономъ - Адамъ, 1674

ПЕРВОСНАЧАЛЪ

ПЕРВОСНАЧАЛЪ



*Изъ книгъ Александра Жуарова
№ 118.*

ПРІУГОТОВЛЕНІЕ КЪ КАМПАНИИ, — ОТБЫТІЕ
ИЗЪ КРОНШТАДА, — ПЛАВАНІЕ ДО РЕВЕЛЯ

1805 годъ.

Въ половинѣ 1805 года политическій горизонтъ Европы покрылся тучами. Непомѣрное честолюбіе Наполеона Бонапарте было причиною великихъ къ войнѣ пріутопвленій. Россія, Англія и Австрія приняла въ оной дѣятельное участіе. Въ слѣдствіе сего, къ прежнимъ силамъ (*) нашимъ, защищавшимъ Ионическую Республику, повелѣно отправить еще пять кораблей и одинъ фрегатъ. Начальство надъ сею эскадрою ввѣрено Конпръ-Адмиралу Сенявину, который тогда же произведенъ въ Вице-Адмиралы съ власною Главноначальствующаго надъ флотомъ и сухопутными войсками, находившимися въ Средиземномъ морѣ. Въ то же время вспомогательная армія, подъ предводительствомъ знаменитаго Генерала Голенищева-Кутузова, двинулась къ границамъ Австріи. Другой корпусъ подъ началь-

(*) Состоявшимъ изъ 15 пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ Генераль-Маіора Анрена и 5 кораблей, 4 фрегатовъ, 6 корветовъ и 6 бриговъ подъ командою Капитанъ-Командора Грейга.

2
свомъ Генералъ-Лейтенаншта Графа Толстаго, назначенъ для освобожденія Ганновера, занятаго непріятелемъ.

Въ началъ Августа Кроншпадь оживился необыкновенною дѣятельностію. Флотъ, состоящій изъ 11 кораблей, 9 фрегатъ и 300 Англійскихъ транспортовъ и малыхъ военныхъ судовъ, занималъ весь рейдъ и гавань. Адмиралъ Тенъ, начальствующій надъ симъ флотомъ, получилъ повелѣніе принять войска, споявшія лагеремъ близъ Ораніенбаума и высадивъ ихъ на островъ Ругенъ. 20 Августа начали перевозить полки. Пѣхотные Офицеры удивлялись огромности Гавріила, спопушечнаго корабля, на копоромъ я служилъ. Въ самомъ дѣлѣ нашъ Гавріиль представлялъ цѣлый городъ въ маломъ видѣ. Вообразите огромное зданіе, длиною 32, шириною 10, высокою съ мачшами 40 сажень, въ 3 яруса со 110 пушками 48, 24, 18 и 12 фунтоваго калибра, вмѣщающее въ себѣ на семь мѣсяцовъ съѣстныхъ припасовъ, воды, и всякаго рода запасныхъ и попребныхъ въ пупи вещей; сія лежащая по водамъ крѣпость, тысячію живущихъ на ней человекъ управляемая и защищаемая, должна поражать и удивлять умъ человѣчскій.

25 Августа былъ депушатскій смотръ эскадрѣ, отправляющейся въ дальній путь. Государь Императоръ, въ изъявленіе Своего благоволенія, пожаловалъ Офицеровъ и служителей полугодовымъ жалованьемъ. Зрѣ-

лище почестей, изъявляемыхъ на морѣ при появленіи шшандарта, то есть флага означающаго Монаршее присутствіе, столь великолѣпно, что едва ли имѣетъ себѣ подобное: флотъ, состоящій изъ многихъ разнаго рода и величины, украшенныхъ разноцвѣтными флагами кораблей, стоялъ въ линіи на семи верспахъ. Гребной каперъ, на коемъ находился Государь Императоръ, шелъ подъ шшандартомъ впереди длиннаго ряда шлюпокъ подъ шелковыми флагами Адмираловъ, прехъ дивизій. При проѣздѣ Его Величества мимо кораблей, мапросы, распавленные по реямъ и мачшамъ, возглашали громко Ура! При всходѣ и опшѣздѣ съ каждаго судна, крѣпоспи и корабли привѣтсшвовали Государя пальбою изъ всѣхъ орудій по одному выпсрѣлу.

Эскадра, назначенная въ Средиземное море, состояла изъ слѣдующихъ кораблей: 1) Ярославъ о 74 пушкахъ, подъ флагомъ Вице-Адмирала Главнокомандующаго и подъ командою Капитана Мишкова; 2) Москва о 74, Капитанъ Гешценъ; 3) Св. Петра о 74, Капитанъ Барапынскій, 4) Селафаиль о 74, Капитанъ Рожновъ; 5) Уріиль о 84, Капитанъ Мих. Быченскій; 6) фрегатъ Кюльдюинъ о 32, Капитанъ Развозовъ. Первые при корабля и фрегатъ построены масперомъ Курочкинымъ въ Архангельскѣ, и хопя не столь красивой наружности, но имѣютъ всѣ добрыя качества военнаго корабля. Послѣдніе два построены въ Петербургѣ масперами Амосовымъ и Сары-

чевымъ , и опличались чистотою опдѣлки и легкостію въ ходу. Флотъ нашъ спроиисся теперь Россійскими масперами , управляемъ Россійскими Адмиралами , Капитанами и Офицерами. Петръ Великій при заведеніи флота для поспроенія и управленія кораблей принималъ въ службу свою иносранцевъ ; но онъ не долго имѣлъ въ томъ нужду : Россіане вскорѣ сами сдѣлались искусными кораблеспроишелями и мореплавапелями.

28 Августа, по росписанію Коллегіи, переведень я былъ съ корабля Гавріила на корабль Св. Пепра. По снабженіи всѣмъ нужнымъ для долговременнаго плаванія и получа способный вѣтръ , 10 Сентября въ полдень, корабль Вице-Адмирала снялся съ якоря , а за нимъ послѣдовалъ и весь флотъ.

*Онъ, бѣлыми взмахнувъ крылами,
Пошелъ—и слѣдомъ пѣна рвали !
Державинъ.*

Тихій переменный вѣтръ удержалъ эскадру во весь день въ виду Кроншпада : казалось, что и корабли не охотно удалялись изъ любезнаго Ошечества ; однакожь сіе чувство сожалѣнія умѣряемо было въ насъ надеждою возвращенія , и пою восхищительною для молодаго человѣка мыслию , что онъ въ опдаленныхъ сстранахъ увидишъ множество любопытныхъ для него предметовъ. По крайней мѣрѣ о себѣ могу я сказать , что въ эпошъ

день мысль сія дѣлала меня щасливѣйшимъ. Предъ захожденіемъ солнца подулъ благополучный вѣтръ, и мы плыли по $1\frac{1}{4}$ верстѣ въ часъ (*), не чувствуя того: корабль нашъ какъ бы споялъ неподвижно. Темная ночь не помѣшала намъ благополучно пройти многіе островки, мѣли и подводные каменья, въ Финскомъ заливѣ разсѣянные. Море было спокойно, вѣтръ навѣвалъ вверху и кромѣ легкаго шума, производимаго ходомъ, тишина ничѣмъ не нарушалась.

Оспавимъ корабли спокойно продолжаять путь свой. Сдѣлаемъ небольшое опспуленіе для шѣхъ, коимъ небезполезно знать, какимъ чудеснымъ образомъ споль великія громады, каковы корабли, по влажнымъ, непоспояннымъ зыбямъ безопасно движущся, и крапкимъ объясненіемъ мореплаванія, дадимъ имъ нѣкошорое понятіе о томъ искусствѣ, какимъ суда изъ края въ край, опъ спраны въ спрану надежно препровождаются.

Великолѣпное зрѣлище неба долженспвовало привлечь вниманіе первыхъ обитателей земли, особливо въ шѣхъ щасливыхъ спранахъ, гдѣ всегдашнее благораспвореніе воздуха приглашало ихъ къ наблюденію свѣшилъ. Созерцая непрерывное обращеніе небесной швер-

(*) Или восемь узловъ, соотвѣтствующихъ осьми Итальянскимъ милямъ, коихъ бо въ градусъ или $1\frac{3}{4}$ версты въ каждой милѣ.

ди, наблюдая въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ Азіи, первомъ жилищѣ человѣческаго рода и колыбели всѣхъ наукъ, Халдеи, Египтяне, Персы и Кипайцы первые пріобрѣли нѣкоторое познаніе въ Астрономіи, впрочемъ весьма несовершенное. Сіи свѣдѣнія, открыли Финикіянамъ море и наука кораблевожденія воспріяла свое начало. Они первые на слабыхъ ладіяхъ плавали только днемъ и въ виду береговъ, къ которымъ приспавали на ночь; но когда случайно опносимы были опъ береговъ бурею, то днемъ правили по солнцу, а ночью по звѣздамъ; средство весьма недоспапочное, пошому что при облачномъ небѣ и пасмурной погодѣ часпо и надолго исчезаетъ. Преемники ихъ Картагенцы хопя и бѳльшія пріобрѣли познанія въ наукѣ мореплаванія, однако ходили также не далѣе какъ въ виду береговъ, и все еще подвергались великимъ затрудненіямъ и опасностямъ. Въ такомъ состояніи находилось искусство кораблевожденія до изобрѣшенія компаса, копорой ввелъ въ употребленіе Неаполитанецъ Флавіо Жоіа около 1300 года по Р. Х. Мореплаватели, получа орудіе, посредствомъ коего могли они во всякое время узнавать спрану, куда направляющъ пущъ свой, опважились на долгое время оставлять берега и преплывать моря. Духъ открытій, возбуждаемый надеждою обрѣсти богатыя корысти, внушилъ тогда великія предпріяпія. Въ началѣ 15 столѣтія Португальскій Принцъ Генрихъ, изобрѣлъ

первыя морскія карты, называемыя плоскими (*); онъ же съ помощію другихъ математиковъ посредствомъ Астрономическихъ орудій, Астролябій и Ноктурлябій, научилъ наблюдать солнце и звѣзды: руководимые сими, весьма еще несовершенными пособіями, Португальцы открыли великое пространство западнаго берега Африки, обошли мысъ буръ (Доброй Надежды), нашли сообщеніе съ Воспочною Индіею и пѣмъ лишили Венеціанъ и Генуезцовъ выгодъ ихъ торговли съ Индіею чрезъ Черное море; возшли на верхнюю степень славы, сдѣлались повелителями морей и обладателями великихъ богатствъ. Въ сіе же время Генуезецъ Христофоръ Колумбъ, мужъ искусный въ мореплаваніи и Астрономіи, размышляя о образѣ земноводнаго шара, сильно убѣдился, что къ Западу отъ Европы должно быть новой неизвѣстной еще землѣ, и что нашедъ оную можно прислать къ берегамъ Индіи или Кипая. Долгое время щепно предсавлялъ онъ разнымъ Государямъ сію мысль и услуги свои предпринять такое путешествіе. Въ то время никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы земля была кругла; но напоследокъ отъ Фердинанда и Изабеллы, Государей Кастиліи и Арагоніи, получилъ онъ три корабля, на коихъ отправясь, достигъ одного изъ острововъ на-

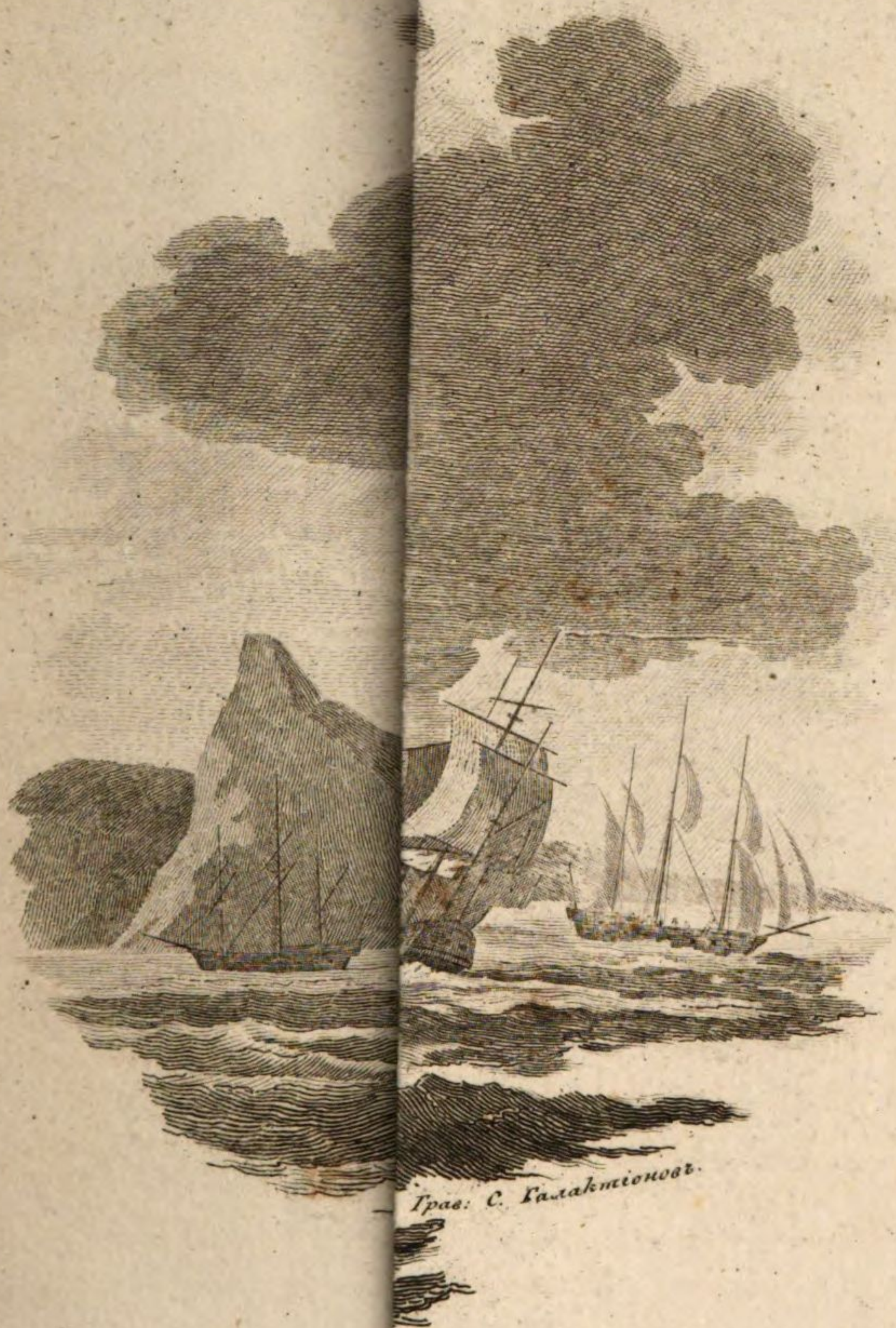
(*) Оныя карты пригодны въ малыхъ широтахъ ближе къ Экватору, или на небольшое только разножаніе въ широтахъ, между Тропиками и Полярными кругами лежащихъ.

зываемыхъ нынѣ Багамскими (*), прилежащихъ къ новой части свѣта, и симъ обрѣпеніемъ сдѣлалъ къ оной первый шагъ. Вскорѣ послѣ сего мореплаваніе обняло весь земной шаръ, и наука постепенно усовершенствовалась.

Ни одна изъ наукъ, постепенно восходившихъ къ совершенству, не поспѣвала такими исполинскими шагами, какъ наука мореплаванія. Усовершенствованіе ея принадлежишь 18 вѣку, по справедливости названному великимъ вѣкомъ открытій. Точное опредѣленіе печенія магнитной махеріи, законы шягопѣнія, обрѣпенные великимъ Невпономъ, новыя открытія въ Аспрономіи, измѣреніе земнаго градуса, опредѣленіе испиннаго вида земли, изслѣдованіе приливовъ, опливовъ и печенія моря, и наконецъ усовершенствованіе картъ, названныхъ по имени изобрѣшашеля Меркашорскими (**), обезопасили, облегчили и умножили быспрошу пушешествій на морѣ.

(*) Коломбъ прислалъ изъ оныхъ ко Гванани, названному имъ Салвадоромъ.

(**) Въ Меркашорской картѣ градусы меридіана уменьшсны въ той соразмѣрности, въ какой параллельные круги ошешоятъ отъ Экватора. Онаа карта представляеть весь земной шаръ какъ бы разогнушый на плоскости, на которой разположеніе и положеніе мѣснъ сохраняющся въ томъ самомъ видѣ, къ какомъ они находяпся на землѣ. Сія карты имѣюшъ преимущество предъ плоскими въ томъ, что онѣ съ совершенною точностию могутъ бышъ употребляемы во всѣхъ широтахъ и на большихъ пространствахъ.



Грав. С. Гагарининовъ.

Для счисленія пупи и опредѣленія мѣста на карпѣ, употребляются слѣдующія средства: Компасъ, самое простое орудіе, есть необходимѣйшее для управленія корабля во всякое время. Онъ раздѣленъ на 32 равныя части, называемыя румбами, каждому изъ коихъ присвоено названіе, для означенія, съ которой стороны дуетъ вѣтръ, и тѣже румбы показываютъ въ которой части горизонта лежатъ отъ насъ видимое, а по карпѣ даже за нѣскольکو тысячъ миль находящееся мѣсто. По сему-то устройству своему онъ опредѣляетъ черту, по коей корабль отъ пристани въ пристань должно править. По близости береговъ, замѣшивъ по компасу два или три примѣныя мѣста, и на карпѣ проведя отъ нихъ противныя румбы, пресѣченіемъ оныхъ назначается мѣсто корабля на карпѣ. Ходъ измѣряется лагомъ. Оное орудіе есть не иное что, какъ деревянная дощечка въ видѣ четверти круга, прикрѣпленная къ длинной нити, размѣренной на 48 Англійскихъ футовъ, означаемыхъ узлами. Бросивъ лагъ въ воду съ кормы, по мѣрѣ хода выпускаютъ нить, и сколько выдѣтъ узловъ въ полминуты, столько при той же силѣ вѣтра и тѣхъ же парусахъ, корабль пройдетъ Итальянскихъ миль въ часъ. На примѣръ: если въ полминуты выдѣтъ 2 узла, то въ продолженіе часа корабль перейдетъ 2 Итал. мили или $3\frac{1}{2}$ версты. Четверть компаснаго круга, начерченная на кормѣ для замѣчанія, сколько градусовъ слѣдъ корабля удаляется отъ ра-

діуса, проведеннаго по длинѣ корабля, означа-
 ешь дрейфъ или уклоненіе корабля отъ испин-
 наго пупи. Каждые полчаса записываютъ
 вѣпръ, направленіе пупи, ходъ и дрейфъ, да-
 бы по нимъ дѣлать счисленіе и чрезъ каждые
 4 часа положишь мѣсто корабля на картѣ.
 Поелику средства сіи подвержены погрѣшно-
 стямъ, а особливо при долговременныхъ, не
 видя земли плаваніяхъ, то прибѣгаютъ къ
 повѣренію сего счисленія слѣдующими Астро-
 номическими средствами. Окпаны, Секспаны,
 и Хронометры, сіи Астрономическіе инстру-
 менты, приведенные въ возможное совершен-
 ство, служатъ первые два для наблюденія вы-
 соты солнца и звѣздъ, по коимъ съ матема-
 тическою точностію опредѣляется широка
 мѣста, въ то время, когда свѣшила сіи нахо-
 дящаяся на нашемъ меридіанѣ; послѣдній же, по-
 казывая время до малѣйшей перціи, служишь
 для вычисленія долготы. Такимъ образомъ по
 широтѣ и долготѣ, въ большихъ океанахъ
 когда и не видяшь земли, назначаютъ мѣсто
 корабля на картѣ.

Сими премо, удивленія достойными сред-
 ствами, взоръ къ звѣздамъ, къ солнцу, на
 компасъ, на песочные часы (*), щепъ прой-

(*) Часы сіи счищаются склянками, получасовыми и четырехъ
 часовыми. Напр. счищая отъ полудня, три склянки значають
 второй въ половинѣ часъ, восемь 4 часа. Послѣ сего обѣ
 склянки оборачиваются, и время считается уже отъ 4 ча-
 совъ и такъ далѣе.

деннаго плаванія, и простое вычисленіе, показываешь кормчему, во всякое время, мѣсто корабля его на земномъ шарѣ. Пользуясь великою точностію картъ, мореплаватель заходитъ въ пристань, лежащую на его пути и останавливается въ ней какъ бы на станціи для отдохновенія и запасенія провіантомъ.— Христофоръ Колумбъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ имя великаго мореходца, ибо, не имѣя нынѣшнихъ средствъ, онъ переплылъ обширный океанъ по одному математическому соображенію и догадкѣ; но въ наши времена и обыкновенный кормчій, совершая плаваніе вокругъ свѣта, достигаетъ точно въ то мѣсто, которое себѣ предназначилъ.

Ночью попутный вѣтръ усилился, и 11 Сентября къ вечеру эскадра уже находилась на высотѣ Ревеля; но какъ югозападный вѣтръ препятствовалъ идти между островами Наргеномъ и Вульфомъ, то Адмиралъ повелъ корабли къ другому проливу и обошелъ Наргенъ, по причинѣ темной ночи, остановился на якорѣ между симъ островомъ и Суоупскимъ маякомъ. Съ разсвѣтомъ высокая колокольня Олай-кирки открылась и эскадра вступивъ подъ паруса и прилавировавъ (*) ближе къ городу, спала на якорь.

(*) Лавировать значитъ поворачивая то на ту, то на другую сторону, и при противномъ вѣтрѣ идти по малу впередъ.

РЕВЕЛЬ 12 Сентября.

Ревель, также какъ и Кронштадтъ, имѣетъ гавань и арсеналь для флота. Гавань Ревельская, по низкости ея бруствера, худо защищала корабли отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и не болѣе 15 караблей помѣстить могла; а какъ при томъ Кронштадская гавань примѣнно мѣлѣетъ, то для сего предназначено, оставя въ Ревелѣ старую для купеческихъ судовъ, построить новую, которая могла бы вмѣстить весь Балтійскій флотъ. Два крыла новаго бруствера уже окончаны; они стоили многихъ милліоновъ, и твердостью, искусствомъ сложения своего, свидѣтельствуютъ будущую память царствованія АЛЕКСАНДРА I. Единоеобразіе гошическихъ зданій и древнее зодчество высокихъ кирокъ, украшенныхъ вмѣсто креста пѣшухомъ, знакомъ опреченія отъ Христа Апостола Петра, придають старому городу видъ почтенной древности. Число прекрасныхъ домиковъ предмѣстія съ перваго взгляда показываетъ вкусъ Нѣмцевъ. Немногія мѣста могутъ спорить съ Ревелемъ въ красотѣ окрестностей, которыя въ самомъ дѣлѣ превосходны: со всѣхъ сторонъ находишь картины, пріятныя для взора. Проведя день въ упражненіи по должности, къ вечеру съѣхалъ я на берегъ, и какъ было Воскресенье, пошелъ въ Екапериненпаль, прекрасный публичный садъ. Въ длинной пѣнистой аллеѣ, ведущей къ морскому берегу всмѣрилъ я мно-

жество прогуливающихся. Далѣе на площадкѣ въ лѣпней галлерей услышавъ музыку—вошелъ. Спройныя, румяныя и весьма щеголевато одѣтыя жены ремесленниковъ, въ вихрѣ вальса казалось, забывали шруды рабочихъ дней; мужья ихъ, при наполненной кружкѣ пива, занимались разговорами или играли въ кегли. Вошъ образъ жизни и занятій добродушныхъ Ревельцевъ! Кромѣ праздничныхъ дней, всякой сидитъ за своей работой, и въ городѣ бываетъ такъ тихо, какъ въ небольшой деревнѣ.

Въ гавани было множество Англійскихъ транспортовъ, пришедшихъ для перевозу войскъ нашихъ на островъ Ругенъ. Народъ, смотря на видныхъ воиновъ, всходящихъ на суда, толпился и покрывалъ всю набережную: слыша горькія рыданія женъ и смотря на мужественныя, но помраченныя печалію лица солдатъ, чувство состраданія проникало сердце каждого. Казалось, вся Россія по мановенію своего Монарха, шла для преграды честолюбивыхъ намѣреній Наполеона. Сей все-разрушающій духъ, безпрестанно замышляетъ новыя войны, сей себялюбецъ, не имѣя ни одной добродѣтели, свойственной истинно великимъ мужамъ, попирая всѣ права, пренебрегая благосостояніе народа, избравшаго его своею главою, содѣлался тираномъ Франціи!

Получа въ Ревелѣ нѣкоторыя вещи коихъ недоспавало въ Кронштадѣ, и укомплектовавъ экипажъ недостающимъ числомъ

людей, мы опправились въ дальнѣйшій пунъ
17 Сентября.

ПЛАВАНІЕ БАЛТІЙСКИМЪ

МОРЕМЪ.

Конвой съ десантными войсками, вышедшій вмѣстѣ съ эскадрою, къ вечеру уже едва былъ видѣнъ; миновавъ Оденсгольмскій маякъ, и на разсвѣтъ 18 Сентября обошедъ мысъ Дагерорпъ, самый западный конецъ Россійскихъ владѣній, вступили мы въ открытое море. Взорамъ нашимъ представлялись токмо мрачныя облака, гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ и снѣжная бѣлизна валовъ. Въ полночь вступя въ опправленіе должнсти, я восхищался стремительнымъ бѣгомъ корабля, зарывающагося въ волнахъ, подъ носомъ на подобіе водопада шумящихъ. Свистъ вѣтра, изрѣдка прерывался голосомъ стоящаго на спражѣ Лейтенанта, копорого бдишельности ввѣрены и ходъ и безопасность корабля. Матрозы были въ совершенномъ бездѣйствіи: одни, сидя у снастей, разговаривали про свои походы, другіе, находясь на верху мачтъ, попѣвали протяжныя пѣсни, иныя смѣшными рассказами забавляли своихъ товарищей. Что же причиною такой ихъ беззаботливости? упованіе на знаніе начальника, увѣренность въ способности и прочнсти своего корабля.

Выдумка построенія корабля есть по истинѣ самое важнѣйшее, самое полезнѣйшее, изобре-

шеніе ума человѣческаго. Степень совершенства, до коего доведено нынѣ кораблестроеніе, принадлежишь также пропекшему спюльшію. По правиламъ высшей Математики найдено, какой для какого назначенія образъ должна имѣшь подводная часть корабля, какую при извѣстной длинѣ корабль долженъ имѣшь ширину, сколько сидѣшь въ водѣ, сколько надъ водою, сколько поднимаешь грузу, сколько имѣшь мачшь, парусовъ и другихъ принадлежностей, дабы, имѣя всѣ нужныя качества, способенъ былъ къ быспрѣйшему, безопасному плаванію и удобному управленію. Такимъ образомъ глубокія изслѣдованія, поспешенно улучшая, начерпали превосходное строеніе корабля, котораго совершенство изумляетъ и самое смѣлое воображеніе. Строеніе всякаго мореходнаго судна соображено такъ, что никакая буря, никакая сила вѣтра не можетъ его опрокинуть, и отважный мореходецъ, отдѣленный отъ смерти одною доскою, преплывая на немъ моря, обтекающая вселенную, не боится, ни бездонной глубины океана, ни бушующихъ урагановъ, ни свирѣпой и непостоянной стихіи. Нельзя не удивляться, какое сдѣлалось различіе въ строеніи и управленіи нашихъ противу древнихъ мореходныхъ судовъ! Чудовищныя галеры Римлянъ, о прехъ или чепырехъ ярусахъ весель, имѣя худые, малые, слабо укрѣпленные паруса, двигались только руками гребцовъ, и при томъ не имѣя вѣрныхъ часовъ, не умѣя мѣрять скорости

хода, едва могли плавать близъ береговъ. Какая опасность такихъ кораблей на волнуемомъ морѣ! какое неудобство при поворачиваніи оныхъ! Напрошивъ того нынѣ сто-пушечный корабль, вдвое большій древней галеры, принявъ на себя грузу многія тысячи пудовъ, въ нѣсколько недѣль переѣзжаетъ изъ Спасаго Свѣта въ Новой, будучи управляемъ одною только рукою кормчаго. Оснастка корабля столь же удивленія достойна, какъ и его построение. Самая малѣйшая веревочка имѣетъ свое названіе и составляетъ звено той цѣпи, которую, если вынуть, то весь составъ ея разрушится. Высота мачтъ сама превеликая, и держа на себѣ великое число парусовъ, соизмѣрена такъ, что при шихомъ вѣтрѣ, сохраняя всю огромность высоты своей, представляетъ ему самую большую площадь: когда же вѣтръ начнетъ крѣпчать, тогда и она со всѣми парусами своими по мѣрѣ прибавленія силы его уменьшается, и чрезъ то не допускаетъ его нанести ей вредъ. Каждая изъ трехъ большихъ деревъ, поставленныхъ одно на другое, изъ коихъ два верхнія могутъ подниматься и опускаться, верхняя называется Брамшпентга, средняя шпентга, которыя вмѣстѣ съ мачтою, напримѣръ сто-пушечнаго корабля, имѣютъ 40 сажень длины или высоты. Сорокъ парусовъ распянутыхъ на 12 рядахъ и между мачтами, висятъ одни надъ другими въ прекрасномъ равновѣсіи составляютъ всегда при всякомъ направленіи вѣтра такую

для напора его поверхность, что онъ, даже и проливный, приносишь мореплавателя къ желаемой пристани.

Вѣтръ дулъ постоянно, шастіе намъ не измѣняло. 20 Сентября прошли Голландъ, ночью миновали Эландъ, а 21-го были уже близъ Борнгольма. Скоро увидѣли мы островъ Меунъ. Близна береговъ его, мѣшаясь съ синимъ цвѣтомъ моря, представляла глазамъ прекрасное смѣшеніе красокъ. Обойдя мысъ Фласшербо, могли бы мы чрезъ часъ быть въ Копенгагенъ; но вдругъ вѣтръ перемѣнился, сдѣлался проливный и мы принуждены были остановиться у деревни Дракъ, въ 30 верстахъ отъ Столицы Даніи.

Сильный проливный вѣтръ продолжался отъ 23-го до 30 Сентября. Скучное стояніе на якорѣ въ дурную погоду, и при томъ такъ недалеко отъ столицы, старались мы разгонять пріятностію бесѣдъ и разговоровъ. Какъ на корабляхъ нашихъ находилась большая часть рекрутъ, то для обученія ихъ, когда вѣтръ немного утихъ, Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ, кораблю Уріилу и фрегату Кильдюину сняться съ якоря. Выдумка сигналовъ, помощію коихъ управляется флотъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Десять разныхъ яркихъ цвѣтовъ флаговъ, означающихъ цифры отъ 0 до 9, раздають всѣ приказанія Адмирала, которые подъ нумерами напечатаны въ особыхъ книгахъ. Верхній флагъ означаетъ единицу, подъ нимъ второй десятки, третій сотни, и такъ

Часть I.

далѣе. Сими флагами составляются всѣ возможные повелѣнія, извѣстія и тому подобное. Ночью и въ туманѣ сигналы дѣлаются пушечными выстрѣлами и фонарями. Телеграфныя сигналы показывающіяся шарами и флагами, и основаны на Лексиконѣ, заключающемъ въ себѣ подъ номерами азбуку, и до трехъ тысячъ самыхъ употребительныхъ словъ. Сверхъ сихъ, есѣ такъ называемые опознавательные, копорые по условленнымъ знакамъ, показывающъ дружескій или непріятельскій тонъ корабль, съ копорымъ въ морѣ встрѣтились. Сіи и секретныя сигналы, поручаемые Адмираламъ и Капитанамъ, не прежде распечатываются какъ въ нуждѣ, и при томъ хранятся какъ Государственнаѣ тайна.

КОПЕНГАГЕНЪ (*).

Гавань Копенгагена всегда наполнена кораблями; биржа завалена шюками поваровъ, свезенныхъ сюда опъ всѣхъ концовъ земнаго шара. Дашчане, успѣли воспользовавшись нейпратипешомъ, умѣли пріобрѣсти богатство тогда, какъ другіе Европейскіе народы разорились; и нынѣ одни они остались соперниками въ торговлѣ Англичанамъ. Торговля обществъ, въ копорыхъ по примѣру Швед-

(*) Считаю не бесполезнымъ сообщить здѣсь прежнія мои замѣчанія о сей Датской столицѣ.

скаго и Англійскаго, самъ Король учаспвуетъ, приносятъ имъ вѣрныя и великія выгоды. Принадлежація коронѣ купеческія суда опшличаюпся вензелемъ Короля, изображеннымъ на флагѣ.

Насыпъ раздѣляетъ гавань на двѣ части: въ одной стоятъ 30 военныхъ кораблей, въ другой помѣщается 300 купеческихъ судовъ. Военная гавань, Адмиралтейство и верфь (*), могутъ служишь образцомъ вкуса, порядка и бережливости. Магазины наполнены всѣмъ нужнымъ для вооруженія кораблей, запасъ лежишь готовый на нѣсколько лѣтъ впередъ. Лѣса, не прежде употребляющіяся въ строеніе, какъ по совершенномъ ихъ осушеніи. Снапели, на которыхъ строятся корабли, покрыты крышею. Корабли, стоящіе въ гавани, прикованы цѣпями къ сваямъ, также покрыты дощатою крышею, а опъ солнца бока завѣшены парусиною; посему и не удивительно, что Данскіе корабли служатъ по 50 и болѣе лѣтъ. Сія благоразумная бережливость конечно сохраняетъ Государспвенной казнѣ многіе милліоны. Каждый корабль поставленъ прошиву магазейна, въ которомъ паруса, снасти и всѣ его принадлежности разложены въ порядокъ, и при вооруженіи не нужно развѣзжати по разнымъ мѣстамъ. Данскій флотъ никогда почти не выходитъ въ море, половина

(*) Мѣсто, гдѣ строятся корабли.

мапрозъ въ мирное время опускаются на купеческія суда, на коихъ служба, не только приобрѣтають нужныя познанія, но обезпечивають свое состояніе. Другая половина состоитъ на службѣ, работаетъ въ Адмиралтействѣ, учится сирѣлять на бапареяхъ, а въ свободные дни опускается на свои работы на биржу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, они смѣняются первыми. И такимъ образомъ, находясь на службѣ и освобождаясь отъ оной, поволѣ и неволѣ, дѣлаются въ своемъ ремеслѣ опытными, искусными мапрозами. Арсеналь, прекрасной наружности зданіе, также въ Адмиралтействѣ находящееся, хранитъ всякаго рода оружіе для ста тысячъ войска. Въ особой палатѣ показываютъ древніе шлемы, панцыри, палицы и щиты. Иные латы всѣяты отъ 4-хъ до 5-ти пудовъ. На клинкѣ одного тяжелаго меча, подписано золошою насѣчкою: „*Петръ Великій посѣщалъ арсеналъ сей въ 1718 году.*“

Биржевой домъ, за Адмиралтействомъ находящійся, обращаетъ вниманіе огромностью своею и голическою наружностію. Зданіе сіе представляетъ безмѣрную залу, всегда наполненную народомъ, гдѣ непрестанно ѣздятъ огромныя шельги, влекомыя 12-ю лошадьми, и гдѣ повары всѣхъ родовъ и на многіе милліоны лежатъ на столахъ, подъ шапрами, въ особыхъ лавкахъ, вдоль стѣнъ построенныхъ, и надъ головами висящихъ, куда всходятъ по подъемнымъ лѣстницамъ. Входъ и выходъ сего дома украшенъ портикомъ съ пол-

спыми колоннами; длинныя стороны обезображены несоразмѣрно высокими окнами, въ коихъ стекла, круглыя и разноцвѣшныя; крыша вся въ углахъ, со множествомъ слуховыхъ оконъ.

Главная улица и двѣ площади украшены двумя конными статуями Христиана V и Фридриха V. Первая площадь составляетъ осьмиугольникъ, и обстроена прекрасными домами равной вышины. Частныя зданія Копенгагена, не могутъ сравняться съ Петербургскими; онѣ представляютъ смѣсь готической и новѣйшей Архитектуры; но множество магазиновъ, лавокъ и погребовъ показываетъ, что Копенгагенъ производитъ гораздо значительнѣйшую торговлю, нежели наша столица. Дворецъ и библіотека, которые украшали городъ, къ сожалѣнію сгорѣли. Королевскій музейъ почитается изъ лучшихъ въ Европѣ: оный раздѣляется на восемь залъ, наполненныхъ всякаго рода рѣдкостями. Живошныя, птицы, рыбы, растѣнія, минералы, собранные опъ всѣхъ странъ міра, составляютъ богатый кабинетъ естественныхъ рѣдкостей. Изъ искусственныхъ произведеній я замѣчу наиболѣе достойныя примѣчанія: 1. Человѣческій скелетъ изъ слоновой кости, съ малѣйшими артеріями и жилами; 2. Модель корабля, съ мачтами и парусами, и—3. часы изъ слоновой кости, отдѣланы съ удивительною точностію; 4. Мраморный столъ, съ натуральнымъ на немъ изображеніемъ распятія; 5. Деревянная чашка, въ которую вложены сто другихъ,

споль тонкихъ, что при легкомъ къ нимъ прикосновеніи, они гнутся, какъ бумажный листъ; 6. Въ обыкновенной игольникъ, вмѣщена карета, запряженная шестью лошадьми, кучеръ, вершникъ и слуга, споль хорошо выработаны, что разсматривая ихъ въ микроскопъ не лзя не удивиться совершенству ихъ фигуръ; 7. Машина, представляющая сферу по Коперниковой системѣ, обращаема помощію колесъ, показывающъ всѣ движенія небесныхъ планетъ; 8. Одежды и оружія многихъ народовъ; 9. Нѣсколько Индѣйскихъ и Египетскихъ идоловъ, деревянныхъ, фарфоровыхъ и изъ слоновой кости сдѣланныхъ; 10. Нѣсколько листовъ писанныхъ на папирѣ. Наконецъ въ картинной галлерей, одна изъ картинъ обращаетъ на себя вниманіе. Она поставлена въ темномъ углу и представляетъ спарика, сидящаго подлѣ сполы, окруженнаго его семействомъ, и при свѣчкѣ, въ очкахъ, читающаго книгу. Постепенное различіе свѣта, споль превосходно, что только одному Жирарду возможно споль чудесно живописать огонь. Не менѣе того, художникъ сей картины не извѣстенъ. Знаюки расположеніе въ ней стѣны и свѣта поставляютъ примѣромъ искусства живописнаго.

З у н д ъ

Послѣ долгаго ожиданія въпрѣ сдѣлался наконецъ попутный и эскадра на всѣхъ пару-

сахъ пуспилась излучистымъ каналомъ въ Зундъ. Оный споль опасень, что хоща опмѣ-
ли съ обѣихъ споронъ означены баканами и
вѣхами, однакожь въ деревнѣ Дракъ всѣ
корабли берутъ Лопмановъ. Въпрѣ былъ до-
вольно свѣжъ, и мы быспро промчались мимо
Данской столицы. Башни со шпицами, га-
вань со множествомъ кораблей, прибрежныя
крѣпости, а за ними огромныя зданія Копен-
гагена, представляющъ съ моря прекрасный
видъ. Набережная Зеландіи, копорую прохо-
дящъ весьма близко, усѣяна деревнями и заго-
родными домами. Сады, роши и луга опмѣн-
но украшающъ мѣстоположеніе. Другая спо-
рона Зунда Шведскій берегъ, кажеться не шакъ
населень, не шакъ украшенъ; но золопистыя
его нивы показывающъ плодоносіе. Въ двухъ
миляхъ опъ Гельзинора находится небольшой
Королевскій домикъ, съ плоскою крышею.
Сказывающъ, что оный поспроенъ на томъ
мѣстѣ, гдѣ жилъ Гамлетовъ отецъ, а ближ-
ній садъ былъ мѣстомъ, гдѣ сей несчастный
оправленъ ядомъ. Ни одинъ Англичанинъ не
пропустилъ осмопрѣлъ онаго: шаква сила
паланпа славнаго Шекспира! По прелестнымъ
видамъ, плаваніе Зундомъ можно назвашъ прі-
ятною прогулкою. Въ семъ проливѣ, спѣснен-
номъ двумя цвѣшущими берегами, всегда, какъ
на большой дорогѣ, встрѣчаешъ большіе кара-
ваны кораблей различной величины. Всѣ дви-
жущся шуда и сюда; одни лешащъ, другіе бѣ-
гущъ, шрешъ едва идущъ; иные несущся

по вѣтру и теченію, а другія прошивоборсп-
вужа имъ, медленно впередъ подвигаются.

Нѣкоторые путешественники рассказыва-
ють, будто бы островъ Веевъ, лежащій
среди Зунда, обратилъ вниманіе Петра Ве-
ликаго и будто бы онъ предлагалъ за него
Данскому Королю сколько серебряныхъ руб-
лей, сколько ихъ на немъ помѣститься можетъ.
Если сіе было, то безсомнѣнія Петръ Ве-
ликій сею шуткою хотѣлъ означить великое
число судовъ, ежегодно проходящихъ Зундъ, и
что ежели бы ему сей островъ продали, то
пославъ на немъ крѣпость и собирая съ
нихъ пошлину, онъ скоро бы ему окупился.
Онъ принадлежишь теперь Швеціи и Даніи
пополамъ, и едва населенный 200 или 300 жи-
телей, представляетъ одно только удобство
—портъ запрещенными товарами.

Гельзиноръ 30 Сентября.

Въ чепыре часа эскадра пролетѣла Зундъ
и остановилась у Гелзинора. Тутъ всегда
бываетъ великое сборище судовъ почти отъ
всѣхъ странъ міра, ибо всѣ идущія въ Балти-
ку и обратно, для заплавы пошлины, должны
здѣсь остановиться. Море переполнено отъ
разноцвѣтныхъ флаговъ и вымпеловъ. Кораб-
ли безпрестанно то отходятъ, то приходятъ,
и пушечные выстрѣлы и крикъ работающихъ
матрозовъ имѣють въ себѣ такую прелесть,
что со шканецъ сойти не хочется. Городъ,

спящій на низкомъ берегу, представляется сквозь лѣсъ мачтъ, какъ будто бы за густымъ боромъ.

Послѣ обыкновенныхъ посѣщеній и поздравленій съ прибытіемъ, Офицерамъ позволено было съѣхать на берегъ. Шелъ небольшой дождь, на улицахъ было такъ грязно, а опъ множества иностранцевъ такъ тѣсно, что мы принуждены были войти въ первой кофейной домъ; но лишь только проглянуло солнце, какъ мы оставили дымной опъ цыгаръ и прубокъ пракпиръ, не спали читая газетъ и вмѣсто того пошли прогуливаться. Сыскавъ проводника, приказали вести себя за городъ,—и деревянные башмаки его заспучали на мостовой. Прошли нѣсколько улицъ и весь шупъ городъ! Дома высоки и только при или чешыре окна въ фасадъ, внизу вездѣ лавки. Пришедъ къ ворошамъ Кронборга, учпивый караульный Офицеръ ввелъ насъ на дворъ замка, подобнаго чешвероугольной башнѣ. Церковь съ гопической колокольнею была заперта, мы сошли внизъ въ казематы, гдѣ содержащя преслупники. Они не лишены воздуха, шюрмы чисны, невольники по силамъ заняты работою и только смертоубійцы на ночь обременяющя цѣпями. Спѣны замка дикаго песанаго камня, весьма толсты и вооружены нѣсколькими пушками. Лучшія его укрѣпленія, морскія башарей, внѣ спѣнъ построеныя. Онны могутъ вредить кораблямъ, но флота, прорывающагося сквозь проливъ, особенно при

свѣжемъ вѣтрѣ, оспановишь не въ силахъ. Лордъ Нельсонъ въ 1801 году доказалъ кажется Дашчанамъ, что Зундъ ихъ не непроходимъ.

Караульный Офицеръ предложилъ намъ идти въ Королевскій садъ и приказалъ проводить туда одному изъ солдатъ своихъ. Былъ какой-то праздникъ, аллеи переполнены женскихъ нарядовъ. Мужчины мѣрными шагами ходили взадъ и впередъ, снимали передъ нами шляпы, или лучше только до нихъ допрогивались и курили цыгары. Хотя листья опали и оставалось уже мало зелени; но садъ, расположенный на горѣ и близъ моря, показался мнѣ весьма пріятнымъ. Съ балкона лѣшняго дома, построеннаго на открытомъ мѣстѣ, видъ Гельсинора и окрестностей представляешь прелестную картину. Шумный Зундъ, отдѣляя сей видъ, отъ грозныхъ крутыхъ скалъ Швеціи, сею самою прошивуположенностію шѣмъ болѣе плѣняетъ взоры.

Какъ вѣтръ для опытія въ Англію былъ проливной, а день прекрасный, то свѣтъ на шлюбку съ нѣсколькими товарищами, въ полчаса переправились мы чрезъ Зундъ и вышли на берегъ въ Гельсинборгъ. Двѣ улицы подъ горою, развалившаяся вѣтренная мельница на горѣ, и красныя высокія крыши домовъ—вотъ все, что можно видѣть въ семъ небольшомъ городкѣ. Никто не обезпокоилъ насъ на дорогѣ, ибо прошедши до середины города, не встрѣтили мы ни одного человѣка.

Далѣе хошя и попадались намъ люди, но ни-
 кно насъ не понималъ, всѣ проходили мимо
 улыбаясь и мы не знали куда идти. Видимъ
 вывѣзку аптеки — порпирешъ Галена — мы во-
 шли. Къ пошолку привѣшенъ крокодилъ и въ
 чучелъ ужасный! Какая находка! Въ чистыхъ
 шкафахъ, вмѣстѣ съ лѣкарствами, въ банкахъ
 стоятъ конфекты. Купимъ ихъ скорѣе, ибо
 надобно же имѣть какую нибудь причину зай-
 ти въ аптеку. Наконецъ показали намъ прак-
 ширъ, усыпанный пескомъ, правильно укладен-
 ный ельникомъ и мы очень обрадовались на-
 шедши тамъ играющихъ на биліардѣ прекрас-
 ныхъ и видныхъ Шведскихъ Офицеровъ полка
 желтыхъ гусаръ. Они какъ хозяева насъ обла-
 скали, мы познакомились, опобѣдали вмѣстѣ
 и распались дружески.

П л а в а н і е Н ѣ м е ц к и м ѣ

м о р е м ѣ.

3-го Октября при шихомъ юговоспочномъ
 вѣтрѣ эскадра снялась съ якоря. По причинѣ
 прошивнаго теченія въ продолженіи ночи едва у-
 спѣли обойти мысъ Кулленъ, и опасный оспровъ
 Ангольшъ, окруженный мѣлями. На другой день
 вѣтръ, опошедъ къ востоку, сдѣлался очень
 силенъ, корабли пошли по 22 версты въ часъ,
 и въ 14 часовъ прошли весь Капеганъ. При
 захожденіи солнца угрюмыя дикія скалы Дер-
 неуса, послѣдняго мыса Норвегіи были проши-

ву насъ , а къ ночи эскадра вступила въ Нѣмецкое море. Бурная, мрачная ночь , представляла великолѣпное зрѣлище: Корабль, разсѣкая и вмѣстѣ нисходя и восходя на валы , производилъ бѣгомъ своимъ спрую и пѣну обращенную въ пыль. Слѣдъ, а паче близъ руля, слался по хребтамъ волнъ рѣкою лавы , огненнымъ змѣемъ, копорый извиваясь казалось гнался за кораблемъ. Вода издавала блескъ, подобный золоту , корабль по видимому плылъ въ расплощенномъ мешалѣ. Подъ носомъ, гдѣ наиболѣе сопрошивленія, раздробленные грудью корабля валы, подобно шифонному столбу, вздымаясь высоко, огненнымъ дождемъ падаютъ на палубу. Карпина ужасная и вмѣстѣ прекрасная! Морская вода, содержащая въ себѣ множество силипренныхъ , фосфорическихъ , и другихъ часпицъ , отъ шренія о борть корабля, какъ будто возгорается , и въ темную ночь при скоромъ ходѣ производить сіе явленіе.

На другой день , когда мы были посреди моря , то сожалѣли и о скучныхъ кремнистыхъ берегахъ Норвегіи. Обнаженные скалы сіи раждаютъ вопросъ , чѣмъ питаются жители , ихъ населяющіе? — Милосердый Промысль , давъ вельблюда Аравіянцамъ , оленя Лапландцу, Норвежцу приводитъ сельдь, такъ сказать къ дому, ежегодно и въ такомъ множествѣ, что безплодіе земли замѣняется плодоносіемъ океана. 1800 года я видѣлъ ловъ сельдей въ Бергенѣ , а прошедшаго 1804 года

въ Консбагъ (*), зрѣлище любопытное и пріятное. Когда сельдь вошла въ заливъ, море до сего свѣпное какъ зеркало, перемѣнило цвѣтъ и заблестало рыбьею чешуею. Головы Аккуль, Нордкаперовъ и Касапокъ, безпрестанно показывались на поверхности воды. Нордкаперы, родъ малыхъ киповъ, имѣя горло обширнѣйшее Исландскихъ, суть злѣйшіе непріатели сельдей. Они пригоняя ихъ къ берегу, бьютъ хвостами; оглушенная симъ попадаетъ она въ пасть ихъ. Рыбачьи лодки, держась въ двухъ линіяхъ, черпаютъ рыбу, саками, ведрами и берутъ даже руками. Ночью, ловъ всегда бываетъ успѣшнѣе, ибо рыбы, стремясь къ огнямъ, зажигаемымъ на берегу и на лодкахъ, въ великомъ множествѣ попадаются въ сѣти, растянутыя съ лодки на лодку. При удачной ловлѣ, одинъ промышленникъ, въ ночь, получаетъ ее столько, сколько нужно на годъ для его семейства. Голландцы потчасъ по вынутіи сельди изъ воды, попрошаютъ, вымываютъ морскою водою, солятъ и укладываютъ въ бочки, и вѣроятно опъ сего пріуготовленія, сельдь ихъ лучше прочихъ; ибо Англичане, Шведы и наши Архангелогородцы очищаютъ ее, спустя уже нѣкоторое время.

Вѣчная премудрость, которая печется о сохраненіи всѣхъ тварей, и здѣсь замѣтна

(*) Заливъ, удобный для кораблей, въ 30 верстахъ отъ Готс-бурга къ востоку лежащій.

въ жизни и разумъ сельдей, если симъ, можно названъ по тайное побужденіе (instinct), которое заставляетъ ихъ, предпринимающъ путешествіе всегда въ одно время, до извѣстной широты, и въ спрѣ, порядкѣ удивительномъ возвращающъ въ отечество свое, сѣверный полюсъ, гдѣ подъ льдомъ, отъ хищныхъ рыбъ живутъ они въ безопасности. Вотъ путь, по которому они слѣдуютъ: въ началѣ года, армія сельдей выплываетъ и плыветъ къ югу. Въ Мартѣ мѣсяцѣ, достигнувъ Исландіи, раздѣляются на два корпуса. Первой, разными опрядами идетъ къ Тенерифу, другой обращаясь къ Норвегіи и обошедъ мысъ Дернеусъ, раздѣляется на двѣ колонны. Одна изъ нихъ, чрезъ Зундъ, другая чрезъ Бельшы, входящъ въ Балтійское море, гдѣ дошедъ до Шведскихъ шхеръ, возвращающъ назадъ, и плывутъ соединенно къ берегамъ Голландіи. Западная армія, всегда преслѣдуемая хищными рыбами, обходитъ Шедландскіе и Оркадскіе острова, идетъ вдоль береговъ Великобританіи и Ирландіи, обращаясь въ Англійскій каналъ и отдѣляетъ отъ себя еще одну колонну въ Атлантическій океанъ, которая далѣе Бискайскаго залива рѣдко являея. Распространившись такимъ образомъ по всѣмъ сѣвернымъ морямъ, соединяющъ они въ Нѣмецкомъ морѣ, и въ концѣ осени, возвращающъ въ свою отчизну. Естествословы, изыскивая причину таковаго правильнаго путешествія сельдей,

полагають исканіе пищи, состоящей въ чер-
вяхъ, коими сѣверныя моря преисполнены.

Въ семъ путешествіи сельдей представля-
ется для наблюдателя зрѣлище сколь лю-
бопытное, столько же и удивительное. Впе-
реди арміи ихъ идетъ авангардъ, въ центрѣ
главнаго корпуса находится Король, который
отличается отъ прочихъ величиною, прости-
рающеюся до аршина. Сей Король управляетъ
всѣми движеніями, и обыкновенно въ морѣ,
плывутъ сельди фронтомъ; когда же придется
проходить имъ проливъ, тогда свертываются
колонною. Если случится кому поймать Коро-
ля, тотчасъ бросаютъ его въ море, ибо рыбаки
думаютъ, что безъ него ловъ не можетъ
быть такъ удаченъ; и самыя хищныя рыбы,
какъ полагаютъ, щадятъ его по той же при-
чинѣ. Сельди, такъ говорятъ краснорѣчивый
Бюффонъ, производятъ маневры свои, безъ
малѣйшаго замѣшательства. Въ походѣ, ни
одна не оставляетъ своего мѣста, нѣтъ меж-
ду ими бѣглецовъ, ни опсавшихъ; онѣ про-
должаютъ путь свой безостановочно, перехо-
дятъ отъ мѣста къ мѣсту всегда въ одно
время, и всегда въ извѣстный срокъ возвра-
щаются домой.

5 и 6 го Октября вѣтръ стоялъ въ пре-
жней силѣ, море подобно было снѣжному хол-
мистому полю, корабли въ ходѣ не уступали
одинъ другому и мы не имѣли пріятности
дожидаться задняго. Ночи были самыя осен-
нія, сумрачныя, холодныя съ дождемъ. Облака

мчались быспро, луна изрѣдка показывалась. Темнопа, скрывавшая предметы, казалось усили- вала вѣпръ, копорый ужаснымъ образомъ за- вывалъ въ снаспяхъ. Корабль валяло съ бока на бокъ подобно легкой лодкѣ. Когда вѣпръ дуепъ съ кормы, корабль имѣепъ боковую качку самую безпокойную и вредную для его корпуса. По сему-то и самый благопріятный, хорошъ бываетъ только до нѣкоторой сте- пени.

7-го Окнября вѣпръ нѣсколько спихъ, и мы прошли Англійскую эскадру, лежащую по среди моря на якорѣ, на догеръ-банкѣ. Опмѣль сія такъ соразмѣрно возвышается къ срединѣ, что когда придешь на нее, то бросивъ лопъ (свинцовая гиря) по числу сажень глубины и грунпу опредѣляющъ мѣсто корабля на картѣ. 8-го Окнября пасмурность очиспилась, море успокоилось, день сдѣлался прекрасный, спаи чаекъ носились уже въ воздухѣ, что означало близость берега. Вскорѣ караульный мапрозъ на верьху передней мачшы закричалъ: берегъ видѣнь! Всѣ съ зришельными трубами броси- лись смопрѣшь. Надобно бытъ на морѣ, чпобы чувспвовапъ радость при появленіи земли. Переходъ опъ грознаго вида моря, къ зрѣнію цвѣпущей зелени, ни съ чѣмъ сравнишь не можно. Тупъ съ жадностію разсмапривающъ малѣйшія оппѣнки показавшагося спроенія; по мѣрѣ приближенія удовольспвіе увеличи- ваетъ, предметы возникающъ, роспушъ изъ

моря и мало по малу опть скучнаго единообразія неба и воды, переходящъ ко множеству пріятныхъ видовъ, копорые движутся, измѣняюща и предсавляющъ взору такое занятіе, что зрѣніемъ симъ не можешь довольно насладиться. Прже всего увидѣли мы Норд-фор-ландскіе маяки (*). Вотъ Англія, вотъ и Франція, въ земляхъ сихъ двухъ народовъ, такое же соперничество и противоположность, какъ и во нравахъ. Бѣловашые берега Албіона, мало возвышены и покрыты зеленью. Все видимое пространство раздѣлено пашнями, лугами, рощами; усѣяно городами, селами и прекрасными мызными домиками. Приспанъ Дувра наполнена кораблями, за нимъ къ сѣверу у Доунса, стоитъ большой военный флотъ. Напривъ Кале, лежишь печально на пещаной косѣ, въ безплодной пусынѣ, гдѣ не видно ни деревъ, ни луговъ и ни одного корабля, ни одной рыбачей лодки въ гавани. Прекрасная ночь и благопріятный вѣтръ способствовали нашему плаванію въ Англинскомъ каналѣ. 9-го Октября на разсвѣтѣ, эскадра прибыла въ Портсмутъ.

(*) Считаю бесполезнымъ замѣтить, что Англискіе лодманы ночью для лучшаго разсмотрѣнія маяка, направляющъ на него зеркало, и тогда не только огонь, но горизонтъ и окрестные предметы, разстояніемъ на 25 верстъ, очень ясно показывающа.

ПОРТСМУТЪ. Октябрь.

Лишь только эскадра спала на якорь, шлюпка со спонущечнаго корабля, на коемъ былъ флагъ Адмирала Моншегю, главнаго Командира Порпсмутскаго порта, приспала къ Ярославу, для поздравленія съ прибытіемъ и положенія о салютѣ, въ копоромъ Англичане предъ всякимъ флагомъ пребуютъ преимущесства. Съ нѣкопорого времени однакожь, съ Россійскими Адмиралами они сдѣлались снисходительнѣе, и теперь на 15 выспрѣловъ нашего, опивѣчали равнымъ числомъ. Едва успѣли мы убрать парусы, уже множесиво любопышныхъ взошли на корабль: толспыя, опряпно одѣшныя торговки, качаясь у борпа на малыхъ яликахъ, продавали свѣжую зелень, хлѣбъ, сливки и плоды. Одинъ изъ вошедшихъ любовался Рускою поспройкою корабля и веселымъ видомъ людей; другой приглашая въ свой прапширь называлъ его лучшимъ въ городѣ; купецъ съ щегольскимъ поклономъ опдавалъ билетъ, по коему можно сыскашь его лавку, и печашной листъ съ званіемъ поваровъ и цѣнъ; пеапральный содержапель, приглашая удостоишь посѣщеніемъ его сцену, обѣщаль изъ уваженія къ Рускимъ офицерамъ, освѣпитъ ложи великолѣпно. Наконецъ бошь съ сопнею прекрасныхъ женщинъ, щеголевапо одѣшыхъ, желали взоппи на корабль и видѣшь Россійскихъ мореходцовъ; но мы не могли принять ихъ и принуждены были опказашься

опѣ посѣщенія, которое впрочемъ былобы намъ весьма пріятно (*). Бортъ съ водою, (**) другой съ мясомъ и зеленью, вскорѣ же прибыли къ эскадрѣ, и вниманіе Англинскаго Правительсва проспиралось до того, что мы, не сходя съ корабля, имѣли все нужное.

С п и т е е д ъ.

Такъ называется большой рейдъ Портсмута, заключающійся между оспровомъ Вайпомъ и городомъ. На немъ удобно помѣститься могутъ до 5.000 кораблей. Будучи главнымъ сборнымъ мѣстомъ военнымъ и купеческимъ флотамъ, можетъ быть нѣтъ въ свѣтѣ гавани, гдѣ бы вдругъ стояло такое множество судовъ, приходящихъ сюда со всѣхъ концовъ земнаго шара. Здѣсь во всякое время стоитъ эскадра или двѣ, определенныя для крейсирсва въ каналъ; сюда же приходятъ Остъ и Востъ-Индскіе транспорты для полученія конвоя и выдержанія каранпина. Я никакъ не могъ перечесть сколько на рейдѣ стояло судовъ, мачты ближайшихъ, закрывая дальнія, уподобляющъ

(*) По морскому уставу однимъ женамъ позволяется посѣщать мужей своихъ, и то только до пробитія зори въ своихъ портахъ.

(**) Вода наливается въ трюмъ, обитый свинцомъ, и помощію насосовъ, когда бортъ пристанетъ къ борту, скоро и удобно переливается въ корабельныя бочки.

рейдъ большому городу, весьма населенному, въ которомъ все движется и дѣйствуетъ безпрестанно. Нидельскій проливъ, по сѣверную сторону острова Вайпа лежащій, также приливъ и отливъ, обращая воду чрезъ каждые шесть часовъ, то къ морю, то къ берегу, даетъ возможность кораблямъ во всякое время и при противномъ вѣтрѣ удобно приходить и отходить, что и составляетъ наилучшее преимущество военного порта. Глубина отъ 5 до 14 сажень. Рейдъ открытъ Южнымъ вѣтрамъ.

Взглядъ на городъ.

Пасмурная, дождливая погода, шуманъ и густыя облака дыма покрывали городъ. Смерзь отъ каменныхъ угольевъ доходилъ и до насъ. На прелій день, когда небо прояснилось, съ великимъ нетерпѣніемъ съ премо товарищами, сѣвъ на шлюпку, поѣхалъ я въ городъ. Едва спунилъ ногою на пристань, первая встрѣча и первое происшествіе, — пьяный рыжій мапрозь просилъ позволеніе одному изъ нашихъ гребцовъ биться съ нимъ на кулачки. Шипые наши мундиры, какъ казалось, привлекали вниманіе черни. Толпами, забѣгая впередъ, безпрестанно окружали насъ и мы насилу прополкались до большой улицы. Переходя по прогуарамъ, бродя сами не зная куда, на парадной площади встрѣпили мы прекрасныхъ мальчиковъ, съ сумками и книж.

ками въ рукахъ; они, бѣгая и прыгая предъ нами, кричали: *рушинѣ добра! рушинѣ добра!...* Прекрасное привѣщаніе, но какъ это одно слово, которымъ Англичане думая о насъ говоришь по Руски, но иногда оно принимается и въ противоположномъ смыслѣ. За ними шли маленькія Англичанки: въ капотцахъ, соломенныхъ шляпкахъ, съ корзинками въ рукахъ; едва ли нѣкоторые, и то покраснѣвши, осмѣлились взглянуть на насъ мимоходомъ. Позолоченная вывѣска: на коей подписано предложеніе услугъ Гг. Рускимъ Офицерамъ, остановила насъ. Выходимъ на крыльцо и въ просторныя сѣни. Нѣсколько мальчиковъ бросились одни чистить сапоги: другіе обмѣщали мундиры, и за такую услугу требовали по шиллингу. Взявшись за ручку дверей, услышали мы звонъ колокольчика, и на самомъ порогѣ, прекрасный мужчина, въ башмакахъ, въ шелковыхъ чулкахъ, расчесанный, распысканный духами, съ двумя часами или, можетъ быть, только съ двумя цѣпочками, являлся и учтиво кланялся. Мы оспались бы въ недоумѣніи, за кого принявъ сего щеголя, если бы молчаливое, вѣспѣ почтишельное и озабоченное лице не означало въ немъ пракширнаго слугу. Поклонившись еще въ другой разъ, показалъ онъ комнату: по столамъ, на окнахъ, вездѣ разбросаны газетныя листы. Посѣщавши въ шляпахъ, углублены были въ чтеніе. При входѣ, никто не обратилъ на насъ вниманія, хотя мы и поклонились безмолвному ихъ

собрانیю. Веселый шумъ съ другой стороны привлекъ насъ въ комнату, гдѣ мы нашли нашихъ Офицеровъ почти со всей эскадры. Ненужно сказывать о чистотѣ и порядкѣ Англійскихъ пракировъ; но должно замѣнить, что въ нихъ на каждомъ шагѣ надобно вынимать кошелекъ, которой, какъ бы тяжель ни былъ, скоро дѣлается легкимъ. Въ шестъ часовъ подали обѣдъ; самъ хозяинъ, вѣжливой, благовидной спарикъ, угощалъ и при каждомъ блюдѣ спрашивалъ: хорошо ли? нравится ли? Проворство слуги было удивительно; онъ одинъ услуживалъ припцани особамъ и вездѣ успѣвалъ. Тутъ мы ночевали. Поутру вмѣстѣ съ чаемъ подали завтракъ и газеты. Журнальныя новости для Англичанъ спихія, стольже необходимая какъ и воздухъ. Все утро занимающа полипическимъ преніемъ, и даже дамы столь пвердо знаютъ Географію, что могутъ показатъ на картѣ мѣсто всякаго сраженія, и изъяснить планъ и движенія войскъ.

Иностранца, пріѣхавшаго въ первой разъ въ Англію, изумляютъ дѣятельность, трудолюбіе и чистота. Онъ утра до вечера, вы увидите каждаго за своею работою; вы увидите въ городѣ такое движеніе, какое рѣдко гдѣ найши можно; всякой спѣшитъ къ мѣсту своему широкими шагами, которые кажутся помогающъ обдумывать дѣла. Здѣсь не раздавить васъ скачущій экипажъ; даже дамы не спѣдятся ходитъ пѣшкомъ, и это, изба-

вляя опть непріятнаго спугу карешъ , сохра-
няешъ лучше здоровье. Фасады домовъ , мо-
стовыя и пропусыары предспавляюшъ удиви-
тельную чистоту ; ихъ безпрестанно по ме-
шутъ , по обмываюшъ. Дома , въ коихъ окна
такъ чисты , что ихъ кажется совсѣмъ нѣтъ ,
большею частію не шпукатурены ; но прекра-
сно выдѣланные кирпичи не опнимаюшъ ви-
да. Нѣкоторыя построены изъ досокъ , но
опть каменныхъ ихъ опличить не лзя : спѣны
снаружи по извести убиты острыми кремня-
ми , и когда по ушрамъ обливаюшъ ихъ водою ,
при свѣтѣ солнца , блестяшъ какъ дорогіе ка-
меня. Краснаго дерева или выкрашенная подъ
лакъ дверь ведетъ на лѣспницу , и составля-
ешъ входъ каждаго дома. Нижніе этажи за-
нимаюшся безконечнымъ рядомъ богатѣйшихъ
лавокъ. Товары разложены за большими спек-
лами споль искусно , что невольно подойдешъ
и купишъ. Войдите въ суконный магазейнъ :
купецъ , ни слова не говоря , подаешъ книгу съ
образчиками и надписанною цѣною , выберите ,
молча заплашите , и когда васъ спросяшъ ,
что вамъ угодно шить и когда прикажете ,
чтобъ было гошово ? опвѣчайте : фракъ чрезъ
два часа , и будите увѣрены , что въ назна-
ченное время все будешъ гошово. Если бы вы
покупали на нѣскольکو тысячъ рублей , выбе-
рите шоваръ , заплашите по печатной паксѣ ,
и все доспавлено будешъ на домъ въ наспо-
ящей мѣрѣ и вѣсѣ.

Адмиралтейство.

Порпсмупгъ почитается лучшимъ укрѣпленіемъ въ Англіи и соспоишъ изъ прехъ часшей или городовъ: Порпсмупа, Порпси и Госпорпа. Первый обнесенъ землянымъ валомъ, и къ югу имѣетъ укрѣпленіе, называемое Соупси-Кеспель. Успѣе рѣки, служащей гаванью, защищается круглою крѣпостью Монкшопъ. Въ Порпси, лежащемъ возлѣ Порпсмупа и на одномъ съ нимъ оспрову, находится Адмиралшейство, можетъ быть, лучшее и обширнѣйшее въ свѣтѣ. Гавань и доки всегда заняты починивающимися и спроющимиися кораблями, огромныя зданія наполнены всѣмъ нужнымъ для флопа, масперскія въ непрерывной дѣяшельности. Не спану говоришь о прекрасныхъ спроеніяхъ, въ коихъ видна прочность и удобность; не упомяну о безчисленныхъ запасахъ всякаго рода, коими наполнены арсеналы и магазейны; не распроспранюсь о красотѣ и прочности кораблей, копорые, какъ всякому извѣстно, совершенны, но замѣчу толко, что здѣсь, кажешся, ничего не умѣютъ дѣлать дурнаго: каждый масперовой искусенъ въ своемъ дѣлѣ. Простой плотникъ обрабатываетъ кусокъ дерева, для вставки въ палубу корабля, по циркулю, линейкѣ и угломѣру. Это кажешся уже слишкомъ. Нашъ плотникъ, не имѣя въ рукахъ никакихъ инструменшовъ кромѣ шопора, оканчиваетъ сію работу скорѣе: нежели при Англичанина и ежели не такъ

чисто, по также точно. Гдѣ у насъ упопре-
 бляется сила людей, здѣсь производятся ма-
 шинами, огнемъ, водою и лошадьми. Спукъ и
 громъ колесъ, прескъ и клокопаніе огня и
 воды, въ непрерывномъ движеніи находящихся,
 замѣняють нѣсколько сотъ работниковъ,
 улучшають вещь и сокращають время. Не
 возможно описать всѣхъ машинъ, коихъ со-
 ставъ удивляетъ и самыхъ мудрыхъ Механи-
 ковъ. Скажу объ одной блоковой: она съ по-
 мощію осьми человѣкъ и чепырехъ мальчи-
 ковъ опдѣлываетъ въ день по 600 блоковъ.
 Французъ, изобрѣвшій ее, награжденъ доволь-
 но щедро: ему выдается съ каждаго сред-
 ствомъ его сдѣланнаго блока по два пенса (4
 копейки) по смершъ. Какъ исчислишь, сколько
 тысячъ блоковъ сдѣлають въ день во всей
 Англіи и сколько тысячъ рублей получишь
 онъ въ продолженіе своей жизни? Вотъ спо-
 собъ, коимъ попечительное Правительство
 достигло совершенства всѣхъ издѣлій! Духъ
 Англійскаго народа спремился къ пріобрѣще-
 нію богатства, къ умноженію избытковъ, и
 Правительство, питая въ немъ сіе рвеніе,
 вознаграждаетъ щедро прудолубіе не толь-
 ко своихъ, но и чужеземныхъ художниковъ.
 Французы съ пользою упражняются въ ме-
 ханическихъ искусствахъ: живое воображеніе
 дѣлаетъ ихъ къ тому способными; но слож-
 ныя машины, въ коихъ потребна Геометриче-
 ская точность, нигдѣ кромѣ Англіи не могутъ
 быть такъ сдѣланы, ибо Французы, не имѣя

Англійскаго терпѣнія, не достигають совершенства въ никакой работѣ, которая требуетъ постоянного вниманія.

Изъ Адмиралтейства на яликѣ переправились мы въ Госпортъ. Посреди рѣки на верплюжныхъ якоряхъ стоятъ разоруженные старые корабли. Бѣдные Французы выглядывали изъ оконъ, другіе танцовали на верхней палубѣ. Хорошо ли содержатъ сихъ плѣнныхъ? спросилъ я у переводчика. Также какъ нашихъ во Франціи. Это значить, очень дурно. На сей вопросъ Французъ можетъ быть отвѣчалъ бы: также какъ и въ Англіи. Кому тутъ вѣрить? Извѣстно только то, что Англійское Правительствѣ посылаетъ значныя суммы для содержанія своихъ плѣнныхъ во Франціи, а Бонапарте не издерживаетъ на сіе ни копѣйки.

Госпиталь.

Осмотрѣвъ въ Госпортѣ Гасларскую морскую Госпиталь, Ботаническій при ней садъ и Анапомическій Театръ, всякой долженъ согласиться, что въ Англіи не жалуютъ издержекъ на человеколюбивыя заведенія. Зданіе имѣетъ простую наружность; внутренность расположена удобно и покойно. Вошедъ въ длинныя палаты, дышишь спольже чистымъ воздухомъ, какъ и въ саду. Занавѣсы у оконъ, бѣлье, посуда, мебель, порядокъ и опрятность, не дадутъ замѣтить, что находишься въ больницѣ. Въ одной комнатѣ помѣщены раненые;

кровати ихъ съ виннами, помощію коихъ можно больного посадить, не прогая раненой руки или ноги. Въ палатѣ прудныхъ, я разматывалъ все съ особеннымъ удовольствіемъ, и оспался въ ней долѣе нежели въ другихъ. Поспели поспавлены въ нѣсколькихъ шагахъ одна опѣ одной; предъ каждою сполікъ съ лѣкарствами; на черной доскѣ, висящей у изголовья, написано, когда ихъ принимаютъ. Больные имѣютъ по утѣшеніе, что смертный одръ ихъ окружаютъ родственники, и послѣдній вздохъ примутъ сердца чувствительныя. Посмотрише, какое умиленіе въ глазахъ этой дѣвушки, подающей слабому спаріку пить! Посмотрише, съ какою чувствительностію сія женщина читаетъ молитву, и въ сердце друга жизни своей льетъ бальзамъ утѣшенія! Здѣсь всѣ говорятъ шепотомъ, какая черта состраданія! Два лѣкаря сидятъ у сполы: они всегда готовы подать помощь, какое милосердіе! Женщины ходятъ за больными, раздаютъ лекарства и пищу, какой присмотръ и чистота! Передъ переднимъ фасадомъ на обширномъ дворѣ бьетъ фонтанъ, опѣ коего, чрезъ трубы, вода проведена въ кухню и во всѣ сѣни. Съ удовольствіемъ можно сказать, что присмотръ и чистота въ нашихъ Госпиталяхъ ни мало не уступаютъ Англійскимъ. Больница же для Оберъ-Офицеровъ, бывшая въ Кронштадѣ, можетъ служить образцомъ.

Дамской клобъ.

Въ одинъ ненастный бурный вечеръ, когда при пылающемъ огнѣ въ каминѣ, сидѣли мы вокругъ чайнаго спола, Джамесь, практичный слуга докладываетъ о Директорѣ дамскаго благороднаго клоба. Молодой румяной попечитель дамъ, сдѣлавъ по правиламъ шанцовальнаго искусства нѣсколько пренизкихъ поклоновъ, пригласилъ насъ на балъ, имѣющій быть сего вечера, Какъ отказатьсь отъ такого предложенія? Упопчивавши Г. Директора по Руски, и оппуспивъ его весьма довольнаго, мы не знали, какъ привезтъ съ корабля плащье; темнота и сильный вѣтръ препяпспвовали послащъ шляпку. Проворный Джамесь избавилъ насъ отъ заботъ: чрезъ часъ, нѣсколько гиней, нѣсколько поршнихъ и парикмахеровъ снабдили каждого всѣмъ нужнымъ. Кареты поданы: мы прѣзжаемъ и входимъ въ залу собранія еще во время. При звукахъ громкаго марша, Директоръ съ плоскою преугольною шляпою подъ рукою, вспрѣшилъ насъ при входѣ. Зала не имѣла никакихъ убранствъ, кромѣ бѣлыхъ свѣтъ и нѣсколькихъ лампъ, яркимъ огнемъ освѣщавшихъ всю длину ея. Въ противоположномъ концѣ отъ дверей, на стульяхъ, поставленныхъ рядами, сидѣли дамы, всѣ въ коленкоровыхъ ослѣпительной бѣлизны плащяхъ; кавалеры стояли позади въ отдаленіи. Директоръ представилъ насъ нѣкоторымъ, сидѣвшимъ въ переднемъ

ряду, и насъ шупъ же посадили между дѣвицами — дѣвицами по тому, что не слыхалъ я, чтобъ копорую называли Lady; всѣ были Miss, и въ самой цвѣтущей молодости. Обычай совсѣмъ новый для Рускихъ! Здѣсь дѣвицамъ оставляеиъся вся свобода, а женщина, мать семейства, напрошивъ, сидитъ дома, и рѣдко, очень рѣдко являеиъся въ большія собранія. Служащіе Офицеры были во фракахъ, какъ мнѣ сказывали по тому, что въ обществахъ имя гражданина предпочищаеиъся военному званію. Мальчикъ въ круглой шляпѣ и дѣвочка въ корошечкѣ плащицѣ, прекрасные какъ два Купидона, открыли балъ менуэтомъ и житою, и въ сей послѣдней дѣвушка при самыхъ смѣлыхъ движеніяхъ сохраняла нѣжность и приличность. Послѣ начались премудренныя кадрили въ 12 паръ, опъ копорыхъ мы опказались, но дамы хопѣли, чтобъ мы танцовали, и сами вызвались научить насъ чему нибудъ Англинскому. Одна дѣвица, предложила мнѣ бытъ ея кавалеромъ во весь вечеръ, и это особенное снисхожденіе оказываемо было только Рускимъ. Каждый изъ насъ имѣлъ свою даму. За кадрилями послѣдовали экосезы, въ копорыхъ стройность спана, для Живописцевъ и Ваяшелей представила бы прекрасные образцы и положенія. Въ короткое время мы познакомились: кпо говорилъ по Англински, окруженъ былъ дамами; разумѣвшіе другіе языки, также не оснались безъ занятія; но можно было замѣ-

тинь, что свой языкъ предпочипали ино-
 страннымъ, особенно Французскому. Между со-
 собою всѣ говорили по Англински. Опъ того-
 то языкъ, споль бѣдный и на слухъ грубый,
 въ устахъ женщины спановипся нѣжнымъ и
 мягкимъ, и опъ того-то Англичане прежде
 всего спараюпся какъ можно лучше объясня-
 пься на своемъ природномъ языкѣ, ибо въ
 прошивномъ случаѣ они въ женскомъ общес-
 твѣ были бы смѣшны, а бытъ смѣшнымъ
 здѣсь, также какъ и вездѣ, весьма непріятно.
 Нѣсколько Рускихъ словъ, выпверженныхъ
 развязными Англичанками, производили въ
 собраніи шумъ; другъ друга учили какъ ихъ
 выговаривать, смѣялись, ломали языкъ и
 сею шупкою умножали общее удовольствіе.
 Въ 12 часовъ дамы скрылись и мы оспались
 съ одними кавалерами: насъ замучили поли-
 тикою и новостями. Чпо дѣлають дамы?
 онѣ пошли переодѣваться, перемѣняютъ чулки,
 башмаки и перчапки. Чрезъ полчаса двери
 отворились, дамы несли столы, скаперши;
 при и чепыре вмѣстѣ тащили превеликой
 самоваръ, сполькоже несли чайной приборъ
 и разныя закуски. Мы бросались помогать,
 но намъ этого не позволили. Въ минушу
 зала успавилась споликами, вокругъ коихъ
 дамы суепились въ пріуготовленіи чая. Когда
 сѣли по мѣстамъ, изъ за каждаго спола
 вышло по одной дамѣ: они взяли напередъ
 всѣхъ Англичанъ, насъ послѣднихъ разобрали
 по одиначкѣ и угощали почно такъ, какъ

въ своемъ семействѣ. Послѣ пріятнаго ужина эскосезы продолжались до свѣта и по желанію членовъ, намъ предложили билеты на будущія собранія. Этого балъ доставилъ нѣкоторымъ Офицерамъ знакомства самыя пріятныя.

Окрестности Портсмута.

Въ намѣреніи сдѣлать небольшую прогулку, избравъ ясный Октябрскій день, мы взяли при почтовыхъ коляскахъ и двухъ верховыхъ лошадей. Мнѣ досталась одна изъ послѣднихъ, но я, какъ плохой ѣздокъ, на манежной лошади скоро опскалъ опъ поварищей. Выѣхавъ за городъ, и не могши догнать передовыхъ колясокъ, шихимъ шагомъ ѣхалъ по прекрасной, гладкой и ровной, какъ полъ, дорогѣ. Обѣ стороны ея густо обсажены шиповникомъ и ежевикой; проѣзды въ полѣ засаждены рогаткою, такъ, что никто изъ проѣзжихъ не можетъ ѣхать стороною. Трудолюбіе видно на каждомъ шагу; нѣтъ и клочка земли необработанной. Каждая дача обрыта рвомъ и обсажена деревьями. Домикъ земледѣльца представляетъ удобность, вкусъ и чистоту. Во всемъ видны порядокъ и устройство; вездѣ встрѣчаешь изобиліе, довольство, и нигдѣ взоръ не поражается бѣдностію. Крестьянинъ работаетъ на прекрасной лошади; пучной рогатой скотъ и овцы пасутся на лугу его.

Ничего нѣтъ худаго, испомленнаго; ничего нѣтъ похожаго на недоспапокъ.

Чрезъ двѣ мили, меня оспановили у шлагбаума. Безногій инвалидъ, узнавъ, что я Руской, не хопѣлъ взять съ меня нѣсколькихъ копѣекъ, положенныхъ для содержанія дорогъ. На чепвершой милѣ лошадь сама оспановилась у почповаго двора. Не спрашивая, куда и за чѣмъ я ѣду, мнѣ пошчасъ подвели другую, и при почпаліона пропшянули ко мнѣ руки. Каждый крапко и рѣшипельно объявлялъ свое пребованіе: одинъ просилъ за то, что подалъ лошадь, другой, что чиспилъ сѣдло, третій, что почиспилъ шляпу. Пылкій конь, котораго не смѣлъ удерживать, скоро доставилъ меня на другую спанцію; тушь узналъ я, что коляски не проѣзжали, и слѣдспвенно разлучась съ своими поварищами, долженъ былъ ворошиться въ городъ, безъ всякаго удовольспвія, проскакавъ взадъ и впередъ 16 миль. Опъ верховой ѣзды, къ которой не привыкъ, успалъ, почувспвовалъ необыкновенной голодъ; и вошедъ въ кухню, просилъ, чтобъ подали скорѣе гоповаго каплуна. Хозяйка не соглашалась, потому, что онъ изгоповленъ по заказу господина, который долженъ сей часъ пріѣхать; но служанка рѣшила нашъ споръ, взопкнувъ другаго на верпелъ, жаренаго подала мнѣ. Лишь только сѣлъ я за столъ, коляска подѣхала къ крыльцу; хозяйка прибѣжала опниая мое жаркое, а служанка, держа

ее за руки, не допускала; между тѣмъ вошелъ въ залу пожилой мущина въ мундирномъ сертукѣ, и узнавъ причину шума, и то, что я иносстранинецъ Руской, (такъ назвала меня въ досадѣ пракширщица) успокоилъ ее тѣмъ, что онъ болѣе былъ бы доволенъ ею, если бы она и весь его обѣдъ подала мнѣ. Потомъ, обратясь ко мнѣ, просилъ вмѣстѣ съ нимъ опкушашь. Едва успѣлъ я поблагодарить за учтивость, какъ вбѣжала въ комнату молодая дѣвушка въ соломенной шляпкѣ. „Это моя дочь, сказалъ Полковникъ. *Бетси!* рекомендую тебѣ Рускаго Офицера: онъ будетъ съ нами обѣдать, поди похлопочи, чтобы намъ подали чего нибудь получше, и бутылки двѣ хорошаго вина.“ За словомъ Полковникъ распространился о настоящихъ произшествіяхъ. Въ опкровенномъ разговорѣ превозносилъ безкорыстіе нашего Императора, и сіе нравилось мнѣ болѣе по тому, что Англичане не слишкомъ бывающъ на похвалы распочительны. Онъ довезъ меня до деревни, гдѣ по счастію нашелъ я моихъ товарищей, которые начали уже беспокоиться, и возвращаясь въ городъ хотѣли послать искать меня.

Островъ Вайтъ.

Хотя Октябрь уже былъ въ исходѣ, но погода стояла ясная и довольно теплая. Желая воспользоваться свободнымъ опъ должностіи временемъ, согласились мы, (насъ

было 8 человекъ) осмотрѣть *Вайтѣ* и побываѣ въ *Нюпортѣ*, главномъ сего острова городѣ, отстоящемъ отъ *Спитгеда* въ 12 верстахъ. Дабы имѣть болѣе времени, рано поутру съѣхали мы въ деревню *Ковесѣ*, пропущенную которой недалеко стояли наши корабли. Содержатель кофейнаго дома, по знакомству, взялъ на себя трудъ изготовить экипажи, а между тѣмъ подали чай. Пасущій рожокъ вызвалъ меня на балконъ, посмотрѣть на площадь, куда каждая хозяйка дома или дѣвочка, сопровождаемая собакою, выгоняли скотъ. Родъ сихъ пасущихъ собакъ заслуживаетъ вниманіе: извѣстно, что въ Англіи истреблены всѣ хищные звѣри, особенно въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе занимающіяся скотоводствомъ; сіи собаки столь понятливы, и хорошо приучены къ скоту, что почти во всѣхъ случаяхъ замѣняютъ пастуховъ.

Оставя *Ковесѣ*, поднялись мы на небольшую гору, и островъ *Вайтѣ* представилъ взорамъ прелестное зрѣлище! Длинные ряды зеленыхъ холмовъ, покрытыхъ рощами и садами и раздѣленныхъ множествомъ луговъ, на коихъ паслись большія стада всякаго скота, покрывали все видимое пространство. Проезжая далѣе, на каждомъ шагу встрѣчали мы новые прекраснѣйшіе виды. Смѣсь пашень съ лугами, огородовъ съ садами, дворянскихъ палатъ съ фабриками, и чистые земледѣльческіе домики, разбросанные въ тѣни деревъ, такъ разнообразятъ предметы, и дѣлаютъ мѣстополо-

ложенія споль привлекательными, что, кажется, по всей справедливости Вайтъ названъ *садоубъ Англіи*. Здѣсь даже безплодные мѣста украшены болѣе, нежели шѣ, кои Природа одѣла зеленью. Повсюду видны вкусъ и похвальное трудолюбіе Болопо, песчаное поле, малый ручеекъ, каменистая гора, хопя съ великими издержками, но приносящъ какую нибудь пользу. Удобность и чистота хижинъ земледѣльцевъ споль удивительны, что только шѣ, которые были въ Англіи и входили въ нихъ, согласяшся, что Англическіе крестьяне живутъ по дворянски. Прѣзжая одну рощу, мы увидѣли сидящаго подъ кустомъ простаго пахаря, которому жена наливала чай. Жирная большая лошадь щипала траву подлѣ сохи его. Когда мы къ нему подошли, онъ, не прогаясь съ мѣста, предложилъ намъ рому, чаю и сыру. Генрихъ IV, Король Францускій, желалъ, чтобы самый бѣдный поселянинъ его по воскреснымъ днямъ имѣлъ въ похлебкѣ курицу. Если въ ономъ полагалъ добрый Царь благосостояніе народа, то Рускіе его имѣютъ, а Англичане уже съ излишкомъ. Хорошая наша горѣлка, не пошъ ли же ромъ? Сыръ, чай и различныя приправы разслабляютъ силы, простая только пища ихъ укрѣпляетъ; и если безпорно, что Англичане богатѣйшій народъ въ Европѣ, то они перешли за черту, и благосостояніе ихъ не есть уже то, чтобы имѣть только необходимое вдоволь.

Въ окрестностяхъ города, на рѣчкѣ Мединѣ, впадающей въ узкой морской рукавъ, плавало множество домашнихъ птицъ, и сего множества, какъ увѣряли насъ, едва ли бываетъ достаточно, для снабженія всѣхъ кораблей, приходящихъ на Спитхедскій рейдъ. Ньюпортъ весьма не великъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ прямыхъ улицъ на крестъ пересѣченныхъ и плпшнякомъ очень гладко вымощенныхъ. Градоначальникъ, мирный судья и Капитанъ народной милиціи, сдѣлали намъ честь своимъ посѣщеніемъ и оспались у насъ обѣдать. Хозяинъ пракшира сначала принялъ насъ въ нижнемъ этажѣ; но когда приказали ему изготовить хорошій обѣдъ, то перевелъ въ лучший, гдѣ въ прекрасно убранныхъ комнатахъ самъ явился въ башмакахъ, причосанъ и съ бриліантовымъ перстнемъ на рукѣ. Столъ и все угощеніе соответствовало его наряду и, сверхъ чаянія, взялъ очень умеренную плату. Послѣ обѣда посѣтили мы начальниковъ города, которые, какъ день былъ воскресный, предложили прогуляться за городъ и осмотрѣть крѣпость Карисбрукъ, лежащую отъ Ньюпорта въ 4 или 5 верстахъ. Разныхъ родовъ колясочки, запряженные спашными лошадьми и управляемые прекрасными женщинами, скакали по гладкой дорогѣ къ саду, лежащему при подношѣ горы, на коей находится крѣпость. По двумъ бульварамъ, въ аллеяхъ, шли пуда же пѣшіе. Мы, оспавя экипажи, пошли къ крѣпости пѣшкомъ.

Кривая, безпокойная, высѣченная въ каменной горѣ узкая дорога, привела къ воротамъ; чрезъ калишку ввели насъ на дворъ, заросшій правою; груды камней означали мѣста спроектій. Взглянувъ на семейство инвалида, которое составляло гарнизонъ крѣпости, и котораго должность оповѣщать и заповѣщать ворота для посѣщающихъ, взглянувъ на бывшія некогда зданія и на развалившіяся стѣны крѣпости, признаюсь, я сожалѣлъ о напрасномъ трудѣ взбираться на такую высоту; но вотъ инвалидъ, старый пѣхотный сержантъ, начинаетъ рассказывать о достопамятностяхъ Карисбрука. Послушаемъ: дубовые ворота стоятъ 800 лѣтъ, и вы видите, какъ они еще крѣпки; такіе-то дубы росли тогда въ Англіи! Развалины сіи служили убѣжищемъ Карлу I, который былъ казненъ Кромвелемъ, а въ эпоху уцѣлѣвшей часовни, похоронена дочь его Принцесса Елисавета. Ученый инвалидъ показывалъ намъ послѣ того колодезь, глубиною во 170 сажень; это сначала покажется невѣроятнымъ, но разсудивъ, что колодезь находится на вершинѣ горы, на которую мы всходили около получаса, и судя по звуку брошенныхъ камней, которой доходилъ до слуха послѣ 36 секундъ, глубина сія имовѣрна. Вода въ колодезѣ столь чиста и прозрачна, что когда опустили туда лампу, то на глубинѣ 2 сажень видны были на днѣ даже камешки.

Вышедъ изъ крѣпости чрезъ упавшую часть башни, мы пустились прямо по косо-
ру и не опоздали еще пройти всѣ искривлен-
ный алеи сада, копорый былъ наполненъ гу-
ляющими. Музыка играла въ бесѣдкѣ; дѣти,
прелесныя какъ амуры, прыгали вокругъ де-
ревъ; одно семейство сидѣло на коврахъ и
пило чай; другая паршя, собравшись вкру-
жокъ, попивала поршеръ; иные играли въ кег-
ли, а большая часть, положа руки за спину,
надвинувъ на глаза шляпу, и ни на кого не
смотря, скорыми шагами переходили изъ ал-
леи въ аллею. Сырой, холодный вечерній воз-
духъ скоро принудилъ насъ оставить сей пре-
лестный простотою садъ. Возвращаясь въ го-
родъ, поспѣшили мы обратно въ Ковесъ, и
хотя поздно, но въ тотъ же день успѣли прі-
ѣхать на корабль.

Мысли и замѣчанія.

Въ характеръ Англичанъ, въ самой ихъ
наружности есть нѣчто особенное, собствен-
но имъ принадлежащее. Любовь къ опеческву
и ко всему своему производя въ нихъ из-
вѣстную Англинскую надменность. Въ опрят-
ности, руководѣльяхъ и богатствѣ они превос-
ходятъ всѣхъ Европейцевъ. Англинская чернь
величаетъ иностранцевъ общимъ именемъ:
Французская собака; одни только Рускіе из-
ключены изъ сего уничижительнаго званія: ихъ
называютъ *Русинѣ добра*, то есть Руской,

добрый человекъ. Мапрозы наши удивитель-
 нымъ образомъ уживаются съ Англинскими:
 они, кажется, созданы одинъ для другаго.
 Вспрѣчаясь въ первый разъ въ жизни, жмутъ
 другъ у друга руки и если у котораго есть
 копейка въ карманѣ, тотчасъ идутъ въ прак-
 ширъ, усердно пьютъ, дерутся на кулачкахъ
 и, выпивъ еще, расстаются искренними друзь-
 ями. Ничего нѣтъ забавнѣе, какъ слышать ихъ
 разговаривающихъ, на исковерканномъ, соспа-
 вленномъ изъ Рускихъ и Англинскихъ полу-
 словъ языкѣ, который однимъ имъ понятенъ
 и кажется свойственъ однимъ мапрозамъ. Ча-
 сто не останавливаясь говорятъ они оба-
 вдругъ, одинъ по Англински, другой по Руски,
 и такимъ образомъ весьма охотно, по нѣ-
 сколько часовъ сряду, бесѣдуютъ о важныхъ
 предметахъ. Посредствомъ общепонятныхъ
 звуковъ, которыхъ нѣтъ ни въ какомъ язы-
 кѣ, мапрозы сообщаютъ свои мысли всякому
 иностранцу, и ихъ понимаютъ гораздо лучше,
 нежели на примѣръ офицеровъ, которые симъ
 средствомъ пожелали бы объясняться. Всѣ
 иностранныя имена, морскіе термины и на-
 званія снастей, употребляемыя на корабляхъ,
 мапрозы наши, страннымъ образомъ превра-
 щаютъ, дѣлая обыкновенно похожія на нихъ
 произношеніемъ Рускія слова, какъ на примѣръ
 корветъ *Помона*, называютъ Помора; *Мельпо-
 мена*, малая Помора; *Алифитрида*, Афросинья;
 и такъ далѣе.

Со времянь Королевы Елисаветы, Англія начала пользоваться выгодами торговли и на семъ новомъ поприщѣ, явила особенную свою способность. Спрасъ къ пріобрѣщенію богатства, духъ торговли, постепенно возрасшавъ и утврждались вмѣстѣ съ вольностію. Когда всѣ Правительствва Европейскія, пожелали имѣть, въ другихъ частяхъ свѣта свои колоніи, дабы златомъ ихъ обогатить опечество, Англинское показало наибольшую дѣятельность. Въ немногіе годы, число купеческихъ судовъ, значно увеличилось, военные флоты явились на всѣхъ моряхъ, богатѣйшія Францускія, Испанскія и Голландскія поселенія завоеваны и въ наше время преимущество Британіи на моряхъ, возвело народъ на высшую степень благосостоянія. Раздѣленіе ремеслъ, при постоянномъ попеченіи правительствва, привело всѣ художества, всѣ издѣлія въ совершенство. Самъ Король, будучи участникомъ и покровителемъ торговыхъ обществъ, поощрилъ богатое дворянство, повѣрилъ имъ свои капиталы, чѣмъ предприимчивость оборотовъ до того распространилась, что выгоды сдѣлались вѣрными, а потери нечувствительными. Скупая матеріалы у нѣхъ народовъ, коихъ рукодѣлія находились еще въ несовершенствѣ, и обрабатывая оныя на своихъ фабрикахъ, могли они, чрезъ ускупку цѣны, сдѣлать Англинскіе товары въ Европѣ необходимыми; ибо оныя продавались лучшей доброты и дешевле. Нынѣ 20.000 судовъ

перевозятъ повары во всѣ страны земнаго шара и выгоды послѣднихъ годовъ возраспали споль поспѣшно, что въ 1783 году, вывозъ за границу своихъ и чужихъ обработанныхъ издѣлій былъ на 14,741.000, а въ 1802 году на 57,520.000 фуншовъ стерлинговъ. Сими способами, особенно же предприимчивостію, честностію и прудолюбіемъ, Англія видить всѣ сокровища міра спекающемся въ ея гавани, и пока изящностъ, прочностъ, вкусъ и чистота принадлежатъ будутъ исключительно однимъ Англинскимъ работамъ, до тѣхъ поръ золото всѣхъ торгующихъ народовъ будетъ находится въ рукахъ сихъ всемірныхъ купцовъ.

Тацитъ, описывая Конспикуцію, подобную Англинской, сказалъ, что теорія прекрасна, но исполненіе ея почти невозможно. Опытъ доказалъ, что онъ ошибся: свободная Монархія сущесвуесть около 500 лѣтъ. Вольностъ, подчиненная закону, составляетъ прочное благоденствіе подданныхъ. Англинской Король истинное земное божество! онъ раздаетъ милости, награды, имѣетъ полную влассть дѣлать добро; законъ одинъ наказываетъ пресупниковъ, и прекращаетъ злоупотребленіе власпи. Судъ Присяжныхъ есть главное преимущество, непреоборимый оплотъ вольности Англинскаго народа. Судьи сіи независимы отъ вліянія Министровъ и не подлежатъ никакой власпи. Пресупникъ почиается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока 12 Присяжныхъ не обвинятъ его

единогласно, и тогда только одинъ Король можешъ просишь его, и то не всегда.

Въ Англіи, какъ въ свободной землѣ, во время мира содержишся малое число сухопутныхъ войскъ. Морская же сила, какъ необходимо нужная для колоній, наиболѣе благопріятствующая вольности, содержишся въ наилучшемъ порядкѣ. Въ началѣ 1800 года Британскій флотъ состоялъ изъ 224 линейныхъ кораблей, 200 фрегатовъ, 478 шлюповъ, бриговъ и другихъ малыхъ военныхъ судовъ, всего изъ 902 судовъ. Съ такою силою, когда всѣ морскія державы не могутъ выслать и половины сего числа кораблей, Британія безспорно можешъ назваться повелительницею морей. Обиная на островѣ, уклоняясь отъ участія въ войнахъ на твердой землѣ, Англичане, отдѣленные отъ Французовъ только неширокимъ проливомъ, защищаемые плавающими крѣпостями, находяшся въ совершенной безопасности отъ вторженія сильнаго непріателя.

Англинское Правительство употребляетъ великія суммы для содержанія бѣдныхъ. Опытъ показалъ, что сколько сумма сія возраспала отъ подписокъ, столько число бѣдныхъ прибавлялось. Не смотря на сіе, Англинскій нищій, хотя бѣдно, но всегда чисто одѣтъ. Опрятность принадлежишь къ опличительному свойству Англинскаго народа. Англинскій нищій спыдился бы показаться на улицу въ грязномъ рубищѣ; ибо онъ увѣренъ, что

въ семь положеніи едва ли нашелъ бы болѣе соспрадающихъ къ нему людей.

Свобода книгопечатанія и прекрасное устроеніе народныхъ школъ распространили просвѣщеніе на всѣ соспоянія. Нѣтъ ни одного, исключая самой низкой черни, копорый бы не зналъ своего закона и не умѣлъ чипать и писать. Просвѣщеніе, а съ онымъ и роскошь глубоко пустили корни свои и уже довольно измѣнили нравы Англичанъ. Кажется, они взошли на послѣднюю степень возможнаго въ человѣческихъ поспановленіяхъ. Раскрывъ книгу Исторіи Царствъ, мы увидимъ, что всеобщее просвѣщеніе есть предшесствіе паденія. Мапрозь, солдашь и поденщикъ, осуждая Правительство, полкуя о полипикѣ и законахъ, сдѣлавшись своевольными, могутъ причинить великія безпокойства. Сколь ни славна Конституція Англіи, и сколь ни ощушительно благосостояніе ея гражданъ, но рано или поздно и надъ ними исполнится роковый ударъ. „Паденія, и новаго возвышенія для паденія, никто не избѣгаетъ. Вѣченъ лишь Богъ, совершенъ лишь міръ, твореніе рукъ Строителя Всевѣдца, и духъ, коимъ мысль наша въ превыспреннее возносится.“

Торжество победы при Трафалгарѣ.

25 Октября получено въ Порпсмушъ извѣстіе о сраженіи при Трафалгарѣ. Напрасно

спарался бы я описать радость о побѣдѣ и печаль о потерѣ Нельсона! Кто въ подобныхъ обстоятельствахъ имѣлъ случай видѣть во-споргъ Англичанъ, тотъ только можетъ это себѣ представить. Съ самаго утра носили по улицамъ листки (*), описывающіе сраженіе и смерть Нельсона; печаль и радость смѣшивалась на лицахъ каждаго, и вездѣ раздавались восклицанія; *живи въ вѣчности, Нельсонъ!* Пальба съ кораблей и крѣпостей продолжалась во весь день, и городъ ночью великолѣпно былъ освѣщенъ. Лучшіе дома украшались прозрачнымъ картинами. Однѣ представляли Нельсона въ тотъ моментъ, когда пуля пробила его грудь, и онъ упалъ на руки его окружающихъ. Другія изображали Британію, съ горестнымъ

(*) Одинъ разъ идучи изъ Адмиралтейства, вижу женщину, раздающую листки и кричащую: „славная побѣда Рускихъ надъ Французами.“ Подхожу, беру листокъ и спрашиваю: сколько ей надобно? Гинею сударь! За что такъ дорого? Рускому можно это заплатить за побѣду (при Кремсѣ), приносящую ему столько чести. Если за каждую платишь по гинеѣ, отвѣчалъ я, то надобно много денегъ, чтобы въ состояніи покупать у тебя всѣ объявленія о нашихъ побѣдахъ. Женщина, подавалъ мнѣ нѣсколько листковъ сказала: прекрасный отвѣтъ! онъ принесетъ мнѣ по крайней мѣрѣ 2 гинеи; возмите сія за 4 пенза. Въ тотъ же день, разговоръ сей напечатанъ въ Портсмутскихъ газетахъ. Вотъ до чего простирается здѣсь спросъ къ новостямъ.

лицемъ, принимающую вѣнецъ побѣды. Улицы ночью были полны народа; гарнизонъ споялъ въ ружьѣ, полковые музыканты играли національную пѣсню: *Британія, правь волнами!* Не должно ли согласишься, что гораздо славиѣ умереть въ сраженіи, нежели оспасться живымъ, одержавъ важную побѣду, ибо въ первомъ случаѣ зависъ, различные полки, сомнѣнія умолкають и умершій побѣдитель пользуется полною непрекословною славою!

Трафалгарское сраженіе есть одно изъ славнѣйшихъ, когда либо бывшихъ на морѣ. 2 Октября сп. спилъ, соединенный Французскій и Испанскій флотъ, состоявшій изъ 33 линейныхъ кораблей, подъ командою Французскаго Адмирала Вилльнева, вышелъ изъ Кадикса и направилъ путь свой къ Средиземному морю. Вице-Адмиралъ Нельсонъ съ 27 линейными кораблями, пользуясь небольшимъ вѣтромъ отъ запада, догналъ непріятельскій флотъ близъ мыса Трафалгара. Поспоя двѣ колонны, и оставя позади себя резервъ, Лордъ напалъ на центръ соединеннаго флота съ вѣтру, прорѣзалъ, окружилъ его съ обѣихъ сторонъ превосходною силою, и прежде нежели аріергардъ непріятельскій успѣлъ подать помощь центру, оный уже былъ разсвоенъ. Авангардъ же, напавъ на Англинскій резервъ, также былъ разбиъ. Въ чепыре часа сраженіе кончилось совершеннымъ пораженіемъ союзнаго флота, изъ котораго 19 ко-

раблей на мѣспѣ бипвы спустили флаги и взяты въ плѣнъ. Испанскій Адмиралъ Грави-на только съ 9 кораблями успѣлъ войши въ Кадиксъ. Пяль Францускихъ кораблей, бывшихъ въ резервѣ, и почти не учаспвовавшихъ въ сраженіи, въ Бискайской бухтѣ взяты Конпръ-Адмираломъ Спраханомъ. Рѣшительная сія побѣда лишила послѣдней морской силы Францію и Испанію. Англія прешерпѣла важнѣйшую пошерю: флотъ ея лишился любимаго, храбраго, счаспливаго предводишеля; Брипанія своего Героя, во 104 морскихъ бипвахъ всегда шоржеспвовавшего, послѣднею же побѣдою приобрѣшшаго своему спечеспву неограниченную власпъ на всѣхъ моряхъ. Роковая пуля изъ мушкатопа съ корабля Санп: Трининадъ (*) попала въ эполешъ и пробила насквозь плечо и грудь славнаго Нельсона. Онъ жилъ только нѣсколько часовъ. Когда опнесли его на кубрикъ для перевязки, и когда лѣкари не могли скрышъ, что рана его опасна, онъ велѣлъ позвашъ къ себѣ Капипана корабля. Сраженіе еще продолжалось. Вошедшій въ каюшу Капипанъ сказаль: „поздравляю Ваше Превосходишельство! 19 кораблей въ нашихъ рукахъ; и Тринидапъ пошелъ ко дну.“ „Мой другъ, опвѣчалъ ему Нельсонъ: я всегда желаль паспъ въ сраженіи, и шеперь

(*) 140 пушечный Испанскій корабль, на коемъ былъ флагъ Адмирала Гравинны.

умру спокойно. Попросите опъ меня Колингвуда (спаршій по немъ Вице-Адмиралъ), чшобъ онъ на ночь непременно спалъ на якорь. Вотъ послѣднія мои повелѣнія: жалю, что не могу сдѣлать больше для моего опечеснва!“ Сказалъ и на рукахъ друга своего скоро послѣ того испустилъ послѣднее дыханіе. Такъ умеръ Герой, который въ жестокия минувшы смерши не потерялъ присущствія духа и въ послѣднія мгновенія жизни спасъ побѣдоносный Англинскій флотъ; ибо, какъ онъ предвидѣлъ, въ ночь возспала такая буря, что всѣ плѣнныя корабли, которые не успѣли спастъ на якорь, большею часпію пошонули или брошены были на берегъ.

Англичане опдають справедливостъ храброспи Испанцевъ; они дрались съ ожеспоченіемъ и сопропивлялись гораздо долѣе, нежели сами непріятели ихъ того ожидали. Наполеонъ долго не вѣрилъ, что флотъ его не сущеснвуешъ; печальная истина увѣрила его наконецъ, что для его честполубія нѣсколько тысячъ Французовъ безславно погибли. Въ семъ сраженіи сдѣлано нѣсколько ошибокъ, изъ коихъ главнѣйшія, какъ увѣрялъ меня одинъ Англинскій Офицеръ, были слѣдующія: Союзный флотъ, въ тотъ же день, какъ вышелъ изъ Кадикса, могъ бы ашаковать Англинскій съ вѣпру, пѣмъ съ большею выгодною, что тогда оный состоялъ только изъ 25 кораблей. Соединенный флотъ такъ хорошо сомкнулъ свою линію, что если бы, по совѣшу

Гравины, начали стрѣлять, не допуская близко Англинскихъ колоннъ, но сраженіе не могло бы такъ скоро быть рѣшительнымъ, но Вилльневъ приказалъ открыть огонь тогда, когда Нельсоновы корабли были уже на картечномъ выстрѣлѣ. Первый залпъ былъ ужасенъ и передовые корабли *Викторія* и *Рояль-Соверенъ* потеряли мачты; но они уже были близки, и съ выгодою могли вступить въ бой. Напропивъ Англинскій резервъ спалъ стрѣлять по Французскому авангарду, лишь начали доставать ядра, и пошому-то прежде нежели оный дошелъ до Англинской линіи, то былъ уже въ половину побѣжденъ. Главная же ошибка состояла въ томъ, что Вилльневу, а не Гравинѣ порученъ былъ флотъ. Французскій Адмиралъ, храбрый можетъ быть, но не столь искусный, какимъ почитался Испанскій, не имѣлъ довѣренности ни въ своихъ, ни въ Испанскихъ Офицерахъ и мапрозахъ. Англичане сами признаются, что мужественный и опытный Гравина, могъ бы со славою состязаться съ отважнымъ и счастливымъ Нельсономъ, и по крайней мѣрѣ подъ его предводительствомъ союзный флотъ, въ 4 часа, не былъ бы разбиенъ столь совершенно.

Сантъ - Эленскій рейдъ.

Купленные въ Лондонъ бриги *Фениксъ* и *Аргусъ*, первой о 16, второй о 12 коронадахъ, пришли на рейдъ, и какъ къ тому же

времени замки къ пушкамъ (*) были придѣланы и провіантъ принятъ, по эскадра 16 Ноября оставила Портсмутъ; но когда обошли Вайтъ, при наступленіи ночи сдѣлался споль жестокій вѣтръ отъ юго-запада и споль великая пасмурность, что на разсвѣтѣ Адмиралъ принужденъ былъ возвратиться и спастъ на якорь при южной оконечности Вайта на Сантъ-Эленскомъ рейдѣ. Три дни спустя пришелъ тудаже фрегатъ Кильдюинъ, а корабли Селафайлъ и Уриилъ въ первую ночь разлучась съ эскадрою, спалились въ морѣ. Крѣпкіе противные вѣтры продолжались во всѣ спальные дни сего мѣсяца, въ концѣ коего Адмиралъ послалъ Кильдюинъ въ Плимутъ, освѣдомиться, не зашли ли туда распавшіеся съ нами корабли.

3-го Декабря при свѣжемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ эскадра снялась съ якоря. Въ то самое время, какъ мы вступили подъ паруса, 12 наиболѣе поврежденныхъ въ Трафалгарскомъ сраженіи кораблей, лавировали къ рейду. Прекрасный спопущечный корабль *Викторія*

(*) Пушечные замки имѣютъ ту выгоду, что каоннеръ, наблюдая движеніе корабля и держа въ себѣ веревочку, спускающую курокъ, можетъ сдѣлать вѣрный выстрѣлъ и въ отдаленный предметъ; но въ сраженіи, на близкомъ разстояніи, курки неудобны пошому, что обившіеся кремни, не когдай перемѣнятъ; однакожь и шупъ они не мѣшаютъ, — опложивъ полку, можно стрѣлять филилемъ.

везъ шло Нельсона. Спущенные въ половину флаги и вымпелы, осколки мачтъ съ маленькими парусами, и пробитые ядрами борты кораблей, возбуждали наше любопытство, и внушали глубокое чувство уваженія къ безспрашному Герою Англіи. Нашъ Адмиральскій корабль салютовалъ его 15 выстрѣлами; Викторія отвѣщивала равнымъ числомъ. Множество яликовъ и ботовъ, изъ Портсмута, вышли на встрѣчу побѣдоносному флоту; началась пальба изъ пушекъ; густой дымъ закрылъ Спитгедъ, и эскадра наша, обогнувъ Вайтъ, подъ полными парусами лѣшла вдоль береговъ Гамшира. На другой день, когда мы подошли къ Плимуту, фрегатъ Кильдюинъ соединился съ нами и донесъ Вице-Адмиралу, что разлучившіеся корабли, не заходя никуда прошли въ океанъ, почему и продолжали мы идти вдоль береговъ Девоншира и Корнваллиса. Поровнявшись съ мысомъ Лизардъ, спустили лоцмановъ, по пеленгамъ утвердили мѣсто корабля на картѣ, и поспроясь въ походный строй, пустились въ открытый океанъ.

Плаваніе Атлантическимъ Океаномъ.

Корабли съ свѣжимъ фордевиндомъ, то есть самымъ попутнымъ вѣтромъ, дующимъ съ кормы, лѣшли на всѣхъ парусахъ. По мѣрѣ удаленія отъ береговъ вѣтръ крѣпчалъ, волненіе усиливалось и съдая пѣна валовъ

покрывала всю поверхность океана. Прелестный берегъ Англіи постепенно утопалъ въ безднѣ; уже хребты волнъ равнялись съ зелеными его холмами; наконецъ они скрылись, и мы, какъ осиропѣвшіе, остались посреди необозримаго океана, окруженные сумрачнымъ небомъ и шумящими волнами. Заходженіе солнца предвозвѣщало непогоду; черныя облака мчались вслѣдъ за нами опъ сѣвера, и мѣлкій шуманный дождикъ начиналъ покрапывать. Пасмурный видъ Природы хотя не успрашалъ меня, но невольная грусть вливалась въ сердце. Скорый переходъ опъ удовольствію къ опасностямъ наполнялъ воображеніе печальными мыслями, и когда берегъ Англіи исчезъ; когда всѣ пріятныя мечты, подобно сновидѣнію, миновались; съ тоскою, съ грустію неизъяснимою, взиралъ я на грозное пріуготовленіе бури и на ужасный мракъ, копорый съ небесной высоты сходилъ, спускался ниже и ниже, и видимой нами горизонтъ уменьшилъ въ небольшой кругъ. Мѣлкой дождикъ принудилъ меня сойти въ каютъ-кампанію: она представляла госпину, куда собралось общество согласныхъ родныхъ. Одни играли въ боспонъ, въ шахматы, въ лопу, другіе разыгрывали, какъ умѣли, кваршешъ; иные читали или заботились пріуготовленіемъ чая. Закуривъ трубку и подвинувъ спулъ къ камину, я любовался алымъ пламенемъ, которое то воздымалось, то упало, то возгаралось, то угасало.... Наконецъ, спокойныя

лица и пріяшныя занятія моихъ товарищей скоро разсѣяли мою скуку. Но не такъ легко преодолѣть оную шому, кшо въ первый разъ видишь море: ужасный видъ онаго поражаетъ чувства его сильнѣе, онъ невольнымъ образомъ погружается въ уныніе, и печальное воображеніе, увеличивая опасности, распинаетъ ихъ предъ нимъ на каждомъ шагу.

Не взирая на пасмурную, довольно холодную погоду, бывшую 3, 4 и 5 Декабря, Офицеры во весь день не сходили со шканецъ и наслаждались видомъ поспѣшнаго плаванія. Корабли шли по 18 верстъ въ часъ. Не смотря на большое океанское волненіе, и сильной вѣтръ, всѣ были спокойны и сухи. Одинъ повелипельный голосъ вахшеннаго Лейтенанта время отъ времени повторялся: онъ скорымъ движеніемъ руля, предусмотрительнымъ оборотомъ парусовъ, держалъ въ повиновеніи корабль, предохраняя его отъ быстраго уклоненія съ пути, могущаго подвергнуть его великой опасности и даже бѣдствію. Должность Лейтенанта на кораблѣ самая важнѣйшая. Капитанъ управляетъ и располагаетъ дѣйствіями, относящимися къ безопасному плаванію, на Лейтенантъ же лежитъ исполненіе его повелѣній, и сверхъ того предохраненіе корабля отъ незапныхъ, часто мгновенныхъ случаевъ, отъ коихъ, при малѣйшемъ пропускѣ принятія мѣръ къ отвращенію оныхъ, могутъ воспослѣдовать неоправимыя злоключенія. Я любилъ смотрѣть, какъ опытный мой вахшенный

Командиръ, спавъ на бортовую съшку или роспры, быспрымъ взоромъ обозрѣвалъ все, что дѣлается впереди, позади его, на верху и въ низу; какъ громкимъ голосомъ приводилъ онъ всѣхъ въ движеніе, и не упускалъ мгновенія, дабы упредить какую либо опасность, копорой онъ ни въ какомъ случаѣ не боялся. Морская служба школа военныхъ людей: въ ней образуется шопъ духъ, ша предприимчивость и смѣлость, копорыя имъ нужны въ сраженіи. Морской Офицеръ, распорочно и благоразумно управляющій кораблемъ во время бури или бѣдствія, можно поручиться, не убоишся первый ипши на шпурмъ. Опытные моряки, преодолевая опасности, всѣ ужасы своей службы, находясь большую и лучшую часть своей жизни, такъ сказать, въ *тѣлостяхъ смерти*, принимающъ на себя шопъ пасмурный, угрюмый и молчаливый видъ, по копорому опличить ихъ можно. Чипапель! если тебѣ случится вспрѣшиться съ Россійскимъ мореходцемъ шакого вида: опдай ему справедливостъ швоимъ вниманіемъ, и будь увѣренъ, что онъ храбрый, мужеспвенный человекъ, и можетъ быть не одинъ разъ спасалъ жизнь тысячамъ швоихъ соопечеспвенниковъ.

Въ ночь съ 5 на 6 Декабря, Англинской фрегатъ Пегасъ, подошедъ къ кораблю Москвѣ, увѣдомилъ, что Французская Рошефоршская эскадра, состоящая изъ 7 кораблей и нѣсколькихъ фрегатшвъ, собспвенно назначенная для недопущенія эскадры нашей въ Средиземное

море, вышла изъ порта, и что онъ посланъ отъ флота Адмирала Лорда Корнвалиса, дабы предупредить насъ и сыскать эскадру непріятельскую. Вскорѣ послѣ полудня 6 Декабря, вдали въ горизонтѣ показалось нѣсколько мачтъ военныхъ кораблей: это были непріятельскіе. Хотя съ нашей стороны не было наспо-ящаго объявленія войны Франціи, и войска, бывшія въ Австріи, сражались подъ именемъ вспомогательныхъ; но конечно Французской Адмиралъ, имѣя споль превосходную силу, не упустилъ бы напасть на насъ; почему на кораблѣ Ярославѣ поднятъ былъ сигналъ поспавишь всевозможныя паруса; эскадра наша поворотила къ Феролу, коюрой блокировала Англинская эскадра. Непріятель въ числѣ 11 парусовъ пошелъ на пересѣченіе нашего курса, надѣясь не допустить насъ соединиться съ Англичанами. Эскадры сблизились, уже казалось не возможнымъ избѣжать сраженія; но искусное распоряженіе Адмирала обмануло непріятеля, темная ночь скрыла наши движенія и онъ упустилъ насъ изъ рукъ. При захожденіи солнца подняты были слѣдующіе сигналы: 1) скрыть огни, 2) въ 8 часовъ поворотишь безъ сигнала къ западу, 3) въ полночь переменить курсъ и идти на югъ, 4) приготовиться къ бою. По разсвѣтѣ, мы уже не видали Французовъ. Какъ мы въспрѣпились съ непріателемъ въ день Николая Чудотворца, то матрозы наши усердно желали сразиться. Когда бапарей были готовы и всѣмъ показаны свои

мѣста, то дабы чѣмъ нибудь занявъ людей, заспавили ихъ пѣть и плясать, а для поощренія дали выпить, за здоровье Государя, по лишней чаркѣ вина. Шпурманскіе ученики, юнги, фельдшеры, то есть люди грамотные, сдѣлали изъ флаговъ кулисы, и представили оперу Мельникъ, для своихъ зрительей довольно порядочно. Послѣ театра рожокъ и бубны проводили многими хорами солдатъ, мапировъ и аршиллеристовъ, спорившихъ о преимуществѣ. Все пѣло и плясало, никто не думалъ о близкой бѣдѣ. Въ каютъ-кампаніи, послѣ сыпнаго ужина, копорымъ и полсый винный опшупщикъ въ Москвѣ былъ бы доволенъ, не смотря на то, что корабль немного качало, Офицеры танцовали до самаго свѣша.

Благополучный вѣтръ споль былъ свѣжъ, что 7-го Декабря, мы уже прошли *Финистеръ*, пошъ мысъ, гдѣ Юлій Цезарь, въ означеніе, что путь кончился земля, поспавилъ сполъ, копорый и до сихъ поръ сохранился. По мѣрѣ плаванія нашего на югъ, мы находили погоду теплѣе, небо прочистилось и вѣтръ началъ упадать, на высотѣ Лиссабона сдѣлалось совсѣмъ тихо. Новая зыбъ шла отъ запада, и спираясь съ прежнимъ волненіемъ, производила безпокойное, неправильное колебаніе, копорое толкало корабли, оставшіеся безъ управленія и носило ихъ во всѣ стороны. Волны вздымались, падали, и представляли океанъ изрытый въ пропасти. Скрытъ мачтъ, прескъ корабельныхъ членовъ, и безпрестанное хлопанье пару-

совъ и снастей наводило неизъяснимую скуку; голова кружилась, и многихъ *укагало*. Морская болѣзнь сія сноть мучительна, что спражду- щій ею человекъ никакой пищи, ни пипья, ни же лѣкарства принимать не можетъ. Люди силь- наго и слабаго сложенія безъ различія быва- ютъ оной подвержены. Привычка къ морю ослабляетъ дѣйствія болѣзни; другіе никогда не чувствуютъ оной, иные же и при малѣй- шемъ колебаніи никогда освободиться отъ о- ной не могутъ. Учасъ сихъ послѣднихъ жа- лосши достойна: то сильный жаръ разливаеиъ по всему тѣлу, то при палящихъ лучахъ соли- ца больной подъ нѣсколькими одеждами дро- житъ отъ холода, уста запекаются, безпре- спанно шопитъ, все тѣло покрываеиъ жел- тизною, и наконецъ спражду щій такъ ослабѣ- ваеиъ, что спановишъ ко всему хладнокро- венъ; печаль и надежда равно для него исчеза- ютъ, прошедшее и будущее суиъ для него ничто. Въ сей крайности, должно принуждаиъ больного ѣсти черные сухари, размоченные въ уксусъ или квасъ, и сосати лимонъ; ибо это одна пища, которую они могутъ принимать не съ сноть великимъ опвращеніемъ. Свѣжій воз- духъ, теплая одежда, инымъ малое движеніе, а другимъ, совершенное спокойствіе, также об- легчаютъ болѣзнь. Впрочемъ, когда переспаеиъ качаиъ, то болѣзнь сія въ то же время прохо- дитъ и не причиняеиъ никакого вреда для здоровья. Замѣиитъ должно, что беременныхъ женщинъ и дѣшей никогда не укачиваеиъ.

8 и 9 Декабря, при маловѣтріи, сильномъ волненіи и шуманѣ провели мы въ самомъ не-пріятномъ положеніи; 10-го же, послѣ полудня, шуманѣ поднялся, волненіе утихло и для слѣдованія къ Гибралтарскому проливу вѣтръ сдѣлался самый благопріятный. Теплоша, какой въ нашемъ климатѣ въ Декабрѣ ожидать не лзя, небольшой вѣтръ и пріятная погода скоро привели въ забвеніе безпрестанныя безпокойства прошедшихъ дней. Мы окружены были новымъ зрѣлищемъ: спада чайкъ и разнаго рода морскихъ птицъ вились въ воздухѣ; множество косатокъ и дельфиновъ играли около кораблей; полипы, медузы, морское сало и черепахи, медленно двигались на пестряющей поверхности водъ: море казалось одушевленнымъ: всѣ обитатели его вышли насладиться свѣжестію воздуха. 11-го Декабря къ вечеру увидѣли наконецъ землю: то былъ мысъ Санъ-Винцентъ. Положа по немъ мѣсто на картѣ, и слича оное съ численіемъ, нашли мы нечувствительную разность; она произошла отъ теченія моря, котораго при великомъ волненіи не можно было измѣрить. 13 числа, когда подошли къ Гибралтарскому проливу, вновь сдѣлалась тишина. Былъ въ виду приспанища, коего съ неперпніемъ желаешь достигнуть, и между тѣмъ не имѣешь возможности двинуться съ мѣста, естъ неприяность, которая только на морѣ случается! Неперпніе наше подобно было жаждѣ Тапшала. Наконецъ, 14 Декабря, вѣтръ

подулъ, эскадра вошла въ проливъ и спала на якорь у Гибралтара, гдѣ нашли мы корабли Селафаиль и Уріиль. Плаваніе наше океаномъ было счастливо и поспѣшно, ибо, не взирая на то, что прое сушокъ за пишиною не сдѣлали и мили впередъ, распояніе по прямой линіи около 3.500 верстъ прошли въ десятъ сушокъ.

Г И Б Р А Л Т А Р Ъ.

Не видавъ нѣсколько дней кромѣ неба и воды, съ удовольствіемъ смопрю на пѣ Геркулесовы сполпы, копорыми означался предѣлъ древняго міра. Высокая утесистая скала Гибралтара, кажется падаетъ на корабль мой, и первая, подобно какъ все великое и сильное, привлекаетъ къ себѣ вниманіе. На вершинѣ ея въ поднебесной высотѣ, виднѣ телеграфъ, а при ономъ домикъ мелькающій между проходящихъ облаковъ; къ сѣверу пологій зеленый берегъ Андалузій, узкимъ песчанымъ перешейкомъ, едва касающа гранишной громадѣ Гибралтара. Обширная бухта въ окружности около 60 верстъ, идетъ отъ крѣпости на западъ загибаясь въ правильномъ полукругѣ, отъкрытомъ къ Африканскому берегу. По набережной сего залива, видно множество селеній, крѣпостей и городовъ; только на пушечный выстрѣлъ отъ Гибралтара, одна за одною лежатъ Испанскія крѣпости Санъ-Филиппа и Санъ-Рока; прямо прошиву ихъ

видѣнъ *Алжезирасъ*, въ гавани коего споянъ нѣсколько Французскихъ корсеровъ и Испанскихъ канонирскихъ лодокъ, копорыя во время пишины въ проливѣ нападають на конвои, и даже изъ подъ пушекъ Гибралшара въ ночное время уводятъ купеческія суда. Къ сѣверу вдали синѣются горы Андалузїи, къ югу же берегъ Африки украшается огромными горами. Абилла, высочайшая изъ нихъ, соспавляетъ второй сполъ Геркулесовыхъ ворошъ. Цейша, Испанская крѣпость, лежащая на Варварійскомъ берегу, такъ сказать спережешъ Гибралшаръ.

Нѣсколько узкихъ, кривыхъ улицъ соспавляютъ небольшой городокъ, полспая спѣна съ юга, запада и сѣвера закрываетъ его такъ, что ни съ моря, ни опъ Испанскихъ крѣпостей его не видно. Дома вновь посспроенныя на Англинскій вкусъ, дѣлають совершенную прошивоположностъ съ спарыми Испанской Архитекспуры, копорыхъ плоскія крыши и чешвероугольныя башенки, называемыя Мирандами (*), какъ по дикому, унылому положенію, такъ и великимъ жаромъ здѣсь бывающимъ, болѣе приличеспвуютъ и климашу и мѣспу, нежели веселые красивые Англинскіе домики. Два дни бродили мы по горѣ, взбирались къ облакамъ, спускались въ пропасти и лазили

(*) Миранда на Испанскомъ языкѣ, значитъ удивляться.

по крупизнамъ. Неприспупность Гибралшара съ перваго взгляда очевидна; по почномъ же изслѣдованіи, укрѣпленія его непреодолимы. Представте себѣ гранишнюю гору, копорой сѣверная и воспочная стороны совершенно опшѣсны, западная и южная хотя не такъ высоки, но также крупы. Море при подошвѣ горы съ двухъ споронъ усѣяно подводными камнями; волны, разбиваясь объ нихъ производятъ бурунъ, препятствующій приспавашъ шлюпкамъ. Новая мола (*) единственное мѣсто, гдѣ можно высадишь войска, какъ и вся западная спорона покрыта башиареями.

Укрѣпленія на сѣверной споронѣ заслуживаютъ особенное вниманіе. Въ нѣсколькихъ шагахъ опъ ушеса построень правильный валъ, со рвомъ и равелиномъ, занимающій всю небольшую ширину перешейка, копорый въ нѣкоторомъ разстояніи опъ гласиса перерывъ каналомъ со шлюзами, помощію коихъ въ случаѣ осады, все пространство до Испанскихъ линій наводняется. Опсюда по лѣстницѣ глубоко высѣченной въ обрывистой горѣ, взошедъ на высоту 200 сажень, чрезъ дверь вошли мы въ славныя галлерей, изсѣченныя въ ушробѣ каменной горы. Каждый казематъ имѣеть 48 или 24 фуншовую пушку и просторно

(*) Каменная площадь, служащая для защиты кораблей опъ въшровъ.

помѣстивъ можеть 30 солдатъ. Толстоша наружной стѣны имѣеть около 4 сажень; амбразуры, въ ней пробитыя, служатъ вмѣстѣ для свѣта и для сообщенія воздуха. Позади каземата, далѣе внутрь горы высѣченъ пороховой погребъ; а возлѣ комнаша, гдѣ лежатъ всѣ снаряды для одной пушки. Обошедъ нѣсколько комнашъ, я думалъ, что должны будемъ по прежней опасной лѣстницѣ спускаться внизъ; но насъ повели вверхъ и мы вошли во вторую галлерею, подобную первой. Осмотрѣвъ оную, еще при раза мы должны были подыматься. Переходы сіи освѣщаются не большими въ горѣ пробитыми окнами. Пробывъ нѣсколько времени во внутренности горы, на высотѣ 300 или 400 сажень, излазивъ всѣ галлерей и переходы, наконецъ уставъ до чрезмѣрности вышли на вершину, откуда городъ, рейдъ, Испанскія линіи, представились какъ на черпежѣ. И здѣсь на ужасной высотѣ, на самомъ краю горы, откуда, безъ замиранія сердца, сморгнуть внизъ не возможно, поставлены тяжелыя орудія, а позади ихъ мортиры. Со стороны Средиземнаго моря, на углу скалы, природа образовала родъ круглой колонны, которую называютъ: *тортова башня*. Не возможно кажется изчислить, сколько изживенія, трудовъ и времени стоили сіи галлерей; въ нихъ ни ядра, ни бомбы не могутъ причинить никакого вреда гарнизону, а какъ нельзя предполагать, чтобы можно было подкопать, и обрушить каменную гору выши-

ною болѣе версты, по посему Гибралтаръ, единственная въ свѣтѣ крѣпость, гдѣ 5.000 солдатъ, имѣя нужные запасы, могутъ противустать 100.000 осаждающихъ. О отдохнувъ на морширномъ поддонѣ, по скапу горы спустились мы въ городъ, который восточною стороною, прислоненъ къ горѣ.

Вышедъ изъ города чрезъ южныя ворота, проводникъ показалъ намъ стѣну, построенную на краю глубокаго оврага, простирающагося отъ вершины горы до городского рва. Если бы непріатель завладѣлъ новою молю, то стѣна сія, защищаясь одною ружейною обороною, могла бы остановить его; и съ сей стороны городъ и галереи, по причинѣ пропащей, разсыльны и крушизны, атакваны быль не могутъ. Близъ города, къ удивленію нашему, увидѣли мы нѣсколько деревъ, виноградники и зелень; а какъ до сихъ поръ не замѣтили ни одной распущей былинки, то и спросили у проводника, на чемъ выросла эта зелень? На землѣ, привезенной съ того берега (показывая на Африку), отвѣчалъ Шошланецъ.

На другой день согласившись осмотрѣть остальную часть Гибралтарской скалы, начали, мы подыматься вверхъ по излучистой дорогѣ. До нѣкоторой высоты можно ѣхать верхомъ и въ легкой повозкѣ; но чѣмъ выше, тѣмъ гора становится круче, дорога безпокойнѣе. Уставши, на половинѣ горы мы отдохнули въ нарочно высѣченной небольшой

впадинѣ, гдѣ весьма къ спаши, поставлены скамейки. Поднявшись еще немного, проводникъ, остановивъ насъ сказалъ: „*Вотъ пещера Св. Михаила.*“ Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ внизъ вошли мы въ подземелье, которое походило на высокій черпогъ; искусная рука природы украсила его чуднымъ великолѣпіемъ: черный сводъ поддерживается разнаго вида и величины подпорами, нѣкоторыя изъ оныхъ имѣютъ аршинъ въ поперечникѣ. Стѣны, гдѣ свѣтъ входилъ въ отверстіе пещеры, блистали хрусталами, имѣющими видъ человека, звѣрей и птицъ; тяжелыя глыбы, подобно ледянымъ сосулькамъ висѣли на прилѣпѣ по стѣнамъ и сводамъ. Вода, пробираясь сквозь скважины земли, и безпрестанно падая со свода, капля по каплѣ, каменѣетъ и образуетъ прозрачныя бѣлаго цвѣта сталактиты. Камни сіи, постепенно въ толщину и длину увеличиваясь, составили сіи кривые столпы и чудесныя изображенія, которыя въ продолженіе вѣковъ, вѣроятію выросшутъ такъ, что собою наполнятъ всю пещеру. Проводникъ увѣрялъ насъ, что оная столь глубока, что еще никто не спускался до самаго дна. Товарищи мои желали сойти сколько можно ниже; но не имѣя ни веревки, ни факела, не осмѣлились слишкомъ углубляться, Пещера сія лежитъ выше горизонта воды на 185 сажень. Гибралтаръ кромѣ сихъ сталактитовъ доставилъ любителямъ рѣдкостей другія неменѣе важныя. Въ 1788 году, во время подрыванія порохомъ

сѣверной скалы, для поспройки галлерей, найдены окаменѣвшія большія коспи живописныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ доставлены въ Бришанской музеумъ неповрежденными. Какимъ образомъ оспавы сіи попали въ ушробу каменной горы? Вопросъ сей подалъ поводъ къ разнымъ между учеными людьми преніемъ и заключеніямъ, кои кажется кончились признаніемъ ясныхъ доказательствъ о бывшемъ всемірномъ пошопѣ.

Отъ пещеры до вершины горы, не было уже дороги: взбираясь по каменьямъ, осыпающимся подъ ногами, отъ чрезмѣрной крупизны, споль шрудно идши, что часно принуждены мы были опдыхашъ; наконецъ, не много не дошедъ до вершины, увидѣли вороша, на коихъ крупными словами подписано по Англински: „*Проходъ изъ Океана въ Средиземное море*“ въ самомъ дѣлѣ лишь только вышли мы изъ подъ свода, просѣченнаго на сквозъ горы, то прямо подъ ногами увидѣли Средиземное море. Волны при подошвѣ горы крупились, наспупали на каменья, и отраженныя отъ нихъ превращались въ бѣлую пѣну и брызги; но шумъ ихъ едва глухимъ спономъ доходилъ до нашего слуха. Вообразите себя на ужасной высошѣ, висящей прямо надъ водою, положите что и у васъ закружилась голова, и поспѣшите вмѣстѣ съ нами ворошиться назадъ. Подъ сводомъ на спѣнахъ написано было множесшво именъ на всѣхъ языкахъ; иныя сперлись, другія шрудно было разобрать. Фран-

цускіе спішкі: Les noms des fous se trouvent par tout (имена дураковъ повсюду находящіяся), опіяли у насъ желаніе вырѣзати шупъ свои имена. Опсюда должно спуститъсь къ пещерѣ, сказалъ проводникъ, а опшуда поднятъсь къ телеграфу. Желая пройти къ нему прямо, шрое мы, опдѣлившись опъ прочихъ, взлѣзли сначала на самую вершину горы, и зрѣлище величественное вознаградило немалый шрудъ нашъ. Не только Гибралтаръ со всѣми своими укрѣпленіями, берега Андалузіи и Гренады со множествомъ городовъ и крѣпостей, не только Алпуксара, и снѣжныя Африканскія горы, подпирающія облака; но весь проливъ, съ немалымъ пространствомъ океана и Средиземнаго моря, явились взору, какъ на картинѣ раскрашенной блестящими красками. Ясное солнце игрою лучей своихъ различно позлащало предметы. Такое множество живописныхъ мѣстъ, въ шомъ шочно положеніи, въ какомъ опсюда онѣ представлялись, кажется, и самому искусному художнику изобразитъ не возможно. Пробираясь къ телеграфу по хребту горы, пришли мы къ шполь глубокому и крупному оврагу, что принуждены были оставитъ сію дорогу и спуститъсь въ низъ прямо къ новой Молѣ. Въ оврагѣ видѣли мы нѣсколько обезьянъ: не понятно, чѣмъ они шупъ питаются. Терновникъ и душистая сухая трава, на которой скользятъ ноги, расшупъ по горѣ мѣстами. У Губернашорскаго сада, вновь разводимаго, сошлись мы съ шоварища-

ми и, измучась до безконечности, всѣ вмѣстѣ возвратились на корабль.

Гибралтаръ прежде назывался *Монѣ-Калпѣ*, потомъ Сарацыны, построивъ на горѣ сей крѣпость, назвали по имени одного изъ своихъ Генераловъ *Жибель Тарифѣ*, то есть гора *Тарифѣ*, а опъ сего произошло нынѣшнее его названіе *Жибралтарѣ*. Сія крѣпость попеременно была во власпи Испанцовъ и Мавровъ, наконецъ взята опъ первыхъ соединеннымъ Англическимъ и Голландскимъ флотомъ, подъ командою Георга Руке въ 1704 году, не силою, а нечаяннымъ случаемъ. Принцъ Гессенскій, вышедъ съ войсками на перешеекъ, увѣрился, что нападеніе съ сей стороны было не возможно. Флотъ сдѣлавъ 15.000 выстрѣловъ не причинилъ и малѣйшаго вреда укрѣпленіямъ. Одно осмѣвалось средство принудить къ сдачѣ крѣпость голодомъ, но она достигла Англичанамъ гораздо скорѣе. Партія мачеровъ, выпивши лишнюю порцію грога, въ двухъ или трехъ шлюпкахъ приблизилась къ Новой Молѣ, осмѣлилась выдти на берегъ и напала на малое число Испанцевъ шуть находившихся. Со флота поспѣхъ посланы были всѣ люди и какъ крѣпость съ сей стороны еще не имѣла спѣхны, то и принуждена была сдаться. Въ 1713 году Утрехтскимъ миромъ Гибралтаръ утверждень во владѣніи Англіи. Испанцы нѣсколько разъ покушались возвратитъ его. Послѣдняя осада соединенныхъ силъ Испаніи и Франціи съ моря и сухаго пути

прославила Генерала Еліоша, который съ малымъ гарнизономъ опразилъ осаждающихъ съ великою поперею. Принцъ Нассау, будучи тогда Генераль-Лейтенантомъ Испанской арміи, построилъ выдуманныя имъ пловучія бапарей, но они были потоплены и 300 большихъ пушекъ достались Англичанамъ. Гибралтаръ, находясь на пути отъ Англіи въ Мальпу, служишь главнымъ сборищемъ купеческимъ и военнымъ флотамъ, защищаетъ Левантскую торговлю и наблюдаетъ Кадиксъ и Картагену, гдѣ Испанскія эскадры содержатся въ блокадѣ.

П Л А В А Н І Е С Р Е Д И З Е М Н Ы М Ъ

М О Р Е М Ъ.

17-го Декабря вся эскадра, кромѣ брига Аргуса, опсшавшаго у Санъ-Винценца, снялась съ якоря. Не взирая на малый вѣспрь, попутное изъ Океана теченіе помогало ходу и мы плыли по 10 верстѣ въ часъ. Гибралтарскій проливъ имѣетъ два теченія. У Африканскаго берега вода спремится изъ океана; а у Европейскаго изъ Средиземнаго моря. Океанское теченіе посреди пролива столь сильно, что при легкихъ вѣспрахъ корабли опносятся назадъ. Теченіе океана далеко входитъ, не смѣшиваясь съ водою Средиземнаго моря, оно сохраняетъ свой цвѣтъ болѣе черный, и пошому многіе Средиземное называютъ бѣлымъ моремъ. На сто верстѣ, западное теченіе дѣйствуетъ почти съ одинакою силою. Въ про-

ливъ наиболѣе дуютъ восточные и западные вѣтры, ибо въ море, съ коюторой бы стороны они ни были, приходя къ узкому, высокими берегами окруженному каналу, и отражаясь обѣими сторонами, берутъ направленіе пролива, и дуютъ въ немъ сильнѣе, нежели въ морѣ. По сей причинѣ бури бывають крѣпче и чаще во всѣхъ заливахъ и при выдавшихся мысахъ нежели въ открытомъ морѣ.

18-го Декабря прекрасный день, какой у насъ бываетъ въ Маѣ, украшался еще болѣе пріятнымъ плаваніемъ близъ берега. Каждый часъ новые предметы приближались, проходили мимо и скрывались. Тамъ вдали, на краю горизонта отдаленный берегъ показывается тонкою синею черпою, чрезъ нѣсколько минутъ видъ его измѣняется, а чрезъ часъ онъ представляется высокою горою. Щасливое плаваніе въ хорошую погоду недалеко отъ береговъ, пріятнѣе и покойнѣе земнаго путешествія. Въ первомъ, прогуливаясь на палубѣ, переходишь великое пространство безъ усталости, и въ большемъ обществѣ проводишь время съ удовольствіемъ; въ послѣднемъ, будучи заключенъ въ карель, поджавъ руки и ноги, сидишь въ принужденномъ положеніи, между тѣмъ какъ пыль, набившись въ носъ, въ ротъ, и ослѣпивъ глаза, препяиспвуешь наслаждаться видами.

19-го Декабря, восходящее солнце позлатило свѣтлую лазурь неба; ни одно облако не помрачало яснаго свода его. Легкій вѣте-

рокъ едва колебалъ море и скоро наступила совершенная тишина. Морская тишина (шпиль) для проснаго путешественника спокойна; но мореплаванецъ не любитъ ее по тому, что она прерываетъ успѣхамъ его намѣреній. Три дни у небольшого, пущаго, и голаго камня Алборана помились мы мучительнымъ, безпокойнымъ ожиданіемъ вѣтра, думая, авось-либо съ кою-то изъ сторонъ онъ повѣетъ. Каждое облако, каждая перинка на небѣ, казалась намъ предвозвѣстницею онаго; но надежды наши были тщетны: зеркальная поверхность моря пребывала въ неподвижной гладкости. Послѣ ученья изъ ружей въ цѣль и примѣрно у пушекъ, люди, чтобы не быть въ бездѣйствіи, иные плыли, другіе занимались своею работою, или ловили рыбу. Юнги (*) едва успѣвали закидывать уды какъ вышаскивали по двѣ и по три рыбы вдругъ; на уду же, нусивъ приманку плавающую на водѣ, ловили они чаекъ. Множество сихъ морскихъ птицъ, вились вокругъ кораблей, опшима съ крикомъ одна у другой куски хлѣба, копорые мы имъ бросали, или дрались за пойманную рыбку, но въ безпорядкѣ садились на воду, но вмигъ взвивались на воздухъ. Какъ день былъ очень жарокъ, но людямъ позволили купаться; для сего спустили шлюпки, и у бортовъ для не умѣющихъ плаванъ распянули

(*) Малолѣтныя матрозы.

на веревкахъ парусы, на копорыхъ мылись они точно шакъ, какъ въ ваннѣ.

Оставя опечеснво при наспупленіи осени, въ нѣсколько дней перешли мы въ южную Англію, гдѣ прекрасная погода еще продолжалась; когда же и шумъ начались дожди и шуманы, и когда расшпшельная сила природы и намъ начинала мершвѣшь, по въ бурномъ Декабрѣ перенеслись мы въ жаркій климатъ Европы. Тамъ прекраснѣйшее лѣто вновь насъ вспрѣшило. Все швореніе исполнено было жизни, все цвѣло, все одѣто зеленою, и пысячи насѣкомыхъ шумѣли въ воздухѣ. И шакъ не видавъ снѣгу, инеевъ, холода и зимы, не должны ли Россійскіе плаващели совершенно бытъ очарованы? и свѣжеснъ воздуха и необычайная шеплоша, не должны ли бытъ разшпельны, для людей привыкшихъ жишъ въ суровомъ сѣверѣ? Прекрасный день сопровождался еще прекраснѣйшею ночью, но сіи ночи довольно холодныя и сырыя опъ падающей росы, вредяшъ здоровью, Скорый переходъ опъ жара къ холоду производишъ просшуду и скорбушъ, но поступаая по даннѣмъ намъ наспавленіямъ о сохраненіи здоровья людей, служштели наши не были подвержены сшмъ болѣзнямъ. Трюмъ (*) корабля, наиболѣе зара-

(*) Большой погребъ на днѣ корабля, гдѣ кладутся баласть, дрова, вода въ бочкахъ и другіе запасы.

женный спершимся воздухомъ, очищался чрезъ провѣприваніе. Палубы ежедневно окуривались уксусомъ и порохомъ. Чиспопа и опряпность какъ корабля такъ и экипажа, во всей почноспи наблюдалась. Болѣе же всего спопрѣли, чпообъ на воздухъ съ опкрышой головой и въ мокромъ плащѣ не ложились спать. Недоспашокъ свѣжей воды, испортившееся мясо, и другія провизіи умерщвляющіе людей иногда болѣе, нежели сраженіе, безпреспанной прудъ и безпокойсво. Вода въ бочкахъ стоящая на низу прюма, особенно въ жаркіе мѣсяцы, обыкновенно на чешвертой день начинаетъ поршиться и скоро дѣлается вонючею. Цѣдильной камень и машина для очищенія воды, не могутъ на каждой день для 800 человекъ приготопить достаточнаго количества. Всѣ другія средства и изобрѣшенія, для производсва ихъ на кораблѣ найдены вовсе не удобными, и не соответствующими своей цѣли, и посему-то недоспашокъ свѣжей воды, есть главное неудобство морской жизни. Но переменная часпо воду и имѣя свѣжіе запасы, мы на корабляхъ не имѣемъ ни въ чемъ нужды. Благодаря крайнему старанію Главнокомандующаго о довольствѣ людей, во все продолженіе кампаніи, ни на одномъ кораблѣ не было шѣхъ заразительныхъ болѣзней, копорыя происходили опъ гнилой пици, и подобно крововой войнѣ, свирѣпствуютъ между морскими служителями.

Послѣ штиля, при тихомъ восточномъ вѣтрѣ 20-го Декабря ночью, у мыса *Гапо* близъ Арміи вѣспрѣпились мы съ Англинскимъ флопомъ изъ 15 кораблей подъ начальствомъ Вице - Адмирала Коллингвуда, ошъ коего увѣдомились мы, чпо онъ идешъ въ Веспъ-Индію, искашъ Брестскую эскадру, на копорой Іеронимъ брагъ Наполеона находится. Въ Карѳагенѣ же, блокированной симъ флопомъ, спояшъ 8 кораблей, изъ коихъ при спо-пушечные. Принявъ всѣ мѣры осторожности и бывъ въ готовності къ сраженію съ свѣжимъ попушымъ вѣтромъ прошли мы Карѳагену, 27 числа подошли къ Сардиніи, а 29 Декабря, лавируя при крѣпкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, спали на якорь у Каліари.

К а л і а р и.

Бѣдная столица Короля Сардинскаго лежишъ на крупной горѣ обнесенной двойною каменною стѣною, и окружена низкими мѣсцами, солеными озерами и болопами. Въ низу города небольшая гавань. Высокія горы, пересѣкающія весь островъ, спояшъ въ пѣ-копоромъ разсояніи. Къ сѣверу видна длинная плошина, опдѣляющая большое озеро ошъ рейды. Каліарскій заливъ, имѣющій направленіе ошъ Юга на Сѣверъ, неудобенъ въ зимнее время, по причинѣ жестокихъ порывовъ, находящихся изъ за горъ ошъ сѣвера, съ моря же не будучи ни чѣмъ прикрышъ, подвер-

гаешъ корабли, на ономъ стоящіе, волненію
ошъ Юга. Ферпоингъ, должно сшановишья,
кладя одинъ якорь на Сѣверо-западъ, другой
на Сѣверо-воспокъ. Хорошій иловашый грунтъ
и глубина ошъ 4 до 18 сажень, дѣлаюшъ
рейдъ въ другое время года довольно безо-
паснымъ.

Едва замѣшили въ городъ наши большіе
корабли, нѣсколько испачканныхъ лодокъ, или
по крайней мѣрѣ не такъ чистыхъ, какія до-
селѣ мы привыкли видѣшъ, наполненныхъ
музыкантами и нищими, пришли къ кораб-
лямъ; и шѣ и другіе просили милосшыни, од-
ни за поздравленіе съ благополучнымъ при-
бышіемъ, другіе за труды, которые они при-
няли для умилошпивленія насъ своимъ шу-
повскимъ крикомъ и вмѣстѣ смѣшными и
жалкими кривляньями. Босыя ноги, всклоко-
ченные, никогда нечесанные волосы, лахмотье,
покрывающее закопшѣлое ошъ нечистоты
шѣло, словомъ вся наружность сихъ Сардин-
цовъ приводила въ состраданіе. Мы должны
были выдержашъ прехъ дневной карантинъ,
въ кошорое время ѣздишъ на берегъ и сооб-
щашья съ стоящими на рейдѣ судами строго
было запрещено. Впрочемъ все нужное доста-
вляли намъ на лодкахъ. Дешевизна плодовъ
насъ удивляла: за десяшъ апельсиновъ плаши-
ли мы копейку, а за два пуда миндалю ша-
лерь.

Карантинъ кончился, всякой спѣшилъ на
берегъ. Выходимъ на приспанъ, толпа наро-

да, снявши свои красные колпаки съ почтительнымъ видомъ слѣдовали за нами. Куда ни оборотимся, чернь привѣтствовала поклономъ. Спрашиваемъ по Италіянски, гдѣ лучшій трактиръ? и множество голосовъ досель позади въ полголоса говорившихъ, вдругъ опвѣчали; „вопъ самой лучшій! просянувъ каждый обѣ руки и показывая на домъ противу стоящій. Входимъ: въ темной комнатѣ стоялъ пошатавшійся пыльный билиардъ, никого нѣтъ. Идемъ во второе жилье, хозяинъ въ засаленомъ фаршукѣ, съ изумленнымъ видомъ, сорвавъ съ себя колпакъ, спрашиваетъ, что угодно? шорошится, проситъ садиться, увѣряетъ, что у него трактиръ самой лучшій, и что всѣ иностранцы у него только были довольны. Заказавъ обѣдъ, пошли мы въ городъ прогуляться, нѣсколько маклеровъ предложили намъ, не угодно ли что покупать? Напередъ хопимъ видѣть городъ, сказалъ одинъ изъ насъ. Какъ прикажете ваше превосходительство! (такъ обыкновенно величаютъ здѣсь иностранцевъ) и тотчасъ одинъ изъ нихъ большими театральными шагами пошелъ впереди, а другіе въ почтительномъ отдаленіи слѣдовали позади насъ.

Прекрасно выстроеныя дома съ плоскими крышками, обнесенные рѣшеткою усажденною вазами цвѣтовъ, составляютъ разительную противуположность съ нечистою улицъ. При первомъ взглядѣ на Италіянской городъ, чуждость, нерадѣніе и подру-

га ихъ нищета повсюду представляюща. На каждомъ шагу встрѣчали мы нищихъ, едва покрытыхъ изорваннымъ кускомъ холстины. Они окруживъ и преслѣдуя насъ неотступно просили милостыни, увѣряя, что уже нѣсколько дней ничего не ѣли; съ уничиженнымъ видомъ показывали на небо, говоря, что оно только служишь имъ покровомъ, что они не имѣютъ никакого убѣжища отъ суровости погодъ. И такъ не благораспорядокъ воздуха и плодородіе земли доставляютъ благоденствіе народу. Трудолюбивый Норвежецъ въ безплодной землѣ доставляетъ себѣ лучшее содержаніе, нежели лѣнивый Италіанецъ, въ странѣ облагодѣтельствованной всѣми дарами природы. Нижніе ярусы домовъ заняты лавками ремесленниковъ. Тамъ портной, шувъ рѣзчикъ, столяръ, кузнецъ, бочаръ сидятъ за работою при открытыхъ окнахъ и дверяхъ. Италіанецъ хочетъ видѣть людей и безпрестанно бьетъ на открытомъ воздухѣ; отъ того-то кажутся, они и не брегущъ о чистотѣ домовъ. Изъ узкихъ промежутковъ, отдѣляющихъ домъ отъ дома, изходитъ смердящій запахъ; замаранные спѣны, обвалившаяся штукатурка, красныя пятна по окнамъ и лѣсницамъ, помои выливаемые изъ верхнихъ ярусовъ, мершвыя кошки и собаки исплѣвшія на улицахъ, все вмѣстѣ столько заражаетъ воздухъ, что мы, зашнувавъ носъ платкомъ, спѣшили взойти на гору, въ надеждѣ найти тамъ лучшій воздухъ. По ступенькамъ, высѣченнымъ въ горѣ,

вошли въ крѣпость, находящуюся на вершинѣ горы внутри города. Здѣсь показали намъ глубокой колодезь, изъ коего весь городъ довольствуется свѣжею водою. Колодезь находился внутри зданія, покрышаго сплошь толстымъ сводомъ, что, кажется, бомбою пробить его не можно. Крѣпостныя стѣны съ сухопутной стороны не исправны, съ моря же бастіоны вооружены тяжелою артиллеріею. Впрочемъ Калиари лежатъ на высотѣ, обороняющей окрестности, и посему долго можетъ сопротивляться.

Вошедъ въ соборъ мы удивились великолѣпію и богатству украшеній. Темные своды, хорошая живопись и огромные столпы, поддерживающіе тяжестъ зданія, внушали благоговѣніе къ сему древнему храму. Монахи водили насъ по всѣмъ переходамъ церкви, и на одномъ олшарѣ, показали въ золотомъ ковчегѣ, голову святого Сатурнина. Мы къ мощамъ симъ приложились съ благоговѣніемъ, и на блюдо, шунъ стоявшее, положили нѣсколько монетъ. Удивленные Францисканцы взгладывали другъ на друга, казалось, хотѣли что то сказать; но посматрѣвъ на праздный народъ, за нами ходившій, смиренно опустили внизъ глаза; поклонились, и обраца умоляющій взоръ къ небу, не сказали ни слова.

Дурной запахъ въ комнатахъ, въ копорой мы должны были обѣдать, опинималъ у насъ позывъ на пищу. По стѣнамъ и окнамъ вездѣ была пыль и паушины; кирпичной грязной

поль не вымешень, а полько обрызганъ водою. Вмѣсто скашерти послана была полстпая пряпка; кушанье, даже жаркое и пирожное, на деревянномъ маслѣ, и попому мы довольствовались полько салапомъ, плодами и шѣмъ, что не было въ рукахъ повара. Едва ли можно себѣ представить что нибудь неопрятнѣе Италіянскихъ пракшировъ; полько въ лучшихъ городахъ можно найши хорошіе.

Послѣ обѣда привели насъ на шелковую фабрику. И здѣсь видѣнъ народный характеръ Италіянцевъ. Зала уставлена нѣсколькими десятками самопрялокъ, на коихъ сучашъ и размахивающъ шелкъ. Опгадайте, кто ихъ вершишъ такъ скоро? Индѣйки, пѣпухи и куры. Они развязаны между двухъ рычаговъ, вспавленныхъ въ ворошъ, копорой помощію шестерни обрашаешъ самопрялку. Индѣйка, опуспая хвостъ, распуспая крылья, съ крикомъ бѣгаешъ по поддону, такъ скоро и до шѣхъ поръ, пока закружасъ падаешъ вверхъ ногами. Мальчикъ и дѣвочка впрягаешъ другую, а загнанную опправляющъ въ пракширъ и говоряшъ, что она опъ того бываешъ вкуснѣе убитой. Далѣе собаки, бѣлки, зайцы, сурки и множесво маленькихъ живошныхъ разинувъ ршы, съ лаемъ, визгомъ, щолканьемъ, во всю силу скачущъ въ срединѣ колесъ; оныя верпяшся и бѣдное живошное, боясь упасшъ на спину, по неволѣ прибавляешъ бѣгу, а самопрялка работаешъ между шѣмъ наилучшимъ образомъ. Въ другой залѣ вываривающъ шелкъ,

въ прешней основываютъ на спанки. На сихъ спальныхъ спанкахъ помощію механизма обращающаго челнокъ, одинъ работникъ отдѣлываетъ въ день двѣ дюжины чулокъ; не смотря на смѣшное движеніе самопрялокъ, работа успѣшна, прочна и дешева. Заведя машины, производство работъ и содержаніе, стоить весьма недорого.

Отъ фабрики прошли мы въ гавань, гдѣ стояла галера и двѣ полугалеры, составляющія всю морскую силу Короля. Доходы его столь малы, что онъ имѣетъ три или четыре тысячи солдатъ, и такъ бѣдно одѣты, что еслибы не знамя и шляпы пробитыя пулями, то ихъ узнать бы не лзя. Въ гавани нечего было смотрѣть; итакъ мы пошли за городъ. Проводникъ снявъ башмаки и накинувъ фуфайку на одно плечо, гордо выступалъ предъ нами. За городомъ ничего, кромѣ огородовъ и худыхъ хижинъ, взору не представлялось; песчаная земля, солончаки и болото скоро намъ наскучили, и мы дошедъ до одной развалившейся церкви воропились въ городъ. Узнавъ же, что послѣ зари ворота въ крѣпости запираются, и при томъ слышась, что опасно оставаться въ городѣ, ибо нищія, за нѣсколько копеекъ иногда убиваютъ иностранцевъ, мы не медля поѣхали на корабль.

Не смотря на лѣность жителей, Сардинія весьма плодоносна. Кромѣ вина, масла, плодовъ, всякой хлѣбъ родится въ изобиліи. Въ

горахъ находятъ серебряныя, желѣзныя руды и мраморъ. Соль доставляетъ Королю важный доходъ. У береговъ ловащяся кораллы. Торговля, кромѣ сихъ произведеній, состоить изъ шелковыхъ чулокъ и красныхъ шерстяныхъ колпаковъ, во всей Италіи употребляемыхъ чернью. Воздухъ на семь островъ отъ множества болотъ нездоровъ. Сардинія во времена Римлянъ, и при нынѣшнемъ Королѣ, когда онъ имѣлъ Піемонтъ, была мѣстомъ ссылки. Сардинцы говорятъ испорченнымъ нарѣчіемъ, изъ смѣси Италіанскаго съ Испанскимъ. Островъ сей, увѣряютъ, не имѣетъ ядовитыхъ пресмыкающихся гадовъ, и кромѣ лисицъ нѣтъ другихъ хищныхъ звѣрей. Небольшое животное, подобное лягушкѣ, называемое *мафроне*, принадлежитъ собственно Сардиніи.

Въ древнія времена Греки, по сходству острова съ башмакомъ или слѣдомъ ноги, называли Сардинію *Сандаліотисомъ* и *Ихнузою*. Нынѣшнее имя, какъ утверждаютъ нѣкоторые, произошло отъ Сарда, сына Геркулесова. Первые обитатели жили разсѣянно, скипаясь въ лѣсахъ. Греки поселившись въ Сардиніи, построили города, и съ тѣхъ поръ коренные жители были подвластны чужимъ владѣльцамъ. Карфагеняне чрезъ 400 лѣтъ господствуя на Средиземномъ морѣ, владѣли симъ островомъ до окончанія первой Пунической войны. Римляне во время мира, подъ предводительствомъ Гракха, разграбили Каліари, тогда извѣстный подъ именемъ *Кава-*

лиса , и скоро покоря сей островъ , обладали
 имъ до паденія западной Имперіи. Древніе
 жители Сардиніи слыли искусными пращни-
 ками. Въ первомъ столѣтіи по Рождествѣ
 Христовомъ , Каліари имѣлъ уже своихъ Епи-
 скоповъ, изъ числа коихъ Люциферъ извѣстенъ
 проповѣдничествомъ противу Арія , и хо-
 тя его самого обвиняли въ расколѣ, однакожъ
 онъ признанъ святымъ и покровителемъ ос-
 трова. Около 800 лѣтъ по Р. Х. Сарацыны
 въ разныя времена приспавая къ острову,
 наконецъ въ 852 году , покорили оный и вы-
 гнавъ жителей въ Италію , при сѣбѣ лѣтъ
 спокойно онымъ владѣли. Въ сіе время Папа,
 въ знакъ благодарности за услуги , подарилъ
 Сардинію Пизанской Республикѣ , которая од-
 нако сама должна была оплотнѣть его у Сара-
 цыновъ. Послѣ сѣбѣ лѣтъ , едва Пизаняне ус-
 пѣли его покорить и въ немъ утвердисься,
 какъ другой Папа подарилъ его Іакову II,
 Королю Арагонскому , которой въ скоромъ
 времени онымъ овладѣлъ и оставилъ въ на-
 слѣдство своимъ потомкамъ. Въ 1350 году , по
 пресѣченіи его колѣна , достался онъ Коро-
 лямъ Испанскимъ. Въ 1708 году Англичане
 завладѣли островомъ ; а въ 1717 году опять
 были выгнаны , наконецъ въ 1718 году по за-
 ключеніи Утрехтскаго мира, Австрійскій Им-
 ператоръ , которому онъ былъ уступленъ Ис-
 паніею , помѣнялся имъ на островъ Сицилію
 съ Герцогомъ Савойскимъ , и съ сего времени
 Сардинія, подъ именемъ Королевства, принад-

лежала Савойскому Дому. Въ 1798 году Бонапарте, на походъ въ Египетъ, покушался взять Калиари; но наскоро собравшіеся креспыяне разбили вышедшее на берегъ войско его. Покореніе Мальпы вознаградило его за первую неудачу. Въ 1801 году по Аміенскому миру, Королю Сардинскому оставленъ одинъ только островъ, а Піемонтъ присоединенъ къ Франціи.

Король съ нѣкотораго времени живетъ въ Римѣ, а подъ именемъ Вице - Короля управляетъ братъ его Герцогъ Женевскій. Адмиралу нашему надлежало имѣть аудіенцію у Его Высочества, и какъ должно было ожидать его пріѣзда изъ загороднаго дома, то это и задержало насъ нѣсколько въ Калиари. По волѣ Государя Императора Адмиралъ предложилъ помощь для защиты Сардиніи, и сей новый опытъ дружбы принялъ Вице - Королемъ съ чувствительною благодарностію.

1806 годъ.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ КАЛІАРИ ДО МЕССИНЫ.

Въ полдень 7-го Генваря, оставя Калиари, мы обошли мысъ Карбонаро и миновали опасной камень, находящійся подъ водою, въ глубинѣ на 20 футовъ. Малые суда въ тихое время проходятъ чрезъ него безопасно, но при

Часть I.

7

волненіи многія на немъ погибли. Переходъ до Мессины былъ самый пріятный, время стояло прекрасное, шихій вѣтръ едва двигалъ корабли и море чуть рябѣло. 8-го Января открылся оспровъ Сицилія; немного послѣ, показались оспрова Липарскіе. Сицилія представляетъ взору высокія горы, поспепенно въ видѣ амфиатеатра восходящія; лѣса покрываютъ ихъ отъ подошвы до вершины. Видъ Липарскихъ оспрововъ еще красивѣе. Хотя они волканическаго свойства, но покрытые зеленою и плодovitыми рощами, гордо возвышающіяся изъ волнъ моря. Тихо и близко плыли мы мимо сихъ Гесперидскихъ садовъ: „Гдѣ взоръ, различными красками влекомый, недоумѣваетъ на копорой изъ нихъ остановиться, а вкусъ, зрѣлымъ наливомъ плодовъ прельщаемый, не знаетъ копорой изъ нихъ избрать.“ Небольшія селенія, на скалистомъ прибрежіи расположенныя, сморятся въ свѣтлое зеркало воды и лучи солнца, рисуя на немъ земные предметы, на каждомъ шагу представляютъ новыя картины. Оспрова сіи, одни изрыгаемые подземнымъ огнемъ восплаютъ со дна моря, другіе исчезающъ и покрываясь водою, спановаясь подводными камнями. Нѣкоторыя изъ нихъ, по причинѣ угасшихъ или еще курящихся сопокъ, какъ то Волкано и Волканелло, необитаемы. Волканической пепель дѣлаетъ почву ихъ столь плодоточною, что плоды достигаютъ здѣсь послѣдней степени совершенства. Малвазія де Липари споритъ

въ славѣ съ *Lacrime Cristi* (слезы Христовы). Кромѣ сего вина и множесхва всякаго рода плодовъ, особенно финиковъ, собирается на сихъ оспровахъ большое количество сѣры, купоросу, лавы и пемзы.

10-го Генваря приблизились мы къ *Спромболи*. Благое Провидѣніе, поставивъ Волканъ сей на морѣ, посреди разспоянія и въ прямой линіи между Везувія и Эпны, вѣчнымъ его изверженіемъ, продолжающимся опъ начала вѣковъ, облегчаепъ земную упробу опъ горючихъ веществъ, копорыя, скопившись у послѣднихъ двухъ огнедышущихъ горъ и не будучи непрерывно изрыгаемы первою, могли бы покрыть развалинами Сицилію и низпровергнувъ всю Италію. Жерло Спромбола находилса не на вершинѣ горы, какъ у прочихъ Волкановъ, но подобно какъ бы небольшая горка была приспавлена къ большой, изъ боку копорой выходитъ изверженіе. Днемъ гора казалась спокойною, одинъ дымъ покрывалъ ея вершину, море близъ берега также курилось; но ночью представилось глазамъ нашимъ наичудеснѣйшее и прекраснѣйшее зрѣлище, какого нѣтъ лучше въ природѣ. Море было тихо, небо покрыто мрачноспію, тумскый мѣсяцъ чупъ проглядывалъ. Волканъ открылся намъ, какъ превеликой горнъ, раздуваемый мѣхами и сыплющій вверхъ искры. Изверженія однакожъ умолкаютъ и возобновляюща почти чрезъ каждыя 10 минутъ; они показывающа въ видѣ яркихъ

молній, съ ужаснымъ спремленіемъ вырывающихся изъ жерла. Пламя, постепенно увеличиваясь, составляло огромный огненный столбъ, который разширяясь производилъ грохотъ, подобный приближающемуся грому или преску падающаго зданія. Блескъ Волкана, озаряя облака, изображалъ на нихъ разноцвѣтныя радуги: червленъ, яркій пурпуръ, лазуръ съ тончайшими оплѣнками, коими украшалось небо, представляло намъ корабли и близъ лежащіе острова горящими. Прекрасное зарево играло вдали на берегахъ Калабріи и Сициліи. Въ молчаніи взирали мы на сіе великолѣпное явленіе природы; шумъ, прескъ, хлопаніе, подземный громъ и раскаленные каменья, падающіе въ море и высоко вздымающіе брызги, вселяли въ насъ благоговѣніе къ величію Божію. При видѣ изверженія, кажешься, и самый закоснѣлый безбожникъ долженствовалъ бы убѣдиться всемогуществомъ Творца. Островъ Спромболи имѣетъ въ окружности 10 Иш. миль, видъ его съ моря показывается крушою и необишаемою скалою, на южной сторонѣ видна особенная горка остывшей лавы, западная сторона отъ жерла до моря засыпана пепломъ весьма глубоко и потому совершенно не досиупна. На сѣверной же, гдѣ есть нѣсколько хижинъ, родится виноградъ, дающій малвазію, вино и здѣсь очень дорогое. Коринка, винныя ягоды и финики почищаются превосходнѣйшими.

11-го Генваря при свѣжемъ упреннемъ въ-
перѣ эскадра входила въ проливъ, *Фаро ди*
Мессина называемый. Опасности *Скиллы* и
Харибды, прославленные Поэтами Греціи и
Рима, сколько успрашившія древнихъ, были
для насъ ни мало не страшны. При младен-
чествѣ мореплаванія, при несовершенствѣ
строенія древнихъ кораблей, онѣ были ужасны,
нынѣ же и для *Скопомаре* (*) незначущій
водоворотъ. Мы прошли ихъ при довольно
свѣжемъ вѣтрѣ, однакожъ когда были про-
шиву *Фаро*, ходъ кораблей примѣнно умень-
шился. Пучины сіи происходятъ отъ двухъ
сильныхъ теченій: первая, называемая *Скилла*,
идетъ отъ юга на сѣверъ вдоль берега *Ка-*
лабрії; вторая, *Харибда*, жишелями *Гарофало*
именуемая, пошому же направленію спремип-
ся вдоль берега *Сициліи*. Великое количествъ
водъ, текущихъ отъ запада, сѣвера и юга,
сходясь въ узкомъ проливѣ, шириною только
 $2\frac{1}{2}$ версты, отражаясь обоими берегами, не и-
мѣя достаточнаго мѣста для распростране-
нія, и съ великимъ усиліемъ входя въ проливъ,
производящъ многія теченія и по круженіе
воды, которое корабли, вошедшіе въ проливъ
при нечаянно спихнемъ вѣтрѣ, по невоз-
можности спашъ на якорь на большой глу-
бинѣ, носятъ туда и сюда, и наконецъ бро-

(*) Лодки, употребляемыя въ Италіи, чрезвычайно скоро подъ
парусами и на веслахъ плавающія.

саетъ на Калабрскій берегъ или на песчаную косу, гдѣ стоить маякъ Фаро. Въ тихое время проливъ волнуется, поворачиваетъ воды въ самомъ узкомъ мѣстѣ канала кипитъ, и замѣтно у берега прибываетъ. Все пространство пролива отъ спорныхъ печеній пересѣкаетъ оспоконечными мѣлкими волнами; онѣ кружатся вокругъ и быстрыми струями несущаяся въ разныя стороны. Благоразуміе пребываетъ, при входѣ въ проливъ брать лоцмановъ, которые, по долговременнымъ опытамъ, знаютъ направленія сихъ необычайныхъ печеній, и въ случаѣ несчастія, происшедшаго отъ ихъ неосторожности, оповѣщаютъ жизнию. Приливъ и отливъ не слѣдуютъ правильности, въ океанахъ бывающей. Оныя перемѣняющіяся здѣсь чрезъ каждыя 4 часа, между которыми въ продолженіи 2 часовъ, печенія находящіяся въ безпорядкѣ и дѣйствуютъ по всѣмъ направленіямъ. Таковой безпорядокъ начинается часомъ прежде восхожденія и захожденія луны; въ продолженіе сего времени, когда посреди пролива бываетъ отливъ, близъ береговъ дѣйствуютъ еще приливъ и сіе необыкновенное явленіе называютъ *il Bastardo* (незаконорожденное). Наспоящее печеніе воды находится посреди пролива. При новолуніи и въ равноденствіи, пучины стремятся съ великимъ напряженіемъ, а въ осьмый день по новолуніи довольно тихи, такъ что держась ближе Фаро и берега Сициліи, безопасно можно проходить проливъ и безъ лоцмана. Въ случаѣ, если

въспрѣ начнешь упадать, не медля должно бросишь якорь и *ошвартовать* (*) корабль кормою къ берегу, который хощя низокъ и песчанъ, однакожь въ недалекомъ отъ себя разстояніи имѣешь отъ 15 до 20 сажень глубины. Не смотря на значительное возвышеніе и паденіе воды у Фаро, въ Мессинѣ, которая отъ сего маяка находится только въ 12 верстахъ, оныя почти не примѣны.

Видъ Мессинскаго пролива очарователенъ! Корабль плывешь между скаловъ, и такъ близко, что кажется оныхъ касается; съ лѣвой стороны у Реджіо представляется низкій берегъ, отъ моря ровнымъ скапомъ примыкающій къ коническимъ, пирамидальнымъ, круглымъ и разныхъ видовъ горамъ, наваленнымъ одна на другую; снѣжные верхи ихъ бѣлѣются, а скапы и долины покрыты темнымъ лѣсомъ. Маленькой Гибралтаръ, крѣпость Скилла, прилѣпленная къ верхушкѣ дикой скалы, виситъ надъ самою пучиною, и кажется падающею. На сѣверъ отъ нея, отъвѣсный берегъ являетъ взору гранитную стѣну. На правой сторонѣ на оконечности низкой песчаной косы стоитъ прекрасный съ колонадою маякъ Фаро, который кажется по-нѣшъ, погибаетъ въ шумящей вокругъ него пучинѣ. Отъ фаро къ Мессинѣ по набережной, померанцовыя, апельсиновые и лимонныя аллеи

(*) Привязать корабль канатами къ берегу.

заклѣчаютъ бирюзовую зелень различныхъ овощей, далѣе, внутрь острова, не высокія горы постепенно восходящія лѣстничными уступами; верхи ихъ осыры, бока срубаны, и какъ бы нарочно обдѣланы искусною рукою. Горы сіи покрыты асличными, миндальными и миршовыми лѣсами. По берегамъ пролива, текущаго величественною рѣкою, постепенно разширяющагося и наконецъ сливающагося съ моремъ, предспавляются при крѣпости и множествѣ загородныхъ домовъ, монастырей и селеній. Приспана Мессины, всегда наполненная споящими въ ней, входящими и уходящими къ море кораблями, движеніемъ своимъ дополняютъ сію чудесную картину, какъ бы нарочно спспавленную, посреди густой и вѣчной зелени. Вдали синѣетъ колоссальная Этна; лучи солнца, заимспвуя новый блескъ отъ снѣжной ея вершины, играютъ многоразличными огнями; отъ жерла ея прямой столпъ дыма взвивается выше облаковъ. Она спеперь дремлетъ и отдыхаетъ; а можетъ бытъ, думалъ я въ сіе время, собравъ новыя силы, грядетъ, испребитъ окрестности и поглотитъ тысячи несчастныхъ жертвъ.

Громъ пушекъ возвспилъ наше приближеніе къ Мессинѣ; не болѣе какъ въ 30 саженьхъ отъ берега на всѣхъ парусахъ летѣли корабли въ слѣдъ за своимъ Адмираломъ. Огромный оркестръ духовой музыки, сопровождаемый нѣсколькими выспрѣлами съ корабля Ярослава, отвѣчалъ на привѣспвія

кораблей эскадръ Грейга и Сорокина, возвращавшихся съ войсками изъ Неаполя. Бригъ Аргусъ, отспавшій у Санъ-Винченца, и коптой мы почиали поперяннымъ, ибо въ Гибралшаръ были слухи, что Испанцы взяли его въ плѣнъ, сверхъ чаянiя споялъ въ гавани. Красной флагъ былъ причиною, что по немъ Испанскiя канонерскiя лодки сдѣлали нѣсколь-ко выспрѣловъ; но когда перемѣнили оный бѣлымъ, Испанскiй Капитанъ извинился, что онъ прешей дивизiи нашъ флагъ счелъ за Англинскiй, и попомъ не позволивъ бригу зай-ти въ Гибралшаръ, выпроводилъ его изъ про-лива. Лишь только вошли мы въ вороша га-вани и бросили два якоря на сѣверъ и югъ, шопчасъ шолспыми канапами привязали ко-рабль къ самой набережной.

Мессина, 11 Генваря.

Узкая, песчаная коса даетъ Мессинско-му порпу подобiе круглаго бассейна, въ ко-торомъ 500 кораблей спояшъ подлѣ самой на-бережной, въ безопасности опъ всѣхъ въш-ровъ. Харибда шумитъ по шу спорону само-родной сей плошины, а чрезъ нее спо шаговъ въ поршъ, такъ шихо какъ въ копаномъ прудѣ. Тушъ природа, кажешся, хопѣла доказашъ ничшожносшъ и несовершенсшво произведе-нiй искусствва. Видъ гавани, наполненной ко-раблями всѣхъ торговыхъ Государсшвъ, кро-мѣ Французскихъ, чрезвычайно занимашелень:

множество мачтъ уподоблялось выросшему изъ воды густому лѣсу, украшенному собраніемъ всѣхъ цвѣтовъ, пестрѣющихъ на флагахъ и вымпелахъ. Корабли военные и купеческіе, тѣсно помѣщенные, одинъ за одинъ спѣшившись реями и связавшись флагами, казалось, въ залогъ дружбы взаимно обнимались.

Землетрясеніе, бывшее въ 1783 году, разрушило лучшую часть города вокругъ порта. Не смотря на сіе Мессинская набережная, имѣетъ нѣчто особенное,—и съ своими развалинами превосходитъ всѣ доселѣ мною видѣнныя. Не лѣзя не сожалѣть, что до сихъ поръ не возобновляютъ сей славной *Палацаты* или *ла Калата*, которая, огибая портъ въ видѣ полумѣсяца, составляла прекрасную широкую улицу длиною въ двѣ версты; и какъ по остаткамъ колоннъ, балконовъ и портиковъ судить можно, была изящнѣйшей архитектурѣ. Самый городъ, съ гаванью внизу, съ высокимъ надъ собою замкомъ, съ зубчатыми полуразвалившимися вокругъ стѣнами, подобно Іерусалиму, занимаетъ уступы нѣсколькихъ раздѣльныхъ горъ громадою зданій и храмовъ. Величавые куполы церквей готическаго зодчества, вмѣстѣ съ фасадомъ палацаты обращенной къ морю, представляють амфитеатръ спроеній, стоящихъ одно на другомъ. Смотря на нихъ съ корабля, думаешь видѣть предъ собою театральную декорацию. — Красота положенія Мессины со-

спавляесть такую перспективу, что взоръ невольно тушь блуждаесть съ предмета на предметъ.

Эскадръ назначенъ былъ 16 дневный карантинъ, но, по настоянію Главнокомандующаго, оный тотъ же день былъ уничтоженъ. Ввечеру, когда набережная наполнилась прогуливающимися, вышли мы на берегъ. Черное шафьяное платье, обыкновенный нарядъ здѣшнихъ дамъ; множество монаховъ, въ бѣлыхъ, черныхъ и кофейныхъ рясахъ; одежды Турокъ, Грековъ, Славянъ и Италіянцевъ, такую дѣлають пестроту, какой рѣдко гдѣ видѣть можно. Красные мундиры Англинской пѣхоты, спранныя, одежда Шотландскихъ горскихъ стрѣлковъ, въ пестрыхъ юбочкахъ, мужесквенный видъ нашихъ гранадеръ, въ прострѣленныхъ каскахъ съ надписью: „сѣ нами Богъ;“ все сіе прошивуположенію своею занимаетъ зритель пріятнымъ образомъ. Одушевленная веселость народа, забавляющагося кукольною комедіею и арлекиномъ, производить шумъ и необыкновенное движеніе. Мнѣ весьма пріятно было слышать, какъ усталые наши солдаты развязно и ласково разговаривали съ Италіянцами: таковая способность Рускаго, скоро пріобрѣтаесть ему любовь во всѣхъ земляхъ. Вѣжливостъ и щедростъ Рускихъ особенно нравились искашелянымъ Италіянцамъ. Здѣсь предпочтительно Рускому гоповы возможныя услуги. За деньги? Но гдѣ же что ни-

будь дѣлается безъ сего человѣческаго идола. Посмотрише на Италіянца, увидише, что при полученіи имъ нѣсколькихъ каранщанъ воспоргъ изображается на его лицѣ; онъ не столько радъ каранщанъ, какъ случаю, что могъ услужить Рускому. Французъ, Англичанинъ, если не обижаютъ бѣдняка, то по крайней мѣрѣ, хощащъ казаться сущесивомъ гораздо его благороднѣшимъ. Руской не ищетъ сего преимущесства и желаетъ быть ему равнымъ. — Вотъ не маловажныя причины, отъ чего Италіянская чернь кричитъ намъ: *e viva Moscov!* да здравствуютъ Рускіе! Въ Италіи, чтобъ казаться обыкновеннымъ иностранцемъ, надобно не быть Рускимъ, и чтобъ быть покойнымъ, нужно скрываться. Поэтому, съѣзжаемъ мы на берегъ во фракахъ; въ мундирахъ же мы влекли бы за собою толпу народа.

Взявъ билеты для оперы, спросилъ я, когда начнется представленіе? въ два часа ночи. Хоть и поздно, прихожу въ назначенное время; но театръ былъ запертъ, и тогда только вспомнилъ, что въ Италіи часы ночи считаются отъ захожденія, а часы дня отъ восхожденія солнца.

Главная улица, идущая съ юга на сѣверъ сзади Палаццы, широка, обстроена чешырехъэтажными, совершенно единообразными домами, вымощена плитой, а прощуары мраморомъ и лавою. Нѣкоторыя церкви, коихъ здѣсь очень много, не по наружности, а по внутреннимъ украшеніямъ, заслуживаютъ особое

вниманіе. Въ древнемъ зданіи собора, каѳедра и барельефы Сицилійскаго скульптора *Гажини* наилучшаго вкуса. Мозаика главнаго алтаря собрана изъ самоцвѣтныхъ камней; въ оной фигуры и пѣни, смотря изъ дали, не лѣзя оплечишь опѣ живописныхъ. Образа и Ал-фреско кисти *Гальяти*, также родомъ Сициліанца, равняющіяся съ Тинтореттовыми. Золотые и серебрянные сосуды, хранящіеся въ сокровищахъ храма, показывали намъ съ гордостью и за большую рѣдкость; ибо онѣ работы *Гевари*, извѣстнаго Римскаго художника, который родился къ Мессинѣ, и вдохновеніемъ одного генія, не подражая ни кому, въ семь родѣ достигъ совершенства. Вообще всѣ здѣшнія церкви слишкомъ обременены позолотой и мраморными издѣліями. Монастырь св. Григорія почитается богатѣйшимъ, а Іезуитская Коллегія, къ коей должно подыматься чрезъ нѣсколько лѣстницъ и террасъ, по справедливости можетъ гордиться прекраснымъ положеніемъ и живописью *Мессинеза*, Рафаеля Сициліи; въ сочиненіи, опдѣлкѣ и исправности рисунковъ коего соединены вкусъ и разительная пріятность. Изъ многихъ статуй, украшающихъ городъ, бѣлаго мрамора фонтанъ на набережной, представляющій Непшуна, налагающаго цѣпи на Скиллу и Харибду, изображенныхъ морскими чудовищами съ семью главами, какъ ихъ описали древніе поэты, школы Мишель - Анжела, работы превосходной. Послѣ сей группы, монументъ

Донъ Жуана Авспрійскаго, стоящій подлѣ Губернапорскаго дома, кажется весьма посредственнымъ.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда вся Италія во власти Французовъ, Мессина сдѣлалась весьма важнымъ торговымъ городомъ и убѣжищемъ многихъ добровольныхъ изгнанниковъ. На фабрикахъ дѣлають гарнишуры, шелковые чулки, ковры и шаффу, извѣстную у насъ подъ именемъ Ноблесь. Кроме плодовъ, особенно апельсиновъ, вина, масла и пшеницы, соль составляетъ главный портъ.

Въ ночь 12-го Генваря фрегатъ Назаретъ съ 4 Англинскими транспорсами бросило на мѣль у Фаро, а бригъ Лепунъ на Мессинской маякъ. Къ счастью пишина продолжалась двое сутокъ; фрегатъ, бригъ и три транспорта, посланными съ эскадры людьми сняты съ мѣли безъ вреда; одинъ же транспортъ, у коего проломило дно, принуждены были оставить. 13 Егерьской полкъ, находившійся на сихъ судахъ, размѣстили по кораблямъ нашей эскадры, копорая бывъ симъ задержана, оставила Мессину 16-го Генваря.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ МЕССИНЫ ДО КОРФЫ.

Когда мы обошли *Спартивенто*, южный мысъ *Калабріи*, сильный вѣтръ развелъ волненіе и корабли идучи бейдевиндъ (*), кача-

(*) Ближайшій путь къ вѣтру.

лись подобно легкимъ челнокамъ. Въ ночь съ 16-го на 17-е Генваря, послѣ крапковременной грозы, у корабля Уріила повредило форъ-спеньгу (*). Адмиралъ оставилъ при немъ Селафаиль и бригъ Фениксъ, а съ оспальными кораблями къ вечеру 18-го прибылъ къ южному проливу. Въспрь былъ свѣжъ, довольно крупъ, проливъ спъсненъ опмѣлю и подводными каменьями. Адмиралъ удивилъ насъ своею рѣшительностію и искусствомъ пользоваться знаніемъ мѣспъ. При захожденіи солнца поднявъ былъ сигналъ сомкнувъ линію и слѣдовавъ за его кораблемъ. Въ непроницаемой темнотѣ, мы прошли благополучно всѣ опасности и около полночи эскадра положила якорь подъ спънами Корфу, главной цѣли нашей Экспедиціи. Плаваніе опъ Кронштапта до Корфу считая подъ парусами совершили мы въ 38 дней. Спуска два часа пришелъ на рейдъ изъ Неаполя командорской корабль Рапвизанъ.

Идучи опъ Мессины къ Корфу при южныхъ въпрахъ державъ должно на оспровъ Санто - Мауро; а при сѣверныхъ на сѣверную оконечность Корфы для того, что въ Іоническомъ морѣ печеніе вмѣспъ съ въспромъ спремишся или въ Адриатическое море или къ югу вдоль береговъ Мореи. Вошедъ въ южной проливъ, должно державъ ближе къ оспрову Паксо, ибо опъ мыса *Біанко*, опмѣль

(*) Среднее кольцо передней мачты.

проспирается до половины пролива. Другая песчаная мѣль опѣ *Пундо де Салине* идетъ къ сѣверо-востоку на половину мили; дабы обойти другія опмѣли, находящіяся по восточную сторону Корфы, держанъ близъ Албанскаго берега до шѣхъ поръ, пока придуть напротивъ города. Опѣ *Пунто де Салине* на 20 ти саженьхъ глубины въ десяти миляхъ разстояніемъ, Корфа открывается островомъ, но приближаясь къ оной увидишь на оконечности мыса крѣпость. Сѣверный проливъ шириною около 3-хъ верстъ, кромѣ одного камня равнаго съ водою, не имѣетъ другихъ опасностей. Рейдъ Корфы, находящійся между городомъ и островомъ Видо, имѣя глубину 8, 10, и 12 сажень, грунтъ илъ, доставляетъ кораблямъ безопасное убѣжище. Преимущество сего порта есть то, что флотъ пѣмъ или другимъ проливомъ, при всякомъ вѣтрѣ можетъ выдти въ море. У *Лазаретто*, острова лежащаго къ западу опѣ Видо, суда выдерживаютъ карантинъ. Мѣлкія военныя суда споятъ въ *Мандраки* гавани, что у цитадели, шутъ же и Адмиралтейство. Венеціанскіе доки и каналъ въ *Гуви* оставлены и строенія, стоившія нѣсколькихъ милліоновъ, представляютъ теперь однѣ развалины.

КОРФА.

На восходѣ солнца, громъ пушекъ возвѣстилъ пришествіе новаго Главнокомандующаго

эскадры Грейга и Сорокина оплдали паруса, а старшій командорскій корабль Ретвизанъ привѣщивовалъ Вице-Адмирала 9-ю выстрѣлами, Республиканская крѣпость салютовала ему 15-ю, а разныхъ націй купеческія суда 3, 5 и 7 выстрѣлами. Всѣ военныя суда въ знакъ вступленія подъ начальство Сениавина, спустили бѣлый и подняли красный флагъ. Между тѣмъ, какъ К. Ярославъ опивчалъ на сіп поздравленія, Генераль-Маіоръ Анрепъ съ Генералишею, Командоръ Грейгъ съ Капитанами, на шлюпкахъ подъ флагами плыли со всѣхъ сторонъ къ Адмиральскому кораблю, на которомъ какъ во время прибытія, такъ и по опшествіи сихъ посѣпителей играла музыка, сопровождаемая громомъ лишавровъ и барабановъ. Число сухопутныхъ войскъ, опступившихъ подъ команду Вице-Адмирала Сениавина, проспиралось до 13 тысячъ, состоящихъ изъ слѣдующихъ полковъ: Мушкетерскихъ, Куринскаго, Козловскаго, Колыванскаго и Витебскаго; изъ 13 и 14-го Егерскихъ полковъ и легкопѣхотнаго Албанскаго легіона, сформированнаго изъ Эпиротовъ. Сибирскій Гренадерскій полкъ, съ Генераль-Аншефомъ Ласси прежнимъ Главнокомандующимъ, и Генераль-Маіоромъ Анрепомъ, вскорѣ опправился въ Россію. Морскую силу, кромѣ 5 кораблей, фрегата и 2-хъ бриговъ, пришедшихъ изъ Кронштада, составляли слѣдующіе корабли:

1. Ретвизанъ о 64-хъ пушкахъ, Капитанъ Командоръ Грейгъ. 2, Елена о 74-хъ, Капи-

шанъ Иванъ Быченскій. 3, *Параскевія* о 74-хъ. Командоръ Сорокинъ и Капитанъ Салпановъ. 4, *Азія* о 74-хъ, Капитанъ Белли. 5, *Михаилъ* безъ пушекъ для перевозу войскъ, Капитанъ Лелли. Фрегаты: 1, *Венусъ* о 50 пушкахъ, Капитанъ Развозовъ. 2, *Михаилъ* о 44, Капитанъ Снаксаревъ. 3, *Автроиль* о 32, Капитанъ Бакманъ. 4, *Арменій* подъ Госпиталемъ. Корветы: 1, *Диомидъ* о 24, Капитанъ Палеолого. 2, *Херсонъ* о 24, Капитанъ Чаплинъ. 3, *Алциное* о 18, Лейтенантъ Типовъ. 4, *Днѣпръ* о 18, Лейтенантъ Бальзамъ. 5, *Григорій* большаго размѣра военный транспортъ 24. 6, *Павелъ*, о 18 пуш. Бриги: *Орелъ*, *Александръ*, *Бонапарте*, *Летунъ*, *Богоявленскъ*, шкуна *Экспедиціонъ*, каждый о 16 пушкахъ. Весь флотъ состоялъ изъ 10-ти линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ, 6 корветъ, 6 бриговъ и 12 канонерскихъ лодокъ. На всѣхъ сихъ судахъ 7908 матрозовъ, морскихъ солдатъ и артиллеристовъ, и 1154 пушки. Сверхъ оныхъ взято еще Французовъ: шебеки, *Азардъ* и *Забіяка* о 16 пушкахъ, да изъ призовыхъ судовъ передѣланы корветы: *Дерзкой* о 28 пуш. Кап. Салпи, *Версона* о 22, Лейтен. Кричевскій.

Первый день пребыванія въ Корфѣ провели мы во взаимныхъ посѣщеніяхъ, шлюпки безпрестанно переѣзжали съ корабля на корабль; всякой спѣшилъ видѣть друга, товарища и брата. Вошъ названія, какія даютъ другъ другу товарищи - кадеты. Морскіе Офицеры, исключая немногихъ, воспишываясь въ Мор-

скомъ Корпусъ, какъ въ единой колыбели, чрезъ привычку и одинакія нужды, съ младенческихъ лѣтъ, связующся узами дружбы. На скользкомъ пути жизни, на военномъ поприщѣ, гдѣ зависить часно разрывается пѣвдѣйшія связи, друзья товарищи до глубокой старости пребываютъ вѣрными. Примѣры тому въ нашей службѣ не рѣдки, даже и въ такихъ случаяхъ, когда одинъ сдѣлался начальникомъ, а другой подчиненнымъ. Опъ сего-то Корпусъ Морскихъ и Артиллерійскихъ Офицеровъ составляетъ самое согласное общество. Выгода общественнаго воспитанія тутъ очевидна. На корабляхъ, въ арміи и вездѣ, гдѣ болѣе Офицеровъ изъ кадетъ, тамъ, какъ извѣстно, болѣе и единодушія.

На другой день я успѣлъ побывать въ Казино, на Спьянадо, обошелъ по валу кругомъ городъ, былъ въ театрѣ; но признаюсь по незнанію языка мало имѣлъ удовольствія. Для сего рѣшился какъ можно скорѣе научиться по Италіански и при первомъ удобномъ случаѣ осмотрѣть достопамятности Корфы со вниманіемъ. Въ оперѣ, речитативъ, до крайности мнѣ наскучилъ, а въ пѣніи странно показалось, что умирающій герой продолжалъ пѣть очень громко; балетъ же, составленный изъ лучшихъ Италіанскихъ танцоровъ, казался мнѣ превосходнымъ и я долженъ былъ согласиться, что до сего времени видѣлъ однихъ фигурантовъ. Здѣшніе прыгуны еще лучше, смѣлѣе, удивляютъ смертными скачками

(Salto mortale), а первый танцоръ и прекрасная танцовщица Гаепани, подлинно летали на сценѣ. Паншомина ихъ, также какъ и легкость, приличность и согласіе съ музыкою, совершенны.

Дабы показать чипанелю, сколько важно было въ отношеніи политическомъ пребываніе наше здѣсь, и какія выгоды Корфа представляла для торговли нашего опечеснѣва, я предлагаю краткое обозрѣніе.

Петръ Великій, построивъ флотъ, хотѣлъ пославши Россію въ число морскихъ державъ, обогатиши подданныхъ своихъ распространеніемъ судоходства, которое, какъ извѣстно, прибыльнѣе нежели сухопутная торговля. Моря, принадлежавшія тогда Россіи, были пѣсны для обширныхъ намѣреній мудраго Просвѣпителя нашего: онъ искалъ пріобрѣсти въ отдаленной странѣ хотя малое владѣніе, дабы, имѣя тамъ флотъ, пріутошовиши нужное число мореходцевъ. Эскадра, на сей предметъ посланная къ острову Мадагаскару, лежащему у южной оконечности Африки, поврежденная бурей возвратилась безъ успѣха. Екатерина II, слѣдуя по стопамъ Великаго изъ Царей, во время щасливой войны съ Турками 1770 года, желала отъ Венеціанской, тогда къ паденію клонившейся республики пріобрѣсти островъ Ипаку; но смерть Иосифа, миръ заключенный Леопольдомъ съ Турками и недоброжелательство Англіи, Пруссіи и другихъ посредствовавшихъ въ мирѣ державъ,

воспрепятствовали и сіе привесить въ исполненіе. Наконецъ, когда чадъ Французской революціи, мечпанія о вольности, опроверженіе самаго Бога, угрожали испроверженіемъ законныхъ власпей, ужасомъ безначалія и прежнимъ невѣжесвомъ гошическихъ временъ, когда три сильныя державы соединились, когда Суворовъ освободилъ Италію, возстановилъ вѣру и Царей, тогда Адмиралъ Ушаковъ, начальствуя Россійскимъ и Турецкимъ флотомъ, покорилъ Корфу, выгналъ Французовъ изъ Неаполя и Рима, и въ 1801 году 21 Марша на Аміенскомъ Конгрессѣ Республика семи соединенныхъ Греческихъ острововъ признана подъ покровительствомъ Россіи и Турціи.

Ионическая Республика по Географическому положенію есть ключъ Италіи и врата древней Греціи. Корфа, имѣя одну дивизию пѣхоты и десять линейныхъ кораблей, не только безопасна отъ непріятельскаго вторженія, но становится важною точкою наблюденія между сѣверными и южными государствами. Народы Италіи угнетенные чуждымъ игомъ, опклоняя вліяніе другихъ соревнующихъ державъ, изъ Корфы ожидали своего освобожденія. Съ другой стороны Греки, обитающіе въ Мореи, Албаніи и Архипелагѣ, при незначущихъ нашихъ силахъ мечпали о вольности. Славяне, живущіе на воспочномъ берегу Венеціанскаго залива, гордятся однимъ съ нами происхожденіемъ и вѣрою, считали Корфу своею столицею. Крошечь правленія, бла-

госпѣ и праводушіе нашего Монарха, соединяло въ пользу нашу различные народы, и мы будучи окружены тогда непріятелемъ, находили себя спольже безопасными, какъ бы и въ самой Москвѣ. Расположеніе Италіянцовъ, религія Грековъ, языкъ и одинакіе обычаи Славянъ, общая искренняя любовь и преданность народовъ, служили намъ щипомъ надежнымъ и самымъ лучшимъ.

Корфа для торговли Чернаго моря необходима. Находясь по среди Средиземнаго моря, она представляеть безопасное убѣжище, надежную защиту и мѣсто для складки товаровъ. Какія выгоды пріобрѣтаетъ наше Общество отъ сего порта, доказательствомъ служишь то, что въ 1806 году и до половины 1807, число торговыхъ судовъ, исключая Бокезскихъ, увеличивалось болѣе нежели въ четверо. Въ Средиземномъ морѣ Россійскій флагъ преимуществовалъ надъ всѣми прочими. Въ другомъ отношеніи Корфа представляеть важнѣйшія выгоды. Россія, починаясь впрочемъ морскою державою, имѣеть одно Черное море способное для плаванія круглой годъ, Балтійское же открыто бываетъ только пять мѣсяцовъ, имѣя же Корфу, Морскіе Офицеры и 10000 матросовъ пріобрѣтають познанія въ чужихъ моряхъ. Симъ помышленіе Цесаря, и желаніе Екашерины, было исполнено.

Н О В А Я Р А Г У З А. 30 Генваря.

При общемъ размѣщеніи, съ горестію дол-

женъ я былъ разспашся съ Офицерами корабля св. Пепра и перейши на фрегатъ Венусъ, шощъ славный Венусъ, который въ легкоспи хода не имѣлъ доселѣ себѣ равнаго, и не только въ нашемъ, но и въ Англинскомъ флотѣ извѣстенъ первымъ ходокомъ. Преимущество для морскихъ Офицеровъ споль важное, чшо служишь на Венусѣ почишалось за особенную честь. Капитанъ Кроунъ, (нынѣ Вице-Адмиралъ) взялъ его въ 1789 году бригомъ Меркуріемъ, послѣ же Венусомъ взялъ корабль Репвизанъ. Нужнымъ счишаю при семъ замѣшшь, чшо Англичане имѣють въ своемъ флотѣ 108 Францускихъ кораблей, чшо соспавляешъ девяшую часть всей ихъ морской силы; мы, по окончаніи Шведской войны въ 1794 году, имѣли 34 непріятельскихъ корабля, шо ешъ няшую долю всего нашего флота. Честь и слава Рускому народу!

Адмиралъ, не имѣя никакихъ извѣстій о произшесствіяхъ на маперой землѣ, далъ повелѣніе Капитану Венуса приняшь чиновниковъ Иноспранной Коллегіи Спашскаго Совѣшника Поцо ди Борго и Коллежскаго Ассесора Козена, высадишь ихъ въ Рагузъ, опкуда послѣдній съ депешами долженспвовалъ опсправиться въ Россію. На пупи же особенно спарашся развѣдашь о движеніяхъ непріятеля; по чему 24 Генваря, кромѣ сихъ Чиновниковъ, принявъ на фрегатъ Англинской службы Полковника Мекензи, сына извѣснаго пушешеспвенника въ Сѣверо-Западную Америку, опсправились въ море.

Шпиль остановилъ насъ у Фано, почтаемаго Калипсинымъ островомъ. Гомеръ и Фенелонъ наполнили его прохладными помегранцовыми, сосновыми и апельсинными рощами. Кюо вопреки споль краснорѣчивыхъ писателей повѣришь, что Фано пустой необитаемый камень, кромѣ бѣлованныхъ скалъ, ничего не представляющій. Страбонъ полагаетъ Калипсинъ островъ при Африканскихъ, ближайшихъ къ Мальтѣ берегахъ, и сіе гораздо вѣроятнѣе, ибо, слѣдуя Гомерову описанію, „Улиссъ оплылъ съ попушнымъ вѣтромъ и послѣ 18 дневнаго плаванія усмотрѣлъ берега Корциры (Корфы)“, которая, отстоя отъ Фано не болѣе 20 верстъ, доказываетъ, что Фано не Калипсинъ островъ.

Тихіе прошивные вѣтры задержали наше плаваніе. 30 Генваря, когда мы находились на высотѣ Новой Рагузы, сдѣлался шпиль. По наспоянію Спашскаго Совѣтника Поцо ди Борго, который имѣлъ особая важныя порученія, пушечнымъ выстрѣломъ при поднятіи купеческаго флага потребовали мы Консула, и Г. Фоншонъ не замедлилъ своимъ пріѣздомъ. Онъ немедленно возвратился въ городъ съ обоими Дипломатиками. Въ полночь фрегатъ вошелъ въ заливъ Санто Кроче, составляющій гавань Рагузы.

На другой день поутру Ректоръ (правитель Республики) прислалъ поздравить насъ съ благополучнымъ прибытіемъ и просилъ принять подарки, состоящіе въ зелени,

плодахъ и винѣ. Капитанъ, пригласивъ Офицеровъ, поѣхалъ въ городъ, для засвидѣтельствванія Ректору своего почтенія. Не заставъ дома, мы встрѣтили его на площади. Княжеская мантія и большой парикъ, оспавляющій только часть лица видимымъ, придавалъ ему важный и вмѣстѣ странный видъ. Казалось, мы видимъ живую шѣнь Венеціанскихъ Дожевъ, уже съ лица земли исчезнувшихъ. Ректоръ съ достоинствомъ, сдѣлавъ на встрѣчу намъ нѣсколько мѣрныхъ шаговъ, началъ благосклонный разговоръ, о погодѣ, послѣ о славѣ Россіи, наконецъ о крепости нашего Монарха, повсюду споль любимого, и въ заключеніи сказалъ: „*Какое счастіе быть Рускимъ.*“ Низкимъ поклономъ поблагодаривъ за лестныя привѣтствія, мы раскланялись и пошли по городу; но онъ такъ не великъ, что двѣ, три улицы, и нѣсколько домовъ, составляющъ столицу Республики. Спроеіе красиво и городъ очень чистъ. Четвероугольная спѣна съ бойницами только съ моря защищать можешъ; съ сухаго пущи высокая гора Баргаршъ представляешъ непріятелю выгодную позицію. Окрестности Рагузы, называемой Славянами *Дубровникъ*, украшаются садами и домиками въ Англинскомъ вкусѣ.

Рагузинцы, обитая на гористой безплодной землѣ, упражняются въ торговлѣ. Они поже въ Средиземномъ морѣ, что Англичане во всемъ свѣшѣ. Будучи подъ покровительствомъ Опшоманской Порты и пользуясь не-

упралишешомъ , въ послѣднія смутныя обстоятельствова Европы , въ короткое время собрали великія богатства. Малая сія Республика, имѣющая 600 судовъ, на коихъ перевозятъ чужія съ малымъ количествомъ своихъ произведеній, наиболѣе торгуетъ контрабандами. Не имѣя собственной силы, будучи принуждены искать чужаго покровительства, Рагузинцы временно платили немалыя подати Султану , Неаполитанскому Королю , Папѣ и Австрійскому Императору. Иногда брали они отъ разныхъ націй , для одного корабля два и припаша на флагъ, почему въ упрекъ имъ и говорится „Raguseo di Sette Bandiere.“ Рагузинскія суда весьма красивы и удобны какъ для принятія большаго груза , такъ и для скорого и безопаснаго плаванія. Правленіе республики въ рукахъ дворянства, Ректоръ избирается ежегодно ; въ сіе время живетъ онъ во дворцѣ, по окончаніи же срока , выгоняютъ его изъ онаго не очень учтиво, и вообще Республиканцы сіи такъ ревнивы къ своей вольности, что опасаясь какого либо нападенія , при захожденіи солнца запираютъ крѣпостныя ворота. Республика спокойствіемъ своимъ обязана мудрости законовъ , подобныхъ тѣмъ, какими управлялась Венеціанская республика. Дворянство исповѣдуетъ Каполическую вѣру, народъ , который есть Славяне, исповѣдаютъ Греческую. Первая степень гражданъ Республики , дворянство имѣетъ многія преимущества, вторая народъ, почти никакихъ. Опече-

спвенный языкъ естъ испорченный Славянскій, однакожь Рускому понимашъ его можно. Италіянскій употребляешся какъ природный.

Въ Рагузѣ получили мы досповѣрнсе извѣстіе, что Далмація занята Францускими войсками, почему курьеру не возможно было отправишся опсюда въ Россію, и какъ наши дипломатическіе чиновники окончили и другія свои порученія, то фрегатъ 1-го Февраля снялся съ якоря и на прежній салютъ Рагузинской крѣпости опвѣспововалъ двумя выстрѣлами меньше.

П л а в а н і е А д р і а т и ч е с к и м ъ м о р е м ъ .

Въ ночь на 2-е Февраля вѣтръ усилился и сдѣлался очень свѣжъ, волненіе было часно и безпокойно; не взирая на сіе, фрегатъ, идучи полнымъ вѣтромъ, шелъ весьма быспро, и какъ Капитанъ имѣлъ причины посѣшашъ, то не смотря на дождь и пасмурность, всю ночь неслись мы между камней и мѣлкихъ острововъ, лежащихъ на пупи нашемъ. Ночью миновали мы опасный островъ Агоспо, и прошли между островами Иссою и Лезино. На разсвѣтъ по правую руку опкрылась длинная гряда острововъ, составляющихъ Далматскій Архипелагъ. Наслаждаясь зрѣніемъ безпрестанно перемѣнявшихся видовъ, скоро прошли мы великое пространство и въ полдень погоже 2 Февраля были уже прошиву Анконы. Къ вечеру усмотрѣли мы судно безъ мачтъ, оставленное безъ управленія, волны ходили черезъ плу-

бу, и оно, по показывалось, по скрывалось. Подойдя ближе увидѣли на немъ нѣсколько чело-
вѣкъ, махавшихъ плапками и шляпами. Вѣпръ
былъ силенъ, волненіе ужасно; но какъ отка-
зашъ въ помощи упопающимъ. Фрегатъ, подо-
шедъ ближе, легъ въ дрейфъ (*), спустили ви-
сѣвшій на борпѣ яликъ. Боцманъ съ шеспью
опѣважнѣйшими мапрозами, бросившись въ не-
го, опвалили и скрылись въ волнахъ. Не безъ
удовольствія, происходящаго опъ соревнова-
нія, осмопрѣлъ я съ какимъ усиліемъ мапрозы
гребли, приспали, вышли на судно, и тонкою
веревкою, взяпою съ фрегата, припянувъ
полспый канашъ, прикрѣпили его на носу, и
тѣмъ судно спасли. На немъ находилось 7 че-
ловѣкъ Венеціанъ, подданныхъ Францускихъ.
Они опъ спраху и холоду едва говорили, да
къ помужъ шрое сушокъ не пили и не ѣли,
ихъ взяли на фрегатъ и опдали на руки лѣка-
рю. По осмопрѣ судна, которое здѣсь называ-
ется Требакула, нашли его въ хорошемъ соспо-
яніи; почему Капишанъ приказалъ оплишъ изъ
онаго воду, исправилъ мачшы и паруса, и въ
слѣдствіе закона, въ копоромъ сказано: „Ес-
шли неріяпельскій корабль спанешъ на мѣль,
или преперпѣвая какое либо бѣдствіе въ морѣ,
будешъ просилъ помощи, по подашъ ему оную,
и опспуспилъ.“ Посему, когда Требакула была
исправлена, и вѣпръ ушихъ, Капишанъ прика-

(*) Лечъ въ дрейфъ, значитъ помощію противоположенныхъ
вѣтру парусовъ, остановить корабль на мѣстѣ.

залъ объявилъ шхиперу Бартоломео Пицони, что онъ можетъ идти куда ему угодно. Италіанцы не хотѣли вѣрить, но когда на Требакулу перевезли нужное количество воды и провизіи, то они съ крайнею признательностію пошли благодарить Капитана и Офицеровъ. Шхиперъ, тронутый сею неожиданною милостию, при прощаньи сказалъ. „За чѣмъ отпускаете меня, я охотнобы остался вашимъ плѣннымъ, увѣренъ будучи, что въ опечесствѣ моемъ, едвали найду друзей столько великодушныхъ, какъ васъ, къ несчастію моихъ непріятелей.“ Должно вѣрить, что доброе дѣло никогда не остается безъ награжденія, и я свѣдалъ послѣ, что сей же Бартоломео, будучи въ Анконѣ, предложилъ свои услуги плѣннымъ Рускимъ солдатамъ, принужденно служившимъ во Французскомъ полку; онъ подвергая себя опасности, жертвуя своею жизнью, успѣлъ нѣсколько освободить изъ плѣна и на своей Требакулѣ доставить ихъ въ Корфу.

Поелику надлежало намъ обезпокоивать непріятеля, который безопасно перевозилъ войска изъ Венеціи въ Далмацію, то опѣ Анконы пошли мы къ Сенегаліи, опшуда къ Истріи, наконецъ остановились на главномъ его сообщеніи у острова Санѣ-Пьетро ди Неибо, и дабы обмануть непріятеля числомъ кораблей, вездѣ подымали разные флаги, по свой, по Англинской и Шведской. Поэтому ли, что непріятель взялъ осторожности, или по

шанъ Иванъ Быченскій. 3, *Параскевія* о 74-хъ. Командоръ Сорокинъ и Капитанъ Салпановъ. 4, *Азія* о 74-хъ, Капитанъ Белли. 5, *Михаилъ* безъ пушекъ для перевозу войскъ, Капитанъ Лелли. Фрегаты: 1, *Венусъ* о 50 пушкахъ, Капитанъ Развозовъ. 2, *Михаилъ* о 44, Капитанъ Снаксаревъ. 3, *Автроиль* о 32, Капитанъ Бакманъ. 4, *Арменій* подъ Госпиталемъ. Корветы: 1, *Діомидъ* о 24, Капитанъ Палеолого. 2, *Херсонъ* о 24, Капитанъ Чаплинъ. 3, *Алциное* о 18, Лейтенантъ Типовъ. 4, *Дибпръ* о 18, Лейтенантъ Бальзамъ. 5, *Григорій* большаго размѣра военный транспортъ 24. 6, *Павелъ*, о 18 пуш. Бриги: *Орелъ*, *Александръ*, *Бонапарте*, *Лешунъ*, *Богоявленскъ*, шкуна *Экспедиціонъ*, каждый о 16 пушкахъ. Весь флотъ состоялъ изъ 10-ти линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ, 6 корветъ, 6 бриговъ и 12 канонерскихъ лодокъ. На всѣхъ сихъ судахъ 7908 матрозовъ, морскихъ солдатъ и артиллеристовъ, и 1154 пушки. Сверхъ оныхъ взято еще Французовъ: шебеки, *Азардъ* и *Забіяка* о 16 пушкахъ, да изъ призовыхъ судовъ передѣланы корветы: *Дерзкой* о 28 пуш. Кап. Салпи, *Версона* о 22, Лейтен. Кричевскій.

Первый день пребыванія въ Корфъ провели мы во взаимныхъ посѣщеніяхъ, шлюпки безпрестанно переѣзжали съ корабля на корабль; всякой спѣшилъ видѣть друга, товарища и брата. Вошъ названія, какія дають другъ другу товарищи - кадеты. Морскіе Офицеры, исключая немногихъ, воспитываясь въ Мор-

скомъ Корпусъ, какъ въ единой колыбели, чрезъ привычку и одинакія нужды, съ младенческихъ лѣтъ, связующая узами дружбы. На скользкомъ пути жизни, на военномъ поприщѣ, гдѣ зависть часто разрываетъ швердѣйшія связи, друзья товарищи до глубокой старости пребываютъ вѣрными. Примѣры тому въ нашей службѣ не рѣдки, даже и въ такихъ случаяхъ, когда одинъ сдѣлался начальникомъ, а другой подчиненнымъ. Опъ сего-то Корпусъ Морскихъ и Артиллерійскихъ Офицеровъ составляетъ самое согласное общество. Выгода общественнаго воспитанія тутъ очевидна. На корабляхъ, въ арміи и вездѣ, гдѣ болѣе Офицеровъ изъ кадетъ, тамъ, какъ извѣстно, болѣе и единодушія.

На другой день я успѣлъ побывать въ Казино, на Спьянадо, обошелъ по валу кругомъ городъ, былъ въ театрѣ; но признаюсь по незнанію языка мало имѣлъ удовольствія. Для сего рѣшился какъ можно скорѣе научиться по Италіански и при первомъ удобномъ случаѣ осмотрѣть достопамятности Корфы со вниманіемъ. Въ оперѣ, речитативъ, до крайности мнѣ наскучилъ, а въ пѣніи странно показалось, что умирающій герой продолжалъ пѣть очень громко; балетъ же, составленный изъ лучшихъ Италіанскихъ танцоровъ, казался мнѣ превосходнымъ и я долженъ былъ согласиться, что до сего времени видѣлъ однихъ фигурантовъ. Здѣшніе прыгуны еще лучше, смѣлѣе, удивляютъ смертными скачками

какимъ другимъ причинамъ, въ продолженіи двухъ сутокъ видѣли только одно судно подъ Австрійскомъ флагомъ, которому пушечнымъ выстрѣломъ хоша и сдѣлали сигналъ приближись, но оно, опдѣляясь опъ насъ грядою каменьевъ, скрылось за островъ Моса.

5-го Февраля приближась къ островамъ, закрывающимъ входъ въ Фіуме, узнали мы, что такое вѣпръ, называемый здѣсь *Борою*, столь сильный, что можно сравнить его съ ужаснымъ ураганомъ. Дымъ, покрывающій вершины горъ, есть вѣрный признакъ начала *Боры*. Вѣпръ съ спремленіемъ, съ силою необыкновенною вырываясь изъ за горъ, подымаетъ на землѣ облака пыли, вырываетъ съ корнемъ деревья и сноситъ крыши съ домовъ. Море близъ берега кипитъ, а не волнуется; вѣпръ, срывая воду съ поверхности моря, несетъ ее въ видѣ прозрачнаго пумана, и часто брызги воды доспигаютъ въ высоту на пять сажень. *Бора* дуетъ всегда опъ сѣверо-востока, и продолжается иногда двѣ и при недѣли сряду. Малые суда приносятъ она опъ Далмаціи къ Италіи, гдѣ къ несчастію почти всѣ порты открыты сему вѣпру, почему въ продолженіи зимняго времени, когда дуетъ *Бора*, много погибаетъ судовъ и плаваніе въ Адриатикѣ въ сіи мѣсяцы весьма затруднительно. Близъ берега сила вѣпра неимоверна, у кораблей, стоящихъ на якорѣ, не рѣдко ломаетъ мачты, далѣе въ морѣ вѣпръ смягчается, почему въ осторожность здѣшніе мореходцы

удаляюшся отъ береговъ; но и въ морѣ ни одного паруса нести не можно.

Не взирая на представленіе опышнаго лоцмана, копорый, показывая на горы, покрытыя легкими колеблющимися облаками, увѣрялъ, что Бора еще продолжается и что мы подвергнемъ себя опасности, если пойдѣмъ далѣе, Капитанъ, имѣя повелѣніе высадить въ Фіумъ или Тріеспъ чиновниковъ Иностранной Коллегіи, отправленныхъ съ важными депешами къ Государю Императору, и положась на то, что вѣпръ въ морѣ даже былъ тихъ и небо ясно, приказалъ взявъ у марселей рифы (*) и идти въ Фіумъ. За островомъ *Оссеро*, въ проливѣ проширу горы Кальдаро, нашелъ споль сильный шквалъ (**), что фрегатъ привело къ вѣпру, положило на бокъ, и остановя, такъ сказать, придавило его къ водѣ. Трескъ мачтъ, паденіе споловъ и мебели въ каютъ-кампаніи, лепящіе клочки изорванныхъ парусовъ, ужасный голосъ Лейтенанта: право на борть! люди на верхъ! перепугалъ до смерти нашихъ пассажировъ, и съ самымъ дѣлѣмъ, пока уклонили фрегатъ отъ вѣпра, мы были въ опасности и могли поперять мачты; но новая, гораздо

(*) Значить уменьшить парусъ, подвязавъ его веревочками, называемыми сезни.

(**) Сильный порывъ вѣтра.

очевиднѣйшая бѣда намъ угрожала. Плоскій подводный камень, покрытый водою только на 4 фута, лежалъ посреди пролива, карта была невѣрна, а лоцманъ не зналъ точнаго его положенія, поверхность моря была бѣла какъ снѣгъ и пошому боя воды вокругъ камня нельзя было видѣть. Охриплый, удушенный крикъ командующаго Лейтенанта, смущенный видъ Капитана, приведеннаго въ недоумѣнiе куда править фрегатъ, суета Офицеровъ, глазами и въ зрительныя трубы тщетно ищущихъ подводнаго камня и сличающихъ показанное мѣсто его на картѣ съ настоящимъ положенiемъ пролива, кошораго несходство заставляло каждого блѣднѣть, вопль лоцмана и пасмурныя лица пассажировъ, представляли, въ продолженiе нѣсколькихъ минутъ, зрѣлище самаго опчаяннаго положенiя. Между тѣмъ фрегатъ безъ парусовъ по вѣтру, невѣдомо куда, лѣпѣлъ близъ крушаго берега; висящiя скалы, казалось, грозили раздавить его, подводный камень многимъ казался уже подъ носомъ; но „Богъ, безъ воли коего и власъ главы нашей не падетъ“ вывелъ насъ благополучно въ открытое море.

Къ ночи, для исправленiя поврежденiй, остановились мы на якорѣ у острова Сансего. Вѣтръ сильно дулъ вверху, а внизу только временемъ набѣгалъ порывами, волненiе доходило до насъ съ обоихъ сторонъ острова по отраженiю, что производило неправильную качку, для облегченiя коей спустили на

низъ верхнія мачты и нижнія рей. Пустой необитаемый островъ *Сансего*, на южной сторонѣ имѣетъ ключъ прѣсной воды; это кладъ для мореходцовъ. Множество морскихъ птицъ покрывали его берега, охотники не имѣли надобности прапиль заряды; птицы были такъ смѣлы и садились такъ близко, что ихъ можно было бить палками, а молодыхъ ловить руками. Тутъ же нашли мы множество *терепакъ*. Сии земноводныя чрезвычайно живущи; безъ пищи, только однимъ поливаніемъ морской воды, онѣ могутъ прожить довольно долгое время; впрочемъ онѣ ѣдятъ всякую свѣжую праву и размоченные сухари. Яица свои кладутъ въ ямы, вырываемыя ими въ такомъ разстояніи отъ моря, чтобы волны не доходили до нихъ. Въ такихъ ямахъ находили мы по пятидесяти и болѣе черепахиныхъ яицъ, величиною не много менѣ куриного, они тщательно засыпаны были пескомъ. Мясо черепахъ бѣло, жирно и, какъ извѣстно, весьма полезно въ цынготныхъ болѣзняхъ.

6-го Февраля, при шихомъ вѣтрѣ снявшись съ якоря, въ дали, у острова Санъ Пьетро, увидѣли судно, шихо движущееся. Хотя вѣтръ наполнялъ только верхніе паруса, но фрегатъ шелъ по 7 миль въ часъ и скоро мы разсмотрѣли большую галеру, подобную древнимъ. По причинѣ совершенной тишины близъ берега, она шла на веслахъ, а фрегатъ подъ парусами быстро къ ней приближался; уже

ядра наши начали доспавать; одно попало въ мачшу, другое въ корму, но перешедъ полосу въпра и вошедъ въ тишину, фрегатъ спалъ на мѣспѣ неподвиженъ. Галера, опойдя тогда на разстояніе, гдѣ ядра наши болѣе ее не доспигали, съ пушечнымъ выспрѣломъ распустила парусы и подняла флагъ новаго Королевства Италіянскаго. Обогнувъ мысъ, галера вошла въ заливъ, гдѣ по причинѣ мѣлководія не могли мы атаковать ее, а по причинѣ батарей, защищающихъ гавань, не возможно было взять ее шлюпками и абордажемъ.

6-го и 7-го Февраля, когда въ морѣ было тихо, у горы Калдаро свирѣпствовала бора; по сему - по проливъ, ведущій къ Фіумѣ, называющій *Чертовъ ротъ*. Всякой разъ обманывались мы и всякую ночь принуждены были возвращаться къ *Сансего*, который, имѣя вокругъ якорныя мѣспа, доспавлялъ опѣ всѣхъ въпоровъ безопасное убѣжище. 8-го Февраля, споя на якорѣ по западную сторону острова на глубинѣ 30 сажень, груншъ илъ, и имѣя спеньги и реи спущенными, въ 8 часовъ упра увидѣли къ югу большое прехъ-мачшовое судно. Въ полчаса спеньги и реи подняшы и фрегатъ уже былъ подѣ всѣми парусами; въ три часа, судно, которое начало скрыватьсѣ за горизонтъ, догнали; оно было подѣ Австрійскимъ флагомъ и шло изъ Одессы въ Триестъ съ пшеницею. Шхиперъ увѣрилъ насъ, что ни одно судно во время боры не осмѣливаетсѣ приближаться къ Чертову ршту; почему Капитанъ рѣшилъ

ся высадишь курьера въ Тріестъ: но подошедъ къ *Истріи* ужасная бора опять прогнала насъ къ Сансего, гдѣ къ удивленію было тихо.

9-го Февраля, Шхиперъ Турецкаго судна, вышедшаго изъ Тріеста, объявилъ, что весь Австрійскій Липораль отъ Тріеста до Фіуме занятъ Французскими войсками, и что въ Венеціи готова эскадра, копорая, по окончаніи боры, повезетъ войска въ Далмацію. Такимъ образомъ узнавъ о намѣреніи непріятеля, и будучи не въ силахъ сдѣлать ему много вреда, Капitanъ приказалъ спуститься на фордевиндъ и идти въ Корфу. Къ ночи вѣтръ такъ усилился, что идучи 12 румбами отъ вѣтра фрегатъ довольно наклонился. 10-го Февраля на разсвѣтъ принуждены были убрать верхніе паруса. Ясное небо, грозное море и плывущій фрегатъ представлялъ картину, достойную кисти Вернепа; но какъ изобразишь сіи золотые лучи солнца, отражавшіеся и смѣшивавшіеся съ бѣлизною валовъ, шедшихъ въ слѣдъ намъ глубокими браздами? Какъ соединишь лазурный спокойный видъ небеснаго свода, съ ужаснымъ видомъ моря? Какую должно избрать краску, дабы живо написать сіи клубящіяся, разсѣкаемыя и подавляемыя носомъ фрегата волны, кои подобно разрушительному наводненію на него заливаются; и какъ наконецъ представишь сей водоворотъ, крутящійся за его кормою?

13-го Февраля, при спихшемъ вѣтрѣ, у острова Фано, встрѣтились съ кораблемъ

Азією и шкуною Экспедиціонъ; съ перваго сигнала пребовавъ былъ нашъ Командующій, по возвращеніи коего узнали, что Капитанъ Белли имѣетъ тайное порученіе и что нашъ фрегатъ назначенъ въ его эскадру; но какъ Дипломатическіе Чиновники имѣли доставить Адмиралу важнѣйшія свѣденія, то Капитанъ Белли приказалъ намъ слѣдовать въ Корфу, и поспѣшишь соединиться съ нимъ у Новой Ратузы. Шпиль и переменный вѣтръ не позволилъ намъ ночью войти въ сѣверный проливъ. 14-го Февраля, проходя оный, встрѣтились съ фрегатомъ Михаиломъ, который также принадлежалъ къ эскадрѣ Белли. Лавируя весь день къ вечеру пришли въ Корфу.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ КОРФЫ ДО КАТАРО.

Для того каженся простояли мы въ Корфѣ 15-го Февраля, что бы видѣть прекраснѣйшее утро и ужаснѣйшую грозу. Густой упренній туманъ, сопровождаемый мѣлкимъ дождемъ, при появленіи солнца, какъ легкій паръ исчезъ, и ясный день засупилъ мѣсто пасмурности. Но послѣ полудня, горы покрылись мракомъ и море при шшинѣ пришло въ необыкновенное колебаніе. Гора Салвадоръ, самая высокая, лежащая на сѣверной сторонѣ острова, вдругъ освѣшилась молніями, кои одна за другою, раздирая небо, разбивались на ея вершинѣ. Сии молніи распро-

спражнялись на право и на лѣво, и скоро весь горизонтъ показался въ пламени. Въ отдаленіи громъ подобенъ былъ преску ружейной перестрѣлки. Сіяніе непрерывно увеличивалось, и я не безъ страха смотрѣлъ на сіи потоки свѣта, которые разливаясь по мрачному небу, представляли оное огненными змѣобразными струями. Но когда тучи сомкнулись вокругъ насъ и гроза приблизилась, ужаснѣйшій громъ, подобный залпамъ сражающихся флотовъ, при легкомъ землетрясеніи, бывшемъ въ городѣ, потрясъ воздухъ, и фрегатъ нашъ дрожалъ и колебался. Удары непрерывно увеличивались, вся небесная твердь обратилась въ синій сводъ, блестящій огнемъ различныхъ радужныхъ цвѣтовъ. Молніи, привлеченныя Франклиновымъ проводомъ, спускались въ море и разсыпали по палубамъ нашимъ электрическія искры; пожарныя трубы не упустили ихъ: опъ морской воды, имѣющей множество горькихъ солей, горючихъ частицъ и потому самой электрической матеріи, они еще болѣе возгарались. Холмъ пороховой погреба, находящійся на самомъ днѣ, и опъ внѣшняго воздуха тщательнѣе бывающъ закрытъ, но не менѣе того сіи скачущія у ногъ искры, озабочивали каждого. Сія гроза стоила эскадрѣ нѣсколькихъ человѣкъ, убитыхъ и оглушенныхъ. Наконецъ молніи угасли, облака сгустились и день обратился въ ночь. Вскорѣ полился такой дождь, что вода не успѣвала стекать за бортъ. Спустия часъ все умолкло,

черныя облака подувшимъ восточнымъ вѣтромъ, подобно завѣсѣ поднялись и окрестности открылись въ прелесной перспективѣ. Солнце явилось въ полномъ блескѣ, все приняло спокойный видъ и облеклось новою пріятностію

16-го Февраля, Капитанъ получа секретное повелѣніе, которое должно было распечатать по прибытіи въ Рагузу, приказалъ сниматься съ якоря. Тѣже чиновники Иностранный Коллегіи отправились съ нами. Во весь день не могли мы пройти бѣлой дороги (Strada Bianca), такъ называемой по причинѣ кривой бѣлой полосы, видной по скапу горы. Замѣчено, что у сего мѣста, почти всегда бываетъ шпиль и отсюда Бора къ Корфѣ не существуетъ: конечно положеніе и высота горъ служатъ преградою сильному сему вѣтру. Часто, когда въ морѣ дуетъ свѣжій вѣтръ, у Спруды Біанки бываетъ шпиль, когда же вѣтръ дуетъ съ берега, то хотя море кажется и тихо, но корабли, по причинѣ крѣпкихъ порывовъ, не рѣдко теряютъ мачты.

17-го Февраля бурный юго-западный вѣтръ принесъ насъ на высоту Кацарскаго залива, но шпиль, не доходя до Рагузы, началась ужасная Бора, продолжавшаяся прои сушки. Едва ли самый жестокій шпиромъ можетъ быть такъ силенъ. Лоцманъ первый, замѣшивъ круглое облако пыли на горахъ, съ великою заботливостію и страхомъ кричалъ: „скорѣй убирайте всѣ паруса.“ Лишь успѣли

люди разойшлись по реямъ, форъ - марсель, въ половину закрѣпленной изорвало въ клочки, грошъ - марсель закинувшись за рей сбросилъ прехъ мапировъ, изъ нихъ одного убило до смерти, другому переломило руку, а прешій чуднымъ образомъ легко ушибся. Не взирая на сію прискорбную потерю, мы почиали себя еще щасливými, что успѣли убрать прочіе паруса, въ противномъ случаѣ непременно, сломало бы мачты. Одинъ по одному подымали мы шпормовые спаксели, ихъ рвало какъ листъ бумаги и уносило на воздухъ. Ипакъ принуждены были оспаться безъ парусовъ; насъ несло по волѣ вѣтра, ревущаго шакъ сильно, что и въ 3 саженьяхъ не слышно было громкаго голоса. Бечеромъ, когда бора нѣсколько уменьшилась, и позволила намъ подъ бизань - спакселемъ лечь въ дрейфъ, я сошелъ на низъ. Гробъ и тихое пѣніе псалмовъ оспановили меня. Смертный одръ, покрытый флагомъ, печаль изображенная на лицахъ людей окружавшихъ шло умершаго, тусклый свѣтъ лампы и слабый голосъ сѣдовласаго Монаха, поющаго „со святыми упокой“, вливали въ душу благоговѣйный препенъ. Я также въ сокрушеніи сердца забылъ о бурѣ, забылъ о самомъ себѣ, и молился какъ говоришся: *„кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.“* Мореходцу кажется нельзя бытъ вольнодумцемъ: вспрѣчая на каждомъ шагу гибельныя опасности, и стоя предъ ли-

цемъ смерти, всякія безбожныя мудрствованія исчезають, и вся развращающая нравы мнимая философія, при возженной предъ иконою свѣчѣ, умолкаетъ и прекращается въ душевную молитву.

20-го Февраля, когда вѣтръ стихъ, курьеръ Козень на присланной отъ Консула лодкѣ уѣхалъ въ Рагузу; чрезъ четыре часа Козень возвратился, и Капитанъ распечатавъ пакетъ, приказалъ поспавишь всѣ паруса и идти на югъ. Слабый вѣтръ не соотвѣтствовалъ нашему неперпѣнію. Невѣрная карта и не знающій лоцманъ, вмѣсто Капаро привели насъ къ Анпивари; почему принуждены будучи возвратиться къ сѣверу, уже къ вечеру увидѣли мы покрытыя сумрачными облаками высокія горы, закрывавшія отъ насъ заливъ Боко ди Капаро. Не смотря на проливной съ порывами дувшій вѣтръ, во всю ночь въ глубокой темнотѣ подъ рифленными марселями лавировали мы въ устьѣ залива между крупныхъ скалъ, мелкихъ острововъ и подводныхъ камней, при входѣ разсыпанныхъ. 21-го Февраля, еще до разсвѣту въ густомъ туманѣ, при утихшемъ вѣтрѣ, положили якорь на рейдѣ Каспель-Ново. Тутъ нашли мы корабль Азію, фрегатъ Михайль, Шхуну Экспедиціонъ, и шебеку Азардъ. Последняя взята отъ Французовъ слѣдующимъ образомъ: 16-го Февраля Капитанъ Белли, прибывъ въ Карто, нашелъ сію шебеку стоящею подъ крѣпостью. Не смотря на покровитель-

снво Австрійцевъ, народъ принудилъ ее удалиться отъ крѣпости. Лейтенантъ Сыпинъ съ пятью гребными судами подъ прикрытіемъ шхуны Экспедиціонъ, ночью во время проливнаго дождя взялъ ее абордажемъ и споль нечаянно, что Французы не успѣли сдѣлать и одного выстрѣла. Она вооружена 16-ю пушками разнаго калибра и имѣла 60 человекъ экипажа.

Занятіе Провинціи Боко ди

КАТАРО, 21 Февраля.

Тайна нашего сюда прихода открылась и мы съ радостію узнали, что предпріятіе Адмирала увѣнчалось щасливѣйшимъ успѣхомъ. Для лучшаго объясненія происшествій сего дня, надобно обратишь вниманіе на связь политическихъ событій.

Когда въ Корфѣ подтвердился слухъ, что Императоръ Римскій заключилъ въ Презбургѣ миръ съ Бонапарте и уступилъ Франціи Венецію и Далмацію; когда извѣстно стало, что Французское Правительство имѣетъ сношенія съ Али-Пашею, дабы сего непокорнаго подданнаго Султана преклонить къ принятію его войска; то достоверность сего извѣстія привело Вице-Адмирала въ затруднительное положеніе и оно же подало ему щасливую мысль воспользоваться слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ прежнее служеніе свое на Средиземномъ морѣ, ему извѣстна была преданность Славянскихъ народовъ, особенно

Капарцовъ и Черногорцевъ, изъ коихъ послѣдніе находились подъ покровительствомъ Россіи; и пошому принявъ главное начальство, хотя не имѣлъ никакихъ наставленій и уведомленій въ какомъ отношеніи, по возвращеніи нашихъ войскъ изъ Австріи въ свои границы, находились мы съ Французскимъ Правительствомъ, основываясь на непріязненныхъ поступкахъ, которыя со стороны онаго продолжались, рѣшился занятіемъ Капаро утвердить за собою господствованіе на Адриатическомъ морѣ, симъ опклонишь близкое сосѣдство Французовъ отъ Корфы и воспрепятствовать имъ склонить на свою сторону Грековъ, всегда съ жадностію ищущихъ случая свергнуть съ себя Турецкое иго. Главнѣйшій, утвердившись на сей мѣрѣ, дабы не поперялъ удобнаго случая и не упустить время, положилъ приступить къ немедленному исполненію; но встрѣшилъ новое важнѣйшее препятствіе. Бывшій Главнѣйшій Генераль - Аншефъ Ласси имѣлъ повелѣніе оставить для защиты Ионической Республики только нужные гарнизоны въ крѣпостяхъ, а съ остальными войсками возвратиться въ порты Чернаго моря. Сенявинъ опнесся къ нему съ прозьбою, спарался убѣдить его сколь полезно и важно для опечесства не допустить Французовъ утвердиться въ Далмаціи и Албаніи, и сколь затруднительно будетъ тогда удержатъ Ионическую Республику противу превосходныхъ силъ, а

болѣе опть коварствѣ предприимчиваго завоевателя; и посему случаю имѣлъ съ нимъ продолжительную переписку. Наконецъ по настоятельному домогательству, Ласси согласился оставить большую часть войскъ и отправился въ Россію съ однимъ Сибирскимъ гранадерскимъ полкомъ.

9-го Февраля Капитанъ 1 ранга Белли съ кораблемъ, 2 фрегатами и шхуной получилъ повелѣніе показаться на высотѣ Капарскаго залива, снестись съ Г. Санковскимъ, довѣренною особою при Черногоріи, подать Капарцамъ надежду въ нашемъ покровительствѣ и пособіи, попомъ учредя блокаду въ каналѣ Каламопа и между островами Меледо и Агаспою, не допуская Французовъ въ Капаро; за симъ ожидать слѣдствій и если народъ пожелаетъ освободиться опть непріятели, то принявъ дѣятельныя мѣры для занятія ихъ области. Капитанъ Белли заслуживалъ такое важное порученіе прежнимъ своимъ служеніемъ. Онъ извѣстенъ былъ какъ искусный и предприимчивый Морской Офицеръ, и въ войну 1799 года особенно отличился. Будучи тогда высаженъ со флота Адмирала Ушакова въ Бриндизи, Белли съ 500 маэпрозовъ неожиданно явился предъ Неаполемъ, въ виду 10,000 Французовъ, сорвалъ передовой постъ, взялъ на мосту двѣ пушки и отважно напалъ на авангардъ. Въ сіе время Кардиналь Руфо вооружилъ чернь, непріятель отступилъ, заключился въ крѣпость, и чрезъ нѣсколько дней

положилъ ружье предъ горстію мапрозовъ. Императоръ Павелъ І, получивъ о семъ донесеніе, сказалъ: „Белли меня удивилъ, да и я его удивлю“ Онъ, будучи тогда Капитанъ - Лейтенантомъ, получилъ орденъ св. Анны 1 степени.

Жителіи Боко ди Камаро, въ древнія времена, составляли независимую Республику, добровольно признавъ покровительство Венеціанъ, по седьмой статьѣ условія съ ними, въ коной сказано: „если Республика не въ силахъ будетъ защищать обласъ, то народъ власенъ тогда останется независимымъ“, не хотѣли признавъ власи Римскаго Императора, коному несправедливо провинція сія отдана Кампо - Формійскимъ пракшомъ. Вѣнскій Дворъ принужденъ былъ, утвердивъ прежнія права народа, принять обласъ на тѣхъ же условіяхъ, на коихъ она принадлежала Венеціи. Бокезцы узнавъ, что нынѣ вопреки правъ, они уступлены Франціи, коной владычество лишаетъ ихъ торговли, свободы и благосостоянія, погружены были въ мрачное уныніе. Австрійское Правительство, по одному сомнѣнію въ приверженности къ Россіи, приписняло знаменѣйшихъ гражданъ. Одинъ изъ нихъ рѣшился возвысить голосъ и въ воскресный день сказалъ народу: „Пробудитесь отъ бездѣйствія, уныніе не прилично вамъ, брація мои! мы стоимъ на краю гибели; бездна подъ ногами нашими; Отечество въ опасности, одна стезя остается намъ къ свободѣ, мечъ и храбрость ваша покажутъ

вамъ ее.“—Всѣ бывшіе въ церквѣ, съ опчаяніемъ въ сердцѣ, съ чувствомъ жаркой любви къ отчизнѣ, поклялись умереть или избавившись отъ власти Французовъ. Клики, кто есть Выпязь! къ оружію брагія! мгновенно ободрили упавшій духъ. Въ нѣсколько часовъ, подобно быспропекущему пламени, всѣ вооружились, даже въ самой крѣпости Капуро въ присутствіи Австрійскаго Губернатора ударили въ набатъ и объявили ему, что весь народъ единодушно готовъ защищать вольность свою до послѣдней капли крови. Не одна преданность къ Россіи, но польза общая и частная были причиною сего удивительнаго единодушія; нужно было только показаться Россійскому флагу, и весь народъ вооружился, не было ни одного, который бы остался покойнымъ, или былъ противнаго мнѣнія, и никто не сомнѣвался въ покровительствѣ Россійскаго Императора. Многіе Бокезцы, служившіе въ нашей службѣ, болѣе другихъ желали сей перемѣны. Начальники же Комунитатовъ Ризанскаго и Каспель-новскаго Графъ Савва Ивеличъ и Гр. Георгій Воиновичъ, наиболѣе оказали усердія и готовности къ освобожденію своего Отечества. Оспавной Генераль-Лейпенапъ Графъ Марко Ивеличъ, уроженецъ Ризанскій, жившій въ домѣ своемъ какъ частный человекъ, по прежнимъ порученіямъ въ званіи довѣренной особы при Черногоріи, имѣя уваженія, и не дѣйствуя лично, вѣроятно, могъ также при-

нимають участіє въ споль смѣломъ предпріятіи своихъ согражданъ.

Спарѣйшины народа, Капитаны Комуни-пашовъ (округовъ) собравшись, безъ всякаго поспороннаго внушенія, положили: не только искають покровительсва; но безусловно дають присягу въ вѣрноподданствѣ православному Августѣйшему Монарху Россіи. Въ слѣдствіе сего народъ отправилъ депушашовъ къ Г. Санковскому и Мишрополишу Черногорскому. Первый, увѣренный въ намѣреніи Вице-Адмирала, подають помощь для защиты обласши, не отвергъ ихъ прозбы, дѣлавшей ихъ по преданности и любви къ намъ того доспойными. Мишрополишъ Пепръ Пепровичъ Негушъ, глава Черногорскаго народа, уже 97 лѣтъ признающаго себя подданнымъ Россіи, 15-го Февраля на Генеральномъ сеймѣ въ Цетинѣ, по согласію Князей и Главарей, рѣшился не только сражаются прошиву Французовъ; но еще и выслать Авспрійскія войска. Онъ, принявъ начальство надъ соединенными силами Черногорцевъ и Приморцевъ, облего въпервыхъ Каспель — Ново. Благовременное прибытіе эскадры Белли на рейдъ, 16-го Февраля удержало народъ отъ ужаснаго мщенія Цесарцамъ. Начались переговоры, въ слѣдствіе коихъ 21-го Февраля, Мишрополишъ объявилъ Коменданшу: Если не хочеть онъ отдать крѣпость народу, то возмемъ ее штурмомъ. Белли, котораго Авспрійскій Губернаторъ просилъ выпалишь одну

только пушку и тогда онъ сдася, съ своей стороны предложилъ ему ключи крѣпостей сдать Капитанамъ опѣ Комунисатовъ, опѣ которыхъ мѣстное начальство во время прикрытія Боко ди Капаро получило, съ такимъ припомъ замѣчаніемъ, что Австрійскія войска защищаютъ теперь непріятельскія земли; ибо по миру срокъ сдачи области Французамъ 29-го Генваря уже прошелъ. На предложенія сіи уполномоченный Коммиссаръ Императора Римскаго Маркизь де Гизильери согласился. Такимъ образомъ мужественный народъ возвратилъ вольность и во всѣхъ 8 крѣпостяхъ смѣнилъ Австрійской гарнизонъ безъ кровопролитія.

Въ девятомъ часу утра, Митрополитъ съ спарѣйшинами прибылъ на корабль Азію, откуда вмѣстѣ съ Капитаномъ Белли и ротой морскихъ солдатъ, возвратился на берегъ, гдѣ духовенство со крестомъ, благословеніемъ, хлѣбомъ и солью, встрѣшило насъ; народъ радостно восклицалъ да здравствуетъ **АЛЕКСАНДРЪ!** У монастыря Савино, гдѣ собралось болѣе 10.000 народа, духовенство соборомъ служило молебенъ, по окончаніи коего Митрополитъ освятивъ знамена, назначенныя для крѣпостей, и вручая ихъ Капитанамъ округовъ, сказалъ крашкую въ сихъ сильныхъ выраженіяхъ рѣчь: „свершилось желаніе ваше храбрые Славяне! вы видите среди васъ давно ожидаемыхъ вами по роду, вѣрѣ, храбрости и славѣ братій вашихъ. Могущественный Монархъ Россійскій пріемлетъ васъ

въ число чадъ своихъ.. О! да будетъ благословенъ Промыслъ Господа! да будетъ вамъ памятенъ сей радостный и щасливый день! но прежде, нежели вручу вамъ сіи священныя знамена, вы должны дать клятву защищать ихъ до послѣднихъ силъ.“ Клянемся, отвѣщивовалъ народъ единогласно, и по древнему обычаю Славянъ, попрысая обнаженными мечами, заклинались прахомъ предковъ быть вѣрными по гробъ. Въ шествіи до города, воспоргъ народа былъ для насъ умилительнымъ зрѣлищемъ. Мальчики въ праздничномъ нарядѣ осыпали солдатъ цвѣтами; народъ, одни цѣловали полу плащя, другіе съ почтеніемъ прикасались къ рукамъ нашимъ. При громкихъ восклицаніяхъ: да здравствуетъ Царь нашъ бѣлый, да вѣки проживетъ нашъ АЛЕКСАНДРЪ, въ Каспелъ-Ново и Еспаньолъ подняли Россійское знамя. Корабли эскадры, всѣ купеческія суда разцвѣпились флагами, и вмѣстѣ съ крѣпостями выпалили по 101 пушкѣ. Съ сего времени до самой глубокой ночи, во всей области ружейная и пушечная стрѣльба не умолкала, не только купеческія суда, но дома и шлюпки украсились бѣлымъ съ голубымъ Андреевскимъ крестомъ флагомъ. Жители не знали мѣры своей радости, угощали солдатъ всѣмъ лучшимъ, обнимали ихъ, отъ избытка сердечныхъ чувствъ плакали, воспоргъ, искренность, видны были на всѣхъ лицахъ и день сей представлялъ восхищительнѣйшее торжество.

Капарская область вмѣстѣ съ Черногоріею, будучи сопредѣльна съ Славянскими народами, преданными Россіи, отдѣляясь отъ Далмаціи независимою Рагузинскою республикою, и чрезъ Герцоговину примыкая къ Сербіи, составляла для войскъ нашихъ превосходную военную позицію, и по тогдашнимъ политическимъ отношеніямъ учинилась важнымъ пріобрѣтеніемъ. Герцоговины и храбрый Георгій Чорный, предводитель Сербовъ, облегчая получение изъ Россіи помощи, въ случаѣ нужды могли соединенно съ нами затруднить всѣ предпріятія Бонапарта, и тѣмъ сохранить цѣлость союзной намъ Оттоманской Порты. Имѣя въ Капаро безопасную пристань, находящуюся посреди Адриатическаго моря, Сенявинъ умноживъ силу свою 12.000 храбрыхъ приморскихъ и Черногорскихъ оруженосцевъ, перенесъ театръ войны отъ Корфы къ Далмаціи, тѣсною блокадою отрѣзалъ сообщеніе ея моремъ съ Италіею, и принудилъ доставлять войска и съѣстные припасы, чрезъ Австрійскія владѣнія, по непроходимымъ горамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, что при недоброжелательствѣ жителей, поставило Французскихъ Генераловъ въ затруднительное положеніе, и Наполеонъ, поспѣшившій объявить присязанія свои на нѣкоторые города Албаніи (*), принад-

(*) Бутрипто, Парга, Санти-кваранги, Антивари, изъ коихъ первые три находятся противу Корфы.

надлежавшіе Венеціанской республикѣ, увидѣлъ замыслы свои, усмремленные на Грецію, особенно на Корфу, уничтоженными при самомъ началѣ. Честоплюбивый и вмѣстѣ корыстоплюбивый Али Паша, узнавъ о занятіи Кашаро и о мѣрахъ, принятыхъ для удержанія его въ предѣлахъ неутралишета, послѣ нѣкоторыхъ опытовъ нерасположенія своего къ намъ, самъ спалъ искашь знакомства Сенявина, а узнавъ его, скоро сдѣлался добрымъ сосѣдомъ и пріятелемъ, чѣмъ Бонапарте лишился послѣдней надежды испровергнуть Турецкую Имперію. Занятіе Рагузской республики, бывшей подъ покровительствомъ Султана, усилія хитростию политики и силою оружія покорить Кашарскую область, ясно доказываютъ, сколь важный пунктъ сія сама по себѣ неважная провинція составляла для будущихъ плановъ завоевателя. По симъ причинамъ занятіе Кашаро надѣлало много шуму. Сближеніе Франціи съ Поршою Опшоманскою опклонено, привлеченіе на свою сторону Грековъ и Славянъ уничтожено, и сей первый подвигъ, первый шагъ начальствованія Сенявина, оправдалъ мудрый выборъ Монарха. Всѣ мѣры и распоряженія, служащія къ наивысшему защищенію провинціи, были одобрены, и Адмиралъ удостоился Монаршаго благоволенія, изъявленго ему въ лестномъ рескриптѣ.

Какъ досповѣрно было извѣстно, что Рагузскій Сенапъ по безсилію, а частію по собственному расположенію, согласился чрезъ

свои владѣнія пропустивъ Францускія войска, снабдивъ ихъ провизіею и лодками для перевозу изъ Спандо въ Рагузу; то, дабы принудить Сенатъ соблюдать совершенный нейтралитетъ, Миспрополисъ послалъ опрядъ Черногорцевъ показаться на ихъ границѣ, а Капитанъ Белли, для недопущенія непріятеля переправиться моремъ въ Рагузу, послалъ нашъ фрегатъ въ Каналь Каламото. Графъ Воиновичъ, Каспель-новской округи Начальникъ отправился вмѣстѣ съ нами, дабы побудить Сенатъ къ усмирению себя опъ оказанія помощи Французамъ; и сія мѣра произвела желанное дѣйствіе. Въ ночь на 22 Февраля, мы снялись съ якоря, и въ тожь время шхуна Экспедиціонъ отправилась съ донесеніями къ Адмиралу въ Корфу.

К а н а л ь К а л а м о т о .

При свѣжѣмъ вѣтрѣ въ пять часовъ, перешли мы опъ Каспель-Ново къ Новой Рагузѣ и спали посреди канала Каламото на 15 саженьяхъ глубины. Какъ фрегатъ при тихихъ вѣтрахъ не могъ преслѣдовать малыя суда, то Капитанъ отправилъ меня къ ближнимъ островамъ, откуда удобнѣе было наблюдать суда, проходящія какъ моремъ, такъ и каналомъ. Принявъ на чешыре дня провіантъ, отправился я къ ближнему островку, и обошедъ его съ сѣверной стороны, присталъ въ небольшой заливъ, съ обѣихъ сторонъ защищае-

мый высокими мысами; въ семь мѣспѣ мы были хорошо закрыты съ моря и ни одна лодка, идущая въ Рагузу, не могла миновать насъ. Я вышелъ на берегъ осмопрѣть мѣспоположеніе: при всякомъ шагѣ впередъ, надлежало пробираться по неровнымъ камнямъ; иногда взлѣзая на крупизну, удерживался я за колючій терновникъ или за вѣпъви сваленныхъ бурею деревъ. Около полуверсты подымались мы такимъ образомъ, пока достигли вершины; тамъ вынувъ зринельную шрубу, искалъ я по горизонту и подъ берегами судовъ; но кромѣ великаго буруна и немалого волненія ничего не открылъ. Озирая же ближе вокругъ себя увидѣлъ я, что каналъ Каламопо сославляется длинною грядою оспрововъ, идущихъ по направленію берега въ двухъ и трехъ миляхъ отъ него разстояніемъ. Глубина между сими оспровами, какъ увѣрялъ меня лоцманъ, непомѣрна; но по узкости проливовъ, ихъ раздѣляющихъ, только при удобны для проходу военныхъ кораблей. Вдали, къ сѣвѣру синѣлись оспрова Курцало и Меледо, къ югу Капарскіе Гиганты, покрытые снѣгомъ.

Поставя на возвышеніи карауль, спустился съ горы и пошелъ, какъ мнѣ казалось, къ срединѣ оспрова. Холодный вѣпръ принудилъ меня надѣть капопъ, и еслибъ сего не сдѣлалъ, то мундиръ мой, отъ терновника, сквозь кусты копораго мы продирались, весь бы изорвался. Наконецъ напали мы на лож-

бину, которая привела насъ къ лужѣ, окруженной деревьями; дождевая вода, спекая съ горъ, наполнила неглубокую рытвину. Водохранилище сіе для спранниковъ, намъ подобныхъ и конечно рѣдко сюда приходящихъ, покажется немаловажною находкою. Островъ сей, коему имя никто еще не давалъ, хопя можетъ быть до меня приспавало къ нему милліоны людей, состоить изъ пвердаго плитника, горизонтально лежащаго, и только на нѣсколько вершковъ покрываго землею. На семъ тонкомъ пластѣ распутъ кривыя можжевеловыя деревья, большіе кустарники шалфею, шиповника и хопя я небольшой бошаникъ, однакожъ замѣнилъ множество розмарина, родъ дикаго лавра, увядшія стебли лилей, и другихъ цвѣтовъ, которые произрастають у насъ только въ оранжереяхъ. Большія прещины, видныя по всему острову, заставляють думать, что и шупъ были землетрясенія и можетъ быть все острова сіи, суть не иное что, какъ опорванные скалы отъ берега. Не нашедъ селенія, не видавъ ничего кромѣ дикихъ ословъ и спада барановъ на свободѣ гуляющихъ, изорвавъ сапоги, перещарацавъ руки и ноги, ворошился назадъ къ берегу. Идучи, слышу ружейный выстрѣлъ, взглядываю на гору, гдѣ поставленъ былъ караулъ, вижу сигналъ, извѣщающій о появленіи судна, прибавляю шаги, бѣгу, скапываюсь съ горы, не медля опваливаю и пускаюсь въ открытое море.

Небо было мрачно, море покрыто пѣною. На веслахъ вышедъ за оконечность острова, показалась большая тарпана, идущая отъ сѣвера на фордевиндъ. Поспавъ паруса шли мы въ бейдевиндъ; барказъ начало заливать волнами, два мапроза безпрестанно опливали воду. Когда мы довольно сблизились, я приказалъ выспрѣлишь изъ фалконеша, тарпана тотчасъ поворошила отъ берега въ море и прибавила парусовъ, я также отдалъ рифы и нѣсколько спустившись отъ въпра примѣнно спалъ догоняя. Между тѣмъ уже начинало вечерѣть, пошелъ небольшой дождикъ, небо то выяснивалось, то покрывалось облаками; опытный Лоцманъ, увѣряя меня, что ночью будетъ Bargas (буря), предсказывая, что на сполъ брennomъ суднѣ и въ такую погоду подвергну опасности жизнь 50 человекъ. Въ надеждѣ, что скорѣе наснитну тарпану, нежели успѣю за свѣтло пристать къ берегу, я не послушалъ его и продолжалъ погоню. Послѣ жаркаго спора, когда Лоцманъ принужденъ былъ уступить и замолчать, чрезъ нѣсколько минутъ предположеніе мое исполнилось. Шхиперъ, испуганный другимъ выспрѣломъ съ ядромъ, привелъ къ въпру, поднялъ Рагузскій флагъ и легъ въ дрейфъ. Пристать къ боршу и войти въ каюту, было дѣло одной минуты и нѣсколькихъ шаговъ. Тамъ въ чистой каютѣ, увидѣвъ себя въ лучшемъ убѣжищѣ отъ бури, нежели на барказѣ, я ободрился, однакожъ внутренно

упрекалъ себя въ неблагоразуміи пусшиться на ночь въ море; но когда по поданнымъ мнѣ пашпортамъ, увидѣлъ что Шхиперъ изъ Анконы въ Рагузу везетъ богатый грузъ, принадлежащій Французскому купцу, то совершенно успокоился и съ веселымъ духомъ и новою бодростію, немедленно распредѣлилъ своихъ людей по мѣстамъ, привязалъ барказъ на бакшповъ (*) и въ полвѣпра, на всѣхъ парусахъ пусшилсѣ прямо къ Санто-Кроче. Предвѣщаніе Лоцмана сбылось: по захожденіи солнца, ночь наспушила самая темная, и пошелъ проливной дождь; не смояря на усилившійся вѣпръ, я держалъ всѣ верхніе паруса, отъ чего тарпана легла совсѣмъ на бокъ, мачты прецщали, а Шхиперъ въ опчаянномъ спрахѣ чипалъ ave maria! и Padre nostro! однакожъ по щастію я благополучно прошелъ между каменьями (*пепини* называемыми), миновалъ всѣ опасности и въ 10 часовъ ночи бросилъ якорь возлѣ фрегата.

На разсвѣтѣ кашеръ привелъ Далманскую пребаку; но Капишанъ во уваженіе преданности къ намъ жишелей, не задерживая оппустилъ. Отъ Шхипера увѣдомились мы, что вся Далмація занята непріятелемъ, почему намъ должно было увеличить оспорожностъ. Капишанъ, опправляя меня вшорично

(*) Толстая веревка, выпущенная за корму корабля, къ которой привязываются гребныя суда.

къ тѣмъ же островамъ, приказалъ не слишкомъ удаляясь отъ фрегата. Пробравшись весьма узкимъ и совершенно дикимъ проплаткомъ, раздѣляющимъ два высокіе, крупные острова, выбралъ я пристанище у прешьяго, считая отъ того, на кошоромъ провелъ вчерашній день. Обошедъ кругомъ, не нашли на немъ ни селенія, и ни капли воды; весь островъ поросъ мѣлкимъ кустарникомъ разнаго рода, изъ коихъ на одномъ были засохшія ягоды, похожія на нашу землянику и довольно пріятнаго кисловатого вкуса. Славяне называютъ ягоду сію *глогиня*, она имѣетъ видъ земляники темнокраснаго цвѣта, въ срединѣ 4 косточки, а сверху, гдѣ бываетъ цвѣтокъ, кругловатую и твердую чашечку. Пославъ караулъ на возвышеніи, сдѣлавъ изъ парусовъ палашку, расположился я провести ночь. Къ захожденію солнца, небо покрылось мрачностью, пошелъ проливной дождь, не оставившій на насъ сухой нитки, въ продолженіи 2 часовъ громъ гремѣлъ прямо надъ головами, а послѣ грозы заревѣлъ вѣпръ, началась буря, огонь нашъ погасило и всѣ машеры спѣснившись въ малой палашкѣ пѣли пѣсни! на другой день узналъ я отъ чего они были такъ веселы, порція вина за чепыре дни была ими выпита до дна.

24 го Февраля упрямъ, хотѣлъ попытаться, не добыюсь ли до фрегата, но едва съ крайнимъ усиліемъ обогнулъ мысъ и на 300 сажень подвинулся впередъ, какъ вѣпрямъ и

печеніемъ понесло насъ назадъ и я принужденъ былъ пристать по воспочную сторону того же острова. Мѣсто, гдѣ мы пристали, было открыто, волны, разбиваясь о камни, производили сильной бурунъ, почему приказалъ я выпустить суда на берегъ, и близъ ихъ подъ навѣсомъ скалы поспроить шалашъ. Сей день мы еще не унывали, и хотя въ охотѣ не было удачи, ибо видѣли только мѣста, гдѣ лежали козы, но провели время весело, довольствовались сырою солониною и сухарями и къ вечеру уставши и оборвавшись о колючіе кустарники, вобрались въ шалашъ и развели огонь. Ночью опять была гроза и временемъ шелъ дождь.

Солнце, котораго восхожденія мы ожидали подобно Перуанцамъ, кои по сему свѣшлѣ заключающъ добрыя и худыя предзнаменованія, возшло и лучами своими не могло проницать густыя облака, обложившія со всѣхъ сторонъ небо. Море, гонимое южнымъ вѣтромъ, съ ужаснымъ шумомъ сильно волновалось; вдали было такъ темно, что мы едва по бѣлымъ валамъ могли различать воздухъ отъ моря; не было никакой возможности возвратиться на фрегатъ. Тутъ невольное неудовольствіе возмутило духъ мой, скудная провизія наша кончилась за завтракомъ, съ охоты, какъ и вчерась, пришли съ пустыми руками, на острову, кромѣ сказанныхъ ягодъ, не было никакого растенія которое можно бы употребить въ пищу; нѣ-

кошорые, не пивши два дни, мучились отъ жажды, я приходилъ въ опчаяніе, думая, что судьба опредѣлила намъ умереть здѣсь отъ голода. Къ вечеру, когда собрались въ свой бивакъ, было уже не до шутокъ; мапрозы не имѣли желанія пѣть, вокругъ огня сидѣли смирно, часпо выходили смотрѣть на облака, и по всѣмъ признакамъ видя, что буря, должна продолжиться, съ горемъ легли спать на морскую землю. Всю ночь я не смыкалъ глазъ, не смотря на дождь ходилъ возлѣ шлюпокъ по морскому берегу, и въ сильномъ волненіи чувствъ, почиалъ себя какъ бы низверженнымъ изъ свѣта, душа моя изнемогала подъ тысячею мыслей, и слабый лучъ надежды не облегчалъ печальнаго моего расположенія. По нѣскольку минутъ стоялъ я какъ оцѣпенѣлый, смотря, то на небо, то на море. Отъ сильнаго желанія, при шумѣ волнъ и свистѣ вѣтра, представлялся мнѣ иногда шпиль, и до того одинъ разъ забылся, что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ шалашу, въ намѣреніи разбудить покойно спавшихъ людей, но опомнившись ломалъ въ опчаяніи у себя руки, и видѣлъ предъ собою весь ужасъ голодной смерти.

Не имѣвъ перпѣнія дождаться утра я разбудилъ мапрозовъ и лишь начало разсвѣшавъ, приказалъ спускавъ на воду суда; нѣкошорые изумились такому предпріятію, но по свойственной одному Рускому солдату строгой во всякихъ случаяхъ подчиненности,

безмолвно повиновались и не смотря на ужасный бурунь шлюпки были на водѣ. Рѣшившись, во что бы ни спало, не оставаясь долѣе въ споль дикомъ мѣстѣ и терпѣливо ожидая переменны погоды, я намѣревался переправившись на ту сторону канала, гдѣ видѣнъ былъ домикъ. Мы опвалили, пославили рифленый парусъ въ половину сверхъшого уменьшенный, но лишь оный былъ поднятъ, барказъ всѣмъ боршомъ зачерпнулъ воду, кашерь непременно бы опрокинуло, если бы въ сіе время не изорвало у него парусъ. Тогда спустившись по вѣпру, оставалось одно средство, привесить на другой галсъ и стараться пристать къ другому острову, по виду споль же дикому и необитаемому какъ и первый. Принуждены будучи оставивъ парусъ съ крайнею опасностію перешли мы не болѣе 200 сажень къ берегу, какъ и увидѣли предъ собою, небольшой заливъ очень хорошо прикрытый опъ южнаго вѣпра. Вошедъ въ него, я очень радовался, что гребныя суда можно было оставить на дрекахъ, и не нужно было выпаскивать ихъ на берегъ.

Оставя караулъ при судахъ и положивъ тяжелый мушкетонъ на плечо, съ 30 вооруженными мапрозами, въ надеждѣ найши какое нибудь жилище, пошелъ искать онаго. Мѣрными шагами и въ молчаніи взошли мы на небольшое возвышеніе и что же увидѣли? Большое селеніе, въ прекрасной долинь, ось-

ненной деревьями, и окруженной виноградниками. Нѣтъ словъ изобразить наше восхищеніе, опѣ радости мы всѣ перекрестились и сказали: слава Богу! прибавили шаговъ или лучше побѣжали. Приближаясь къ первому дому, я вспомнилъ, чѣобы бытъ сыпу нужны деньги, смотрю по карманамъ, нѣтъ ни копейки, спрашиваю у мапрозовъ ни у кого ни гроша, эѣо обстоятельство уменьшило нашу радость, мы остановились и съ смѣхомъ обыскивали пуспые свои карманы. Въ первомъ домѣ нашли мы спарика, опѣ котораго узнали, чѣо находимся на островѣ *Жупано*, чѣо есть здѣсь Канцлеръ, Губернапоръ, Сенапоръ и помѣщикъ, и, сколько могъ я понять, всѣ сіи чепыре званія принадлежатъ одному лицу. Я послалъ къ нему Гардемарина, просить позволенія запасшись провизіею, думая, по праву военныхъ дать ему послѣ одну росписку. Сенапоръ прислалъ просить къ себѣ, вспрѣшилъ меня за воропами, и весьма ласково взявши за руку ввелъ въ домъ. На первый разъ, въ длинномъ, для голоднаго моего желудка разговорѣ, началъ онъ изъяснять запруднительное между двумя сильными державами положеніе Республики. Къ щасію моему, скоро вошла его жена, и въ упреннемъ нарядѣ, прекрасная собою, она, когда подали мнѣ весьма маленькую чашку кофе и безъ сухаря, сказала разговорчивому супругу своему, чѣо чрезъ служанку она узнала, чѣо надобно скорѣе накормить людей моихъ. Мужъ вышелъ. Я

вспалъ, и проходя зеркало, увидѣвъ изорванные свои сапоги, закопѣлое опъ бивачнаго дыма лицо, съ крайнимъ замѣшательствомъ засвидѣтельствовалъ ей мою признательность за вниманіе. Я представлялъ собою рыцаря плачевнаго образа, сидѣлъ предъ нею на высокомъ узенькомъ стулѣ въ неловкомъ положеніи, то скрывая сапоги, то поправляя галстукъ, то заспегивая мундиръ, и опъ сострадавательныхъ ея взглядовъ, еще болѣе робѣя; но не смотря на то однакожъ разговоръ нашъ, съ помощію нѣсколькихъ Италіанскихъ словъ, написанныхъ у меня на лискѣ, который принужденъ я былъ держашъ въ рукахъ, и реченій, изъ Священнаго писанія заимствованныхъ, оживился. Мало по малу я ободрился, и уже смѣлся, какъ вошелъ Сенапоръ. Полишика бѣдной его Республики снова перемѣнила лицо мое, и мнѣ конечно сдѣлалось бы дурно, еслибъ прекрасная, умная, воспитанная жена его не поснѣшила подашь завтракъ.

Люди мои также были накормлены. Госпепріимство Славянъ, обрадованныхъ госпіями, которыхъ могли они понимать, предупредило попеченія Губернатора, и нѣ изъ моихъ людей, которые приходили съ радостнымъ лицомъ увѣдомлять меня, что вѣпръ начинаешъ ушихать и уже перемѣнился, были кажется довольно веселы. Въ полдень, когда я успѣлъ послѣ сытаго завтрака еще пообѣдать, вѣпръ къ фрегатѣ сдѣлался попушный и мы прибыли на оный благополучно.

Въ послѣдніе дни сего мѣсяца, погода установилась прекрасная и поиски мои были удачнѣе; при пребаки съ полнымъ грузомъ цѣною на 100.000 рублей достались намъ въ добычу. Тарпану, какъ принадлежащую Рагузскому купцу, оппустили, повары ея размѣсили на другія, а какъ къ тому времени Графъ Воиновичъ успѣшно окончилъ свое порученіе въ Рагузѣ, опправили ихъ въ Капаро. 3-го Марта, когда фрегатъ Михаилъ смѣнилъ насъ на семь послѣ, при маловѣпріи вышли мы въ море, при чемъ взяли еще богатый призъ. При благопріятномъ плаваніи, преслѣдовали мы всѣ суда, копорыя показывались на нашъ видъ; но всѣ онѣ были Австрійскія, почему опросивъ оппускали. 6-го Марта, ночью, при туманѣ вошедъ въ Фіумскую бухту, на глубинѣ 35 сажень положили якорь.

Ф і у м е.

Туманъ и дождь никому не помѣшали съѣхать на берегъ. Мореходцы спѣшаютъ наслаждаться удовольствіями городскихъ жишелей, копорымъ въ дурную погоду не придетъ на мысль бродить по улицамъ, осматривать зданія и замѣчать положеніе окрестностей. Сыскавъ домъ Россійскаго Консула Фоншона, вмѣстѣ съ нимъ посѣтили мы Австрійскаго Губернатора, копорый совѣтовалъ остерегаться Французовъ, проходящихъ теперь въ Далмацію. Проводивъ Спатскаго Совѣтника

Поццо ди Борго и Коллежскаго Ассесора Козена, отправившихся съ депешами въ Россію, по приглашенію пассажира Мекензи, мы пошли въ лучшую респорацию объдасть. Хозяинъ вспрѣшилъ на лѣспницѣ, поблѣднѣлъ и сказалъ: „у меня всѣ покои заняты!“ Но осмопрѣвшись и увѣрившись, что мы не Французы, за которыхъ онъ насъ принялъ, съ радостію ошворилъ при прекрасныя комнаты; вошедъ туда, по тихоньку въ полголоса продолжалъ по Славянски: „какое для меня счастье принять въ домъ моемъ Рускихъ! я никогда ихъ не видалъ, но слышалъ, что они добрые господа, милоспивы и бѣдныхъ трактирщиковъ не обижаютъ. Если вы въ самомъ дѣлѣ Рускіе, то не лѣзя ли избавишь меня отъ гостей, которыхъ конечно вы видѣли внизу?“ Совѣтъ Губернатора и сіи слова побудили насъ занять самыя отдаленныя комнаты, но лишь подали завтракъ, насъ уведомили, что на пристани какой то шумъ. Какъ бы предчувствуя мы пошли туда, со всѣхъ сторонъ бѣжалъ народъ къ набережной, спросили сему причину и намъ ошвѣчали: „Рускіе прибили Француза.“ Прополкавшись сквозь толпу къ каперамъ нашимъ, успокоены были Офицеромъ Венгерскихъ гусаръ, который увѣрилъ, что мапрозы наши были правы. Вотъ причина драки: шрое нашихъ гребцовъ шли по пропуару. Француской Сержантъ-мажоръ, желая пройти впередъ ихъ, сполкнулъ одного

въ грязь, толкнулъ и другаго, но сей остерегшись свалилъ его съ ногъ такъ, что Французъ упалъ въ грязь ничкомъ и въ запальчивости обнажилъ песакъ; мапрозы, не имѣя при себѣ никакого оружія, вырвали песакъ и изрядно наглеца поколошили. На крикъ его сбѣжалось человекъ 30 Францускихъ солдатъ, и если бы не подоспѣли гусары, то пустая ссора сія, могла бы кончиться непріятнымъ для насъ образомъ. Возвратившись въ шпирь, въ сѣняхъ встрѣпили двухъ Францускихъ Генераловъ, которые бранили за что-то дрожащаго опъ спраха хозяина и приказывали людямъ своимъ скорѣе запрягать лошадей; они грознымъ спесивымъ взоромъ окинули насъ съ ногъ до головы,

Фіуме лежишь на ровномъ мѣстѣ; голый хребетъ горъ въ нѣкоторомъ опъ него разстояніи смыкается въ видѣ полукружія; съ нихъ-то дуешь *бора*, копорая сбиваетъ съ ногъ людей, опрокидываетъ экипажи и срываетъ съ домовъ крыши; почему рейдъ въ зимніе мѣсяцы совершенно неудобенъ, и суда обыкновенно укрываются въ Букари и Порто-Ре, въ 8 и 15 верстахъ отсюда находящихся. Городъ выстроенъ правильно, широкими улицами; дома всѣ одинакой и самой пріятной наружности. По недокончаннымъ строеніямъ можно судить, что городъ будетъ обширенъ. Пребываніе Французовъ весьма здѣсь ощутительно; магазины пусты, лавки большею частію заперты; они оставили, какъ гово-

ряпъ жишели, однѣ только спѣны, а денегъ ни копейки. На южной споронѣ, гдѣ впадаетъ рѣчка (*), набережная застроена огромными магазейнами. Суда, подходя къ оной, нагружаются скоро и удобно. Устье рѣки составляетъ безопасную гавань для малыхъ судовъ. Фіуме, какъ вольный портъ, могъ бы скоро сравняться съ лучшими торговыми городами; но близость богатаго Триеста и дурной рейдъ лишаютъ его многихъ выгодъ; однакожъ, какъ всѣ произведенія Венгріи не имѣютъ другаго выхода въ Средиземное море кромѣ Фіуме, сношенія съ Мальтою, Сициліею и укрдкою съ блокированными гаванями Италіи, довольно значительны.

Когда пересталъ дождь, мы переправились на другую спорону рѣки. Тамъ, пройдя версты двѣ, по дорогѣ, всѣченной въ каменную гору остановились у водопада, котораго шумъ слышенъ и въ городѣ. Рѣчка, спѣсненная двумя отвѣсными скалами, падаетъ нѣсколькими порогами съ вышины пяти или семи сажень въ оврагъ, по крупымъ споронамъ коего построены мѣльницы, такъ сказать, одна на другой. Ниже пороговъ, понижающихся уступами, стоятъ на якоряхъ мѣльницы плувчія. Видъ на нихъ съ горы очаро-

(*) Называемая Фіуме, отъ которой и городъ получилъ свое названіе. На Италіанскомъ языкѣ Фіуме значитъ рѣчка.

вашелень. Вода, падая съ верхнихъ колесъ на нижнія и разбиваясь о каменья, мѣлкимъ дождемъ кропишь крыши мѣльницъ и въ брызгахъ поднимается вверхъ наподобіе небольшого пифона. Скрипъ и спукъ колесъ, громъ воды, крутящейся въ сребристыхъ переливахъ, множеству лодокъ, идущихъ бичевою прошиву ужаснаго коловращенія воды къ пловучимъ мѣльницамъ, и нѣсколько вьючныхъ муловъ, спускающихся по крушой пропикѣ опъ верхнихъ мѣльницъ, представляли пріятное, величественное и вмѣстѣ грозное зрѣлище. Отсюда начинается та славная дорога, копорая попомству передаетъ имена Императора Франца II и Генерала Вукасовича, построившаго ее. Она просѣчена сквозь цѣпь доселѣ непроходимыхъ Кроатскихъ горъ, и, какъ меня увѣряли, не уступаетъ въ прочности и искусствѣ древнимъ дорогамъ Римлянъ. Прежде сего перевозили повары на вьючныхъ лошадяхъ, и то съ крайнимъ затрудненіемъ и опасностію; теперъ же большія брички, поднимающія 500 пудовъ клажи, проѣзжаютъ прямо изъ Венгріи въ Фіуме удобно и спокойно.

9-го Марша, по прибытіи изъ Пешербурга Типулярнаго Совѣтника Ласкари съ депешами къ Адмиралу, въ шестъ же часъ ночью снялись мы съ якоря. Съ курьеромъ на одной шлюпкѣ, Консуль прислалъ трехъ Россійскихъ солдатъ, принужденно служившихъ въ Австрійскомъ полку, который недавно пришелъ въ Фіуме.

ПЛАВАНІЕ ОТЪ ФІУМЕ ДО КАТАРО.—

ПОРТЪ КАРБОНИ.—НОЧНАЯ

ВЫСАДКА.

По причинѣ шпиля и мрачности, ночью принуждены мы были спать на якорь; на разсвѣтъ же, 10-го Марша, снявшись и находясь при входѣ въ заливъ, взяли два Италіянскихъ судна, идущихъ изъ Фіуме въ Анкону и Сене-галію. Тихіе вѣтры замедляли наше плаваніе, и какъ фрегатъ держался ближе къ Далматскимъ островамъ, то вооруженный барказъ былъ готовъ для нападенія на непріятельскія суда, которыя могли скрываться въ малыхъ и мѣлкихъ бухтахъ. Въ каналѣ между остро-вомъ Меледо и Рагузскимъ берегомъ, крѣп-кій проливной вѣтръ, и гряда камней, на-ходящихся на сѣверѣ острова Агоспы, под-вергали насъ въ ночное время опасности, что и принудило Капитана выйти въ море; но какъ шуръ вѣтръ еще болѣе усилился и фре-гатъ ничего не выигрывалъ впередъ, то 15-го Марша пришедъ въ бухту *малую Карбони* на глубинѣ 35 сажень, грунтъ илъ, спали на я-корь. Здѣсь нашли мы одну шарпану. Шхи-перъ по обыкновенію пріѣхалъ на фрегатъ съ своими бумагами, и какъ онъ былъ Бокезецъ, то Капитанъ, возвращая ему Австрійскіе па-шенны, сказалъ: твои бумаги не годятся, тебѣ надобно переѣмнишь ихъ на Русскіе. Шхиперъ не понявъ, и подумавъ, что берущъ

его въ плѣнь, поблѣднѣлъ. Но когда ему объявили, что въ Капуро развѣваеиъ Россійскій флагъ, что его Отечество свободно, то всякой удобно можеиъ себѣ представивъ его изумленіе, радость и восшоргъ. Онъ пошчасъ поѣхалъ на свое судно, переиѣнилъ флагъ, возвратился на фрегатъ, и просилъ привеситъ его съ людьми къ присягѣ. Послѣ оной, забывъ о своей торговлѣ, предложилъ Капитану взявъ Французскіе магазейны, находящіеся въ деревнѣ. Къ вечеру остановилась возлѣ насъ другая Бокезская пребака, шхиперъ оной также предложилъ свои услуги и вызвался бытъ проводникомъ.

Солнце уже зашло, когда мы положили якорь. Ночь наступила самая темная, къ тому жъ пошелъ проливной дождь. Пять гребныхъ судовъ, изъ коихъ два вооружены были фалконетами, съ 80-ю человѣками мапрозовъ, солдатъ и Бокезцовъ поручены были мнѣ. Въ 9 часовъ отправились мы съ фрегата. Вышедъ на берегъ, шхиперъ повелъ насъ близъ набережной. Дошедъ сею дорогою до пристани поставили шупъ гребныя суда, и при нихъ нѣсколько людей, а съ спальными шихо вошли въ улицу. Бокезцы въ шемногѣ не могли сыскавъ дома, въ копоромъ споялъ Французской Капитанъ, почему, принуждены были войши въ одинъ ближайшій, гдѣ свѣшилсѣ огонь. Сквозъ неплотно пришворенную дверь увидѣли въ немъ 4 пирующихъ спариковъ;

они сидѣли у попухающаго огня на очагѣ; на покачнувшемся столѣ, предъ ними стоявшемъ, видѣнь былъ сыръ, хлѣбъ и кашпаны, одинъ изъ нихъ держалъ кувшинъ въ рукахъ, другіе куря сигары чему-то смѣялись „Богъ помочь добрые люди“, сказалъ я входя, они оглянулись, и увидя блестящіе шпыки и солдашъ испугались. Не бойтесь, мы вамъ ничего дурнаго не желаемъ.... но они кажен-ся меня не понимали, и стояли не говоря ни слова какъ оцѣпенѣлые. Когдаже Бокезскій шхиперъ сказалъ имъ: „*Не спрашайтесь брани-ко то су наши мошкоси*“, то одно сіе слово какъ волшебнымъ жезломъ перемѣнило страхъ ихъ на радость, они ободрились, бросились цѣловать меня и солдашъ. Одинъ хотѣлъ, чѣмобъ я непременно пилъ вино; другой, позвавъ жену и дѣшей, приказалъ подать все чѣмъ у нихъ есть, но когда сказали, чѣмъ мы пришли взявъ Французовъ, сынъ хозяина схватя ружье, вызвался показавъ домъ Капитана и магазейны, спарики же пошли предупредить жишелей о нашемъ приходѣ и, во избѣжаніе безпорядка, сказавъ, чѣмбы никто не выходилъ изъ домовъ.

Идучи деревнею слышу выпрѣлъ, другой, бѣгу и нахожу, чѣмъ мапрозы, оставленныя съ Гардемариномъ Баскаковымъ, уже были въ домѣ, однакожъ никого не схватили въ немъ; Французы, шупъ бывшіе выскочили съ другой стороны въ окна. Жишели увѣряли

меня, что они бѣжали въ крѣпость, находящуюся отсюда въ 6 часахъ хода. По чрезвычайной темнотѣ не могли мы ихъ преслѣдовать, и пошому занялись испребленіемъ магазейновъ; мапрозы съ помощію жителей, нагрузили на двѣ пребаки, принадлежащія непріятелю, нѣсколько бочекъ вина, водки, сухарей и муки. Остальное, чего не успѣли взять, отдали жителямъ, а бочки съ краснымъ виномъ ведръ въ 300 и болѣе, стоящія всегда на одномъ мѣстѣ, разбили, и на разсвѣтѣ съ хорошою добычею и веселыми пѣснями возвратились на фрегатъ.

16-го Марша, когда снимались съ якоря, еще взято было судно съ богатымъ грузомъ. 17-го, сильное противное теченіе, тихой также противный вѣтръ, принудилъ насъ спуститься и спастъ на якорь на 19 саженьхъ глубины, грунтъ илъ, въ бухтѣ *большой Карбони*. Гавань сія находилась между премя островами Карбони и западною стороною острова Курцола, она закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, входы чисты и удобны даже для стопушечныхъ кораблей. 18-го Марша вышелъ въ море, 20-го, по шѣмъ же причинамъ возвратились назадъ и нашли въ портѣ Дашской купеческой бригъ и корсеръ подъ нашимъ флагомъ изъ Капаро, копорой увѣдомилъ насъ, что Адмиралъ находится въ Каспель-Ново. 21-го Марша Капитанъ приказалъ мнѣ отвеситъ 4 призовыя судна въ Капаро. Снявшись съ якоря фрегатъ

пошелъ мористѣе, а я съ своею эскадрою пустился каналомъ между оспровомъ Меледо и маперымъ берегомъ.

Сѣверо-восточный вѣтерокъ служилъ намъ только нѣсколько часовъ, предъ полуднемъ спалъ шпиль и прежнимъ опъ юга волненіемъ немилосердо насъ качало. Требака, изнемогла подъ тяжестію, ибо слишкомъ была перегружена, и еслибы къ вечеру море не успокоилось, принужденъ бы былъ разрубить бочки съ деревяннымъ масломъ, споявшія на палубѣ. Солнце закапилось такъ пріятно, какъ среди лѣта, море сдѣлалось гладко какъ зеркало, небесный сводъ представлялъ кристальный куполь, усыпанный блестящими звѣздами, ночь была ясна какъ день и мы стояли на мѣстѣ тихо такъ какъ будто на берегу. Природа была въ совершенномъ спокойствіи, всѣ спали кромѣ меня и мапроза Ишаланца на руль, спраннымъ голосомъ пѣшаго свою національную пѣсню. Приказавъ ему какъ держать и при какомъ вѣтрѣ, я завернулся въ капошъ, легъ на палубѣ, и проснулся когда уже разсвѣло. Требака моя была очень близко берега, такъ что при легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, чпобы войти въ каналъ, трудно было обойти мысъ Меледы. Сдѣлавъ выговоръ Рулевому, который забывъ меня увѣдомить, рѣшился приблизиться къ берегу, я приказалъ спустить барказъ и буксиромъ скоро вошелъ въ каналъ. Другая требака, бывшая въ томъ же положеніи, также на

гребль обошла, и вся моя эскадра спокойно плыла возлѣ восточнаго берега Меледо.

Не могу умолчать о добромъ Бокезцѣ Спиридаро, котораго дали мнѣ вмѣсто лоцмана съ судна, стоявшаго съ фрегашомъ въ портѣ Карбони. Онъ старался показывать себя свѣтскимъ человѣкомъ, зналъ грамоу и хощя не читалъ книгъ, но въ Венеціи часно посѣщая театръ, декламировалъ мнѣ Метаспазіевы списхи. Я учился тогда Италіянскому языку, и онъ съ гордостію толковалъ мнѣ значеніе словъ. Услужливостъ его и наблюденіе приличій строгой подчиненности, упоминали меня, и сколько я ни старался обходиться съ нимъ ласково, и безъ церемоніи, онъ всякое мое слово, стоя всегда по лѣвую руку съ почтительнымъ приклоненіемъ и въ опдаленіи опъ меня, принималъ за приказанія; насилу могъ я убѣдить его, чѣмъ онъ не цѣловалъ моей руки или полы у плащя; но опъ пренизкихъ, весьма смѣшныхъ поклоновъ онъ никакъ не хощѣлъ отказаться. Гаешани, хозяинъ пребаки, когда я увѣрялъ его, что онъ будетъ оппущенъ и за провозъ груза будетъ ему заплачено, былъ спокоенъ; ласкался ко мнѣ, но не беспокоилъ излишними учтивостями. Съ сими людьми я долженъ былъ проводить время, и можетъ быть не скучалъ бы, еслибъ не былъ слишкомъ озабоченъ дурнымъ состояніемъ всѣхъ чепырехъ призовъ. По причинѣ малыхъ свѣденій мореплаванія моихъ товарищей, которые кромѣ

компаса весьма невѣрнаго не имѣли и каршы, недовѣрчивость бременила меня: я находился безпрестанно на палубѣ, и если когда опгъ ушомленія смыкалъ глаза, то каждую минути пробуждался, и даже спавши слышалъ все что вокругъ меня дѣлали и говорили. Желудокъ мой также лишенъ былъ доброй пищи, но за то имѣлъ самую питательную, бобы въ лампадномъ маслѣ съ горькимъ уксусомъ, черной сухарь и сладкіе рожки, вопъ дорогія блюда, копорыми со всею роскошію меня подчивали.

Во весь день слабый вѣтерокъ служилъ намъ какъ нельзя лучше. Вода спруилась возлѣ борта, а воздухъ и море были совершенно покойны. Я сидѣлъ на опрокинутой бочкѣ, прикрывавшей входъ въ каюту, въ копорой было только мѣспа, что двѣ постели, и въ веселомъ расположеніи разговаривалъ съ Спиридаромъ, какъ вдругъ ядро пролетѣло у насъ за спиною. Никакой живописецъ не могъ бы выразить удивленія нашихъ лицъ. Я вскочилъ, схватилъ зрительную трубу, осматривалъ вокругъ, мапрозы глядѣли одинъ на другаго и оспавались въ томъ же положеніи. Другое ядро пролетѣло надъ головами, пробило парусъ, Италіанцы вскрикнули, пали ницъ, мои шесъ мапрозовъ бросились къ ружьямъ и спали заряжающъ два фалконеша. Тогда я увидѣлъ маленькую лодку съ косыми парусами, копорая вышла изъ за камней, прикрывающихъ портъ Паоло на Меледѣ и шла

на вспрѣчу мнѣ прямо съ носу. Флагъ ея за парусами не былъ видѣнъ, при другія пребаки, находившіяся близко, по сдѣланному опъ меня знаку, начали со мной соединяться. Желая заспавишь корсера думашъ, что мы мирные купцы, я приказалъ поднять Австрійской флагъ и на яликѣ послалъ Спиридаро, увѣришь непріяшеля, что мы изъ Тріеспы идемъ въ Рагузу, между тѣмъ приближасъ рѣшился, окружишь и взяшь его абордажемъ. Лоцманъ, не доѣхавши еще до лодки, ворошился и издали кричалъ намъ: „будьте спокойны Г-нъ Начальникъ, наши! наши!“ Я не зная вѣришь ли тому, продолжалъ иппи. Конониры размахивали фипилями, мапрозы лежали на палубѣ съ гошовыми ружьями и пронбонами. Наконецъ опъ лодки опвалилъ барказъ съ толпою вооруженныхъ, копорые, не приспавая къ моему судну, спрашивали точно ли я Руской: я опвѣчалъ по Руски, что въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ имя фрегапы, откуда иду и прочее. Они казалось еще не довѣряли; по нарѣчію я увѣрился, что то были Бокезцы; мапрозы мои начали говоришь съ ними, и они топчасъ приспали. Капитанъ Корсера опличался богатымъ оружіемъ, онъ поцѣловалъ мою руку, другіе прикасались къ поламъ коропкаго моего мундира, и подобно Спиридару, кланялись весьма уничиженно. Капитанъ приносилъ тысячу извиненій, оправдываясь, что не видя нашего флага, почелъ насъ вышедшими изъ Курцало и пошому непріяшельскими.

Онъ увѣдомилъ меня, что у Спаньо и въ портѣ Зуліано естѣ Францускіе корсеры; чѣобы распросилъ его о другихъ обстоятельствевахъ, я приказалъ поднести всѣмъ по стакану вина, и предложилъ Капитану проводить меня до Рагузы, онъ просилъ отъ меня письменнаго повелѣнія, я написалъ ему на лоскуткѣ выдранномъ изъ записной книжки, маленькую записочку, и приказалъ держаться ко мнѣ ближе, а ночью подымать на мачтѣ фонарь. Мы разошлись со взаимными учтивостями. Бокезцы опвалили и салютовали мнѣ изъ всѣхъ своихъ ружей, и прокричали *e viva Nostri!* (да здравствуютъ наши), я приказалъ выпалить изъ фалконета и прокричать ура!

Въ полдень вѣтръ сдѣлался проливной и довольно свѣжій, мы лавировали успѣшно во всю ночь. 23-го Марша упрямъ вѣтру не спало и печеніемъ пощадило насъ назадъ. Эскадра моя находилась близъ юго-восточной оконечности Меледо; не болѣе какъ въ верстѣ видна была небольшая бухта, окруженная низкимъ берегомъ. Пріятность положенія сего убѣжища прельстила меня, и какъ бесполезно было держаться въ морѣ, а изъ залива при всякомъ вѣтрѣ можно безъ затрудненія выйти, я поворошилъ въ нее и пушечнымъ выстрѣломъ далъ знать, чѣобы другіе пребаки слѣдовали за мною. Всѣ 5 судовъ скоро оспановились вокругъ меня и люди сошли на берегъ. Воды не сыскали, но кашпановая роца доставила большое удовольствіе

моимъ мапрозамъ, они набрали десять мѣшковъ большею частію упавшихъ и согнившихъ каштановъ, находили ихъ вкусомъ похожими на горохъ, и одинъ замѣшилъ, что по середѣмъ и пшеницамъ можно ихъ ѣсть безъ грѣха. Бокезцы заспрѣлили двѣ козы и одного барана, принесли нѣсколько дичи, а другіе поймали неводомъ множество рыбы; потчасъ развели огни, но вѣперокъ подулъ, должно было отказатьсья отъ роскошнаго обѣда и сниматься съ якоря. Съ веселымъ шумомъ вспутили мы подъ паруса, сѣверо-западный вѣпръ установился и мы поплыли на фордевиндъ очень скоро. Прошедъ Зуліано, корсеръ подошелъ подъ корму и салютовалъ мнѣ изъ всѣхъ своихъ ружей и пушекъ, и до тѣхъ поръ возглашалъ да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ! пока мы не могли слышать ихъ громкихъ голосовъ; онъ пошелъ на свой постъ. Вѣпръ служилъ мнѣ до Старой Рагузы, куда по причинѣ пищины и недоставка воды принужденъ я былъ зайти 26-го Марша.

С Т А Р А Я Р А Г У З А.

Портъ старой Рагузы лежитъ отъ новой къ югу моремъ версмахъ въ 20. Единственный входъ въ него закрытъ двумя грядами голыхъ камней, *пешине* (гребень) называемыхъ. Глубина въ заливѣ достаточна и для военныхъ кораблей, но какъ оный очень не великъ и сѣверный вѣпръ, дующій прямо со

входа, препящсвуетъ выходить, по здѣсь укрывающся только пребаки и малыя лодки. Городъ состоишь изъ двухъ улицъ, расположенныхъ на восточномъ мысѣ гавани. Стѣна, построенная на узкомъ перешейкѣ съ 4 пушками, защищаетъ его съ сухаго шупи, съ моря же нѣтъ никакихъ укрѣпленій. Въ недалекомъ разстояніи отъ онаго, полагають мѣсто древняго *Епидавра*, славнаго Ескулапиевымъ капищемъ. Градоначальникъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ почтеніемъ, и пригласилъ на берегъ. Я вошелъ съ нимъ въ бѣдной кофейной домъ, гдѣ подали мнѣ маленькую чашку кофе, шрубку табаку и рюмку розоли; меня подчивали и многіе другіе; будучи принужденъ пить и ѣсть противъ воли, не мало я удивился, когда каждый заплашилъ за себя, разумѣется съ меня, какъ съ Рускаго, взяли вдвое; не должно однакожъ порицать сего; вездѣ, свой обычай. Я сказываю сіе въ оспорожностъ другимъ. Госперіимство, свяшая добродѣтель нашего Опечества, здѣсь не извѣстна; каждый ѣстъ свой кусокъ въ углу. На другой день Градоначальникъ приказалъ своимъ лодкамъ вывезти пребаки мои въ море. Пользуясь тихимъ сѣвернымъ вѣтромъ 27-го Марша пришелъ я въ Каспель-Ново, гдѣ порученныя мнѣ бумаги опдалъ для разбирашества въ учрежденную призовую Коммиссію.

П Р И Б Ы Т І Е Г Л А В Н О К О М А Н Д У Ю Щ А Г О В Ъ К А Т А Р О .

Хотя положеніе дѣлъ на матеромъ берегу и система, кою Высочайшій нашъ Дворъ намѣренъ былъ слѣдовать, еще не были извѣстны Адмиралу; но какъ приверженность народа подавала надежду не только удержавъ за собою Капаро, но и обезпокоить Французовъ въ самой Далмаціи; по на первый случай 2 баталіона Вишебскаго полку съ 4 орудіями, подъ командою Генераль-Маіора Пушкина, отправлены для занятія крѣпостей Капаро и Каспель-Ново. Для учрежденія же всего лично, Адмиралъ на корабль Селафайлъ прибылъ въ Каспель-Ново 15-го Марта, а на другой день на шлюбкахъ отправился въ Капаро. Шествіе сіе было наспоющій пріумфъ; народъ стрѣляя изъ ружей бѣжалъ по морскому берегу, купеческія суда безпрестанно палили изъ пушекъ. Духовенство съ крестомъ, Гражданскіе чиновники съ ключами города, вспрѣшили Адмирала на пристани. Г. Санковскій, отъ имени народа, изъявилъ рѣчью преданность ихъ Государю, щастіе быть его подданными, и благодарность за избавленіе ихъ отъ Французовъ. Въ шрое супокъ Дмитрій Николаичъ можно сказать очаровалъ народъ. Дослушность, ласковость, удивительное снисхожденіе восхищали каждого. Домъ его окруженъ былъ толпами людей; Черногогорцы нарочно приходили съ горъ, чтобы

удостоишься поцѣловать полу его плащя, приходящая всегда была полна ими, никому не запрещался входъ; казалось они забыли Мишрополиша, и повелѣніе Сенявина исполняли съ ревностію, готовностію удивительною.

Адмиралъ, лично удостовѣрясь въ искренней преданности жишелей, освободилъ ихъ отъ всякой повинности, обезпечилъ сообщеніе съ Герцоговиною, а для покровительствва торговли учредилъ конвой до Тріеста и Констанцинополя. Къ таковымъ милостямъ и попеченіямъ, Бокезцы не оспались неблагодарными. Старѣйшины отъ лица народа поднесли Адмиралу благодарственный листъ и предложили жизнь и имущество въ полное его распоряженіе. Въ нѣсколько дней снаряжено на собственнѣйшей щепѣ жишелей, и вышло въ море для поисковъ 30 судовъ вооруженныхъ отъ 8 до 20 пушекъ, что по малоимѣнію малыхъ военныхъ судовъ при флотѣ, было великою помощію. Распоряженіе сіе принесло болѣе пользы, нежели моглибы доставить налоги. Милосердіе и крошотъ нашего правленія было въ совершенной противоположности съ правленіемъ сосѣда нашего Наполеона.

Адмиралъ, узнавъ о приверженности къ намъ жишелей Далмаціи, занятой 6000 Французскихъ войскъ, предпринялъ и сей народъ освободить отъ угнетавшаго ихъ ига. Капитанъ Белли съ 3 кораблями, 2 фрегатами и 4 бригами, получилъ повелѣніе овладѣть

островами, прошиву Далмаціи лежащими (*). Мишпрополишъ, вмѣсто просимой тысячи, обѣщаль собрать 6000 воиновъ, и вызвался самъ ими предводительствовать, почему Адмиралъ 25-го Марта отправился въ Корфу, дабы и тамъ сдѣлать нужныя распоряженія на случай замысловъ непріятеля, взявъ съ собой 3 баталіона Егерей и соединившись съ Белли, совокупно съ Далмацами, выгнать Французовъ; но прибывъ въ Корфу, получилъ именное повелѣніе отъ 14-го Декабря прошедшаго 1805 года со всѣми морскими и сухопутными силами возвратиться въ Черное море, отъ чего предпріятіе сіе, въ успѣхъ котораго не лъзя было сомнѣваться, содѣлалось тщетнымъ. Главнокомандующій началъ дѣлать пріуготовленіе къ отплытію, а повелѣніе, скрывъ въ тайнѣ, дабы преждевременнымъ объявленіемъ не встревожить напрасно жителей. Когда Графъ Моцениго увѣдомилъ его, что по его депешамъ Генералъ Ласси командовать долженъ морскими и сухопутными силами, то Адмиралъ, чѣмъ развязать свое недоумѣніе, рѣшился вскрыть бумаги на имя Генерала Ласси написанныя, гдѣ къ удовольствію своему нашелъ, что всѣ силы должны остаться въ Средиземномъ морѣ. Адмиралъ послалъ бригъ возвратиться войска съ Генераломъ Ласси, но

(*) Смотри вторую часть, взятіе острова Курцало и пр.

его уже не застали въ Константинополѣ, а самъ 19-го Апрѣля съ 2 кораблями и фрегатомъ, посадивъ на оныя 6 ротъ егерей, прибылъ въ Капаро, гдѣ узналъ, что число Французскихъ войскъ въ Далмаціи уже гораздо умножилось, а какъ къ тому же не получено никакихъ повелѣній отъ Государя, то и рѣшился поступать токмо оборонительно и защищать Бокоди Капаро и взятой островъ Курцало. Наконецъ отъ 15-го Маія Государь Императоръ, изъявилъ Монаршее благоволеніе Адмиралу за всѣ новыя распоряженія по занятіи Капаро, равно и за рѣшимость открытъ предписанія на имя Генерала Ласси, съ шаковымъ повелѣніемъ, что онъ утверждается во власти Главнокомандующаго, и можетъ дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, соображаясь съ прежними наставленіями столько, сколько положеніе дѣлъ и настоящія обстоятельства дозволяютъ.

Радость и клики народа не умолкаютъ, имя АЛЕКСАНДРА безпрестанно повсюду и кажется самое эхо въ здѣшнихъ пустынныхъ горахъ произноситъ его съ восторгомъ. Въ церквахъ, едва священникъ начинаетъ *Благотѣстивѣйшаго* и всѣ отъ стараго до малаго съ умиленіемъ кладутъ земные поклоны. Въ школѣ, въ которую мнѣ случилось войти, ученики вспали, всѣ въ одинъ голосъ сказали привѣтствіе, и на вопросъ учителя, кому должно поклоняться? Отвѣчали Единому Богу. Кому служишь до послѣдней капли крови?

Часть I.

единому АЛЕКСАНДРУ. Кого ненавидѣть и...? Вошъ капихизисъ, достойный храбраго народа. Дѣти, едва начинающія говорить, швердять имя АЛЕКСАНДРА, и повторяють его каждому съ кѣмъ они встрѣяшся. Мальчики безпрестанно стрѣляютъ изъ пистолей и восклицаютъ, „Да здравъ буди нашъ Царь АЛЕКСАНДРЪ, да погибнетъ пасья вира.“

МОИ ПРОГУЛКИ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ
КАСТЕЛЬ-НОВО.

Сдавъ призовыя суда къ Коммиссію, въ ожиданіи прибытія фрегата изъ Корфы, не имѣя никакого дѣла, съ ружьемъ въ рукахъ, бродилъ я въ окрестностяхъ и занимаясь охотою, наслаждался прекрасными, мѣстоположеніями, какія рѣдко встрѣчаюшся и въ самой Швейцаріи. Хребты высокихъ обнаженныхъ горъ, окружающіе заливъ, имѣютъ дикой и унылой видъ. Большіе камни, опорванные опъ кремнистыхъ вершинъ, видны по скапамъ; но у морскаго берега взоръ наслаждается пріятною зеленью садовъ, въ пѣни коихъ, тамъ и здѣсь, встрѣчаешь прекрасные домики съ хозяйственнымъ строеніями. Бѣлыя стѣны, красныя черепичныя крыши и зелень садовъ составляютъ пріятное смѣшеніе цвѣтовъ. Здѣсь уже весна, и время прекрасное. Всякой день перемѣнялъ я мѣсто прогулки и такимъ образомъ познавъ сіи мѣста всякой день распространялъ свои

свѣденія и замѣчалъ что нибудь новое. Съ помощію Италіянскаго языка и нѣсколькихъ Славянскихъ словъ, я не былъ нѣмымъ. Госпепріимство одного добраго Славянина, предъ домомъ котораго спояли порученныя мнѣ призовыя суда, доставило мнѣ много пріятныхъ минушъ. Въ короткое время сдѣлался я у него почти домашнимъ. Видъ маленькой церкви Іліи Пророка, стоящей на вершинѣ горы, покрытой въ то время облаками, чрезмѣрно мнѣ понравился, и внимательный мой хозяинъ въ первое Воскресенье предложилъ иппи пуда съ дѣшьями его къ обѣднѣ. Старшая дочь его съ одною родспвенницею и съ двумя мальчиками 8 и 9 лѣтъ, пошли со мною вскорѣ по восхожденіи солнца. Дорога часъ опъ часу становилась круче, мѣста страшнѣе, скапы ужаснѣе. По прошествіи нѣсколькихъ долинъ и пріятныхъ мѣспъ, узкая пропинка повела насъ вдоль каменной стѣны, по надъ глубокою пропастью, по подъ навѣсомъ скалы. Переходя съ горы на гору, поднимались мы выше и выше; а взошедъ на нѣкоторую высоту, услышали вдали шумъ паденія воды. Я прибавилъ шаги и скоро увидѣлъ прекраснѣйшую картину. Не большая горная рѣчка (не далеко опъ успья которой построена мѣльница съ каменною плошиною), спѣсненная утесами, низвергается, и падая съ камня на камень, крушится, разсыпается въ бѣлую тончайшую пыль и проходя чрезъ скалы разливается, особенно же

въ дождливое время, смываетъ сады, и сноситъ внизъ деревья и тяжелые камни. Двѣ зыбкія доски, положенныя надъ страшною пропастью, на днѣ коей кипѣла рѣка, предлагали намъ опасный путь. Я пошелъ впередъ, а за мной, взявшись рука за руку, слѣдовали другіе. Съ трудомъ доспигли мы наконецъ, вершины горы; но обѣдня уже опоздала и церковь была заперта. Положеніе ея на такой высотѣ, почти подъ облаками, казался лучшимъ и приличнѣйшимъ мѣстомъ для храма сего Пророка, почитаемаго простымъ народомъ покровителемъ громовъ и бурь. Холодный вѣтръ принудилъ насъ не медля оставивъ гору; мы пошли домой другою дорогою. Не доходя Монастыря *Савина*, пришли къ другому источнику, образуящему прекрасный водопадъ. Падая съ высоты двухъ или трехъ сажень, разбиваясь объ черные мшистые камни, крошилъ онъ густой, осѣняющій его лѣсъ, а далѣе изгибаясь между вѣковыхъ дубовъ, орѣшинъ и шелковицъ, тихо и плавно печетъ по зеленому лугу, и многими изгибами напоивъ сады и огороды, впадаетъ близъ караншина въ море. Сюда чаще всего приходилъ я спрѣлываясь горлицъ. Иногда, прогуливаясь одинъ, восходилъ на высокія и оспрыскалы, висящія тамъ надъ пропастью, и предаваясь пріятнымъ мечтаніямъ, созидалъ себѣ новый міръ, спрививовалъ въ спранахъ его на солнечномъ лучѣ, и въ сіи крашкія минуты мечпанія, почиталъ себя участникомъ небснаго блаженства.

П Р А З Д Н И К Ъ П А С Х И.

Извѣстно, что въ Каполическихъ земляхъ Христіане другихъ исповѣданій перпяшъ уни-
зительное приписаніе. По сему, когда при-
сущствіе наше въ провинціи Капарской сдѣлало
Греческую вѣру свободною, то первый праз-
дникъ Пасхи отправленъ былъ съ великимъ
торжествомъ. Въ субботу ввечеру народъ со-
брался къ двумъ Монастырямъ: *Савину* и *То-
пла*. Въ первомъ полковой Священникъ съ
Игуменомъ отправляли службу, а полковые пѣв-
чіе пѣли на другомъ крылосѣ. Народъ съ вели-
кимъ вниманіемъ вслушивался въ рѣчи Руска-
го Священника, согласное же пѣніе полковыхъ
пѣвчихъ приводило Славянъ въ восторгъ. По
окончаніи заупрени, когда безъ различія со-
стояній и чиновъ начали цѣловаться, то
„Христосъ воскресъ, во истину воскресъ“ про-
износились съ такимъ усердіемъ и радостію,
что сіи обѣщія Рускихъ и Бокезцовъ, сое-
диняя ихъ въ одинъ народъ, изображали
истинное торжество Вѣры. Послѣ обѣдни
сѣдой Игумень, какъ бы вдохновенный во-
схищеніемъ своихъ соотечественниковъ, про-
изнесъ крапкую рѣчь, простую, но весьма
приличную, и въ концѣ оной повергшись
на колѣни и воздѣвъ руки къ Небу, со сле-
зящими очами молилъ о здравіи Императора
и войскъ Его. Онъ умолялъ Всемилосердаго
Творца, да владычество Россіянъ въ сей
обласни продлится до скончанія вѣковъ.

Слабый, дрожащій голосъ, глубокое чувство, выражавшееся на лицѣ его, пронули бы и самое холодное сердце. Многіе пали ницъ и нѣсколько минутъ, уже по окончаніи рѣчи, оспались въ томъ же положеніи. Повсюду слышны были рыданія. Не лзя описатьъ нашихъ чувствованій при семъ столь искреннемъ изъявленіи любви народа. Крестный ходъ, сопровождаемый стройными рядами Рускихъ воиновъ, особенно когда Каполическое Духовенство вышло на встрѣчу процессіи, доставилъ нашимъ единовѣрцамъ полное торжество. Всѣ прежнія обиды и ограниченія свободы богослуженія были забыты и всѣ разошлись по домамъ совершенно довольными.

На другой день Пасхи, рано поутру, звонъ колоколовъ и пальба изъ пушекъ возвѣспили о крестномъ ходѣ. Толпы поселянъ показались на высотахъ; одни поднимались выше въ горы, другіе спускались въ долины. Одинъ приходъ дѣлалъ посѣщенія другому по очереди. Мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ, украшенныхъ цвѣточными вѣнками, опъ каждаго прихода несли крестъ на длинномъ древкѣ, также увипомъ цвѣтами. Подъ крестомъ привязанъ былъ Россійской флагъ первой дивизіи; но кромѣ сего другихъ образовъ не было. Когда процессія переходила опъ одной церкви къ другой, и оспанавливалась при каждомъ домѣ, съ пѣніемъ *Христосъ воскресе*, то стрѣльба изъ ружей всякой разъ возобновлялась. Наконецъ всѣ знамена собра-

лись къ главному Монастырю *Савину*. Жители города встрѣчали каждый приходъ стрѣльбою изъ пушекъ и ружей. Монастырь, стоящій посреди лѣсу, подъ навѣсомъ скалъ и на берегу моря, усѣяннаго множествомъ купеческихъ судовъ, копорыя для сего случая нарочно къ нему приблизились, представлялъ прекрасное зрѣлище. Послѣ обѣдни, Игуменъ благословилъ пасхи, и всѣ разошлись по лѣсу. Каждое семейство сѣло въ кружокъ, посреди коего на коврѣ положена была пасха, холодное, жаркое, вино и плоды. Всѣ безъ исключенія переходили опъ одного кружка къ другому, говорили *Христосъ воскресъ*, цѣловались, садились, опивѣдывали всего по немногу и шли далѣе. Солдаты нашихъ съ трудностію успунали и всякое семейство спаралось удержатъ ихъ за своимъ споломъ. Женщины, большею частію спарухи, занимаясь угощеніемъ, оспавались на мѣспѣ. Послѣ обѣда начались игры. На высокомъ дубу, снявъ кружкомъ кору, сдѣлали мишень; въ другую сторону, на условленномъ разспояніи, положили связаннаго пѣпуха. Избранные судьями спарики сѣли по споронамъ цѣли, подали знакъ, и молодые люди по два вдругъ выходили, скоро прикладывались и стрѣляли одинъ въ мишень, другой въ пѣпуха. Если пуля попадала въ цѣль, зрители поздравляли молодца громкимъ крикомъ, если же пролешала мимо, то смѣялись, а спарики принимали опъ него два гроша пен сверхъи,

одного, копорой всякой спрѣляющій обязанъ заплашишь. Кто въ нѣсколько выспрѣловъ не сдѣлалъ ни одного промаха, получалъ небольшое награжденіе; остальные деньги раздѣляли бѣднымъ и плашили за убишыхъ пшицъ. Искуснѣйшіе спрѣлки разбивали пулею брошенное на воздухъ яйцо или яблоко. Свинцовые или деревянные кружки, *Плоке* ими называемые, и шары (*Бузе*) составляли другія игры. Бѣганіемъ и спрѣляніемъ изъ пистолета занимались мальчики. Спарики, что мнѣ болѣе всего понравилось, на распѣвъ рассказывали славные подвиги своихъ предковъ. Исторія о Королевичѣ *Маркѣ* и храбромъ *Юро Каспріопицѣ* съ большимъ вниманіемъ были выслушиваемы. Качели, копорыя поставили солдашы, очень понравились Бокезцамъ. Цѣлую недѣлю продолжалось празднество; однѣ толпы уходили, а другія засступали ихъ мѣсто.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ГОРЫ.

По разсмопрѣніи призовою комиссіею бумагъ и папенповъ взяшихъ Венусомъ судовъ, не имѣя никакого занятія и будучи свободенъ отъ должности, предпріалъ я объѣхать Капарскую обласъ и Черногорію. Прибывъ во первыхъ въ Капаро, ѣздилъ опшуда въ Добропу, Цераспо, Ризано, Персано и Теодо, и возвратившись въ Каспель-Ново, провелъ спраспную недѣлю въ Мона-

спырѣ Савино, въ поспѣ, моливѣ и христіанскомъ смиреніи. На преній день Пасхи съ семействомъ Белодиновича впопорино отпра-
 вился въ Капаро, и какъ въ сей обла-
 стной сполицѣ не было ни одного пракшира
 гдѣ бы можно ночевать, то приспалъ я у удо-
 вы Пропопоа Пепровича, который рекомен-
 дованъ былъ Белодиновичемъ. Не могу не пох-
 валихся госпепріимствомъ, усердіемъ и доб-
 рожелательствомъ сей почтенной спарушки.
 Принадлежа къ фамиліи Пепровичей, она
 пользуется уваженіемъ, имѣетъ состояніе и
 свой домъ и за всѣмъ шѣмъ живетъ весьма
 умѣренно и уединенно. У ней нѣтъ ни слугъ, ни
 служанокъ; дочь ея Марія, съ которою поз-
 накомился я еще прежде въ домѣ Каспель-
 Новскаго моего знакомца, опправляла всѣ дол-
 жности и распорочноспію своею удивляла
 меня болѣе, нежели слуги въ Англинскихъ
 пракширахъ: она прибирала комнапы, спря-
 пала на кухнѣ, подавала кофе, усцѣвала къ
 обѣду какъ можно лучше нарядишся и буду-
 чи очень пригожа, находила время удѣляшъ
 мнѣ часъ своего вниманія. Спарушка оп-
 мѣнно полюбила меня по одному случаю. Она
 получила письмо опъ сына изъ Смирны и съ
 крайнимъ неперпѣніемъ ожидала другаго уш-
 ра, когда на одинъ часъ приходилъ работникъ,
 для услугъ, дабы послашъ его за попомъ для
 прочпенія ей письма. Возвращаясь изъ замка
 къ обѣду, хозяйка моя, по обыкновенію маше-
 рей, выхваляла мнѣ рѣдкія доспоинспва сво-

его сына и въ доказательство, что онъ очень ученъ, подала мнѣ его письмо. Я прочелъ адресъ, старушка сплеснувъ руками, съ радостію спросила, не уже ли я грамошной? и когда научился чишать по Славянски? Я не прошиву-рѣча въ первомъ, развернувъ прочелъ ей письмо, въ кошоромъ, кромѣ нѣсколькихъ словъ почти ничего не понялъ. На другой день, пригласила она на скромный ужинъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и со слезами на глазахъ представляла меня каждому, увѣряя, что я великой человѣкъ и даже знаю грамошѣ!

Добрая моя хозяйка доставила мнѣ случай побывать въ Черной горѣ. Опецъ Спиридоній, прихода ея Священникъ, сыскалъ мнѣ проводника, и я по даннымъ мнѣ наставленіямъ спѣшилъ сдѣлать маленькія пріуготовленія. Взялъ съ собой фуншовъ десянь поро-ху, купилъ кремней, бисеру, спакановъ и рюмокъ, синяго спекла, и нѣсколько кусковъ сахару положилъ въ карманъ, дабы сими бездѣлушками, даришь въ знакъ памяти, шѣхъ хозяевъ, у коихъ буду ночевать. Въ продолженіи моихъ сборовъ Мишпрополишъ пріѣхалъ въ городъ, я за долгъ почелъ просить его соизволенія. Его Высокопреосвященство охотно согласился на мое желаніе, убѣждалъ имѣть снисхожденіе къ обычаямъ народа, всѣмъ сердцемъ и душою любящихъ Рускихъ. (Собственныя его слова). Приказалъ одному вишязю изъ своей гвардіи, роспомъ почти въ сажень, провожать меня всюду, куда бы я ни поже-

лалъ, и отпуская меня, увѣрилъ, что я буду принятъ съ усердіемъ и должнымъ уваженіемъ. Первый проводникъ мой не хотѣлъ уступить чести охранять меня Митрополишскому; они долго спорили, сердились и не знаю какъ успѣлъ помирить ихъ отецъ Спиридоній.

Чтобы казаться болѣе военнымъ, взялъ я съ собою одну шинель, препоясалъ длинную саблю, которою могъ бы опрубить носъ въ сажени отъ себя разстояніемъ, а корпикъ, вмѣсто кинжала, зашкнулъ за поясъ. Въ четвергъ святой недѣли къ вечеру, пѣшкомъ и съ посохомъ въ рукахъ отправился я въ путь съ однимъ мапрозомъ, весьма смышленнымъ, проворнымъ, и на храбрость коего при случаѣ могъ совершенно положиться; я говорю сіе послѣднее по тому, что Черногорцы дорогихъ гостей своихъ любятъ встрѣчать и провожать ружейными выстрѣлами, такъ что пули свистятъ мимо самыхъ ушей. Въ Скальари деревнѣ, лежащей въ прекраснѣйшей долинѣ близъ Кашаро, дали мнѣ лошака и мы начали подниматься на гору, которой вершина упиралась въ облака. По пропикъ, извивающейся улишкою, достигли мы до крѣпости *Тринита* (Святая троица или лучше до четвероугольной башни, стоящей на границѣ Черногоріи и защищающей дорогу отъ Кашаро въ Будуа. Гора, на которую отсюда намъ должно было всходить, стояла еще выше первой, вершина ея терялась въ облакахъ. Солнце заходило,

спановилось темно; до Цепина, гдѣ располагалъ ночевать, оставалось еще верстъ 18; дорога шла на такую крупизну и мимо такихъ ужасовъ, что я прилегли на шею лошака, качался надъ краемъ бездонной пропасти, голова у меня закружилась и я просилъ остановиться въ первой деревнѣ. Проводникъ увѣрялъ, что нѣтъ никакой опасности, и что я непременно долженъ ночевать у него въ Цепинѣ, какъ вдругъ услыхали пронзительные дикіе крики; со мною бывшіе опивъчали такими же голосами; невольный страхъ овладѣлъ мною и еще болѣе увеличился, когда догнали мы у ключа *Кровавацѣ* называемаго, паршію Черногорцовъ, возвращавшихся съ торгу изъ Капаро; они обспупили меня, одинъ спрашивалъ почто ли я Руской? другой, Христіанинъ ли я? а третій подозрѣвалъ не Каполикъ ли я? однакожь, удовольствовавшись моими опивъшами и увѣреніями. Мипрополипскаго вищязя, хопѣли, чтобъ я пересѣлъ на ихъ осла, цѣловали руки мои и полу плашья, а между тѣмъ тащили меня долой; начался между ими жаркой споръ; я боялся, что начнется драка; наконецъ посадивъ машроза на осла, меня оставили на лошака и мы спокойно продолжали путь. Около 10 часовъ провожающіе мои сдѣлали нѣсколько выспрѣловъ и вдругъ всѣ закричали, попомъ шѣлохранипели мои увѣдомили меня, что мы скоро остановимся въ селеніи *Мирацѣ*. Подъѣзжая къ оному, слышали мы смятенные кри-

ки, ночь была довольно темна, и я обрадовался, увидѣвъ близко нѣсколько зажженныхъ свѣпочей, это была толпа мальчиковъ съ пучками горящей соломы; при въѣздѣ въ деревню, меня спѣснили, остановили лошака. Первый, копорый подошелъ ко мнѣ, былъ Князь (пишло принадлежащее сельскимъ начальникамъ), онъ рѣшишельно объявилъ мнѣ, что я долженъ ночевать у него.

Мнѣ нечего было шупъ разсуждать, и я, повинувся приказанію, пошелъ за нимъ. Князь остановилъ меня предъ воротами, вошелъ въ домъ, скоро возвратился, взялъ меня за руку и ввелъ въ избу. Представивъ должно мое изумленіе, расположеніе очень похоже на наши крестьянскія свѣплицы. Меня посадили въ уголъ подъ образа, возлѣ меня мапроза, копорый безпрестанно вспавалъ съ лавки, я на силу увѣрилъ его, что здѣсь онъ долженъ дѣлать что намъ прикажутъ. Вошла молодая женщина (младшая въ домѣ невѣспка), поставила на полъ къ ногамъ моимъ деревянную чашу воды, съ робоспію поклонилась, поцѣловала у меня полу мундира, у мапроза руку, онъ вскочилъ и чуть не засмѣялся, потомъ спала на колѣни, сняла съ меня сапоги, посмопрѣла ихъ съ любопытствомъ, сняла чулки, словомъ, мнѣ и мапрозѣ вымыли ноги. Послѣ сего Князь предложилъ мнѣ Пасху, копорая стояла на накрытомъ столѣ, и все его семейство христосовалось со мною равно и съ поваришемъ моимъ. Подали умыть

руки, зажгли свѣчку предъ образами, принесли вареную курицу, и копченую баранину, помолились и одинъ хозяинъ сѣлъ между нами за столъ, дѣти служили, а пришедшіе смотрѣли на насъ и говорили между собою. Послѣ ужина поспѣхъ положили насъ спать въ особомъ чуланѣ, на доски покрытыя ковромъ, Князь легъ возлѣ насъ, а сынъ съ оружіемъ и не раздѣваясь повалился у дверей, и сей часъ оба захрапѣли. Я долго не могъ заснуть и смотрѣлъ на кровлю, сквозь копорую свистѣлъ вѣтръ. Всякое движеніе моихъ хозяевъ, не знаю по чему, приводили меня въ страхъ: я подвинулъ къ себѣ длинную мою саблю, и хопя въ воображеніи моемъ не находилъ причины опасаться, однакожъ былъ готовъ къ оборонѣ; но упомненіе сомкнуло глаза и я часа три спалъ очень крѣпко.

Рано съ солнцемъ, громкій голосъ моего Князя, разбудилъ меня. Вопросъ его, хорошо ли я отдыхалъ? считалъ я приказаніемъ, почему вспалъ и пошелъ за нимъ, располагая немедленно опираться въ дальнѣйшій путь; но я ошибся и скоро удостоверился, что не могу ничѣмъ располагать. Нѣсколько старѣйшинъ изъ семействъ ожидали уже меня на дворѣ и лишь я показался, просили удостоить ихъ посѣщеніемъ, и такъ я пошелъ за первымъ, который подошелъ ко мнѣ, мапрозъ пошелъ за другимъ. Насилу избавили меня отъ омовенія ногъ, подали яичницу и пшеничной только что испеченый и весьма вкусной хлѣбъ.

Представьте мое удивленіе, я долженъ былъ обойти 20 дворовъ и вездѣ непременно ѣспѣ или по крайней мѣрѣ всего отвѣдать. При входѣ и выходѣ изъ дому я долженъ былъ перецѣловать все семейство, а если я дарилъ ребенка кусочкомъ сахара, то всѣ цѣловали меня. Наконецъ перецѣловавъ по нѣскольку разъ всю деревню, мнѣ подвели лошака, посадили, пожелали добраго пути и начали спрѣлять; мапрозъ мой напился такъ, что его принуждены были положить поперекъ на спину осла. Я позабылъ сказать, что когда переходилъ изъ дому въ домъ, меня сдавали съ рукъ на руки, точно такъ какъ бы какую вещь, и напоминали хранишь меня, какъ зѣницу ока!

Дорога до Цепина, шла мимо ужасныхъ пропастей и глубокихъ овраговъ, кое гдѣ, видны были виноградники, маленькіе сады, и площадки хлѣба, уже съ четверть вышиною, съ права и съ лѣва были Коложунъ и Ловчинъ высочайшія изъ горъ, коихъ кремнистая цѣпь съ висящими скалами на каждомъ шагу представляли трудныя дефилеи и такъ сказать непреодолимая твердыня вольности Черногорцевъ. Въ монастырь Цепино, мѣстопробываніе Мишрополиша, прибылъ я въ полдень, и остановился въ домъ перваго моего провожающаго. Не смотря на убѣдительное приглашеніе монаховъ, я не прежде могъ посѣтить ихъ, какъ начали звонить къ вечернѣ. Цепино лежитъ въ глубокомъ долу, покры-

помъ зеленю и садами. Монастырь, окруженный зубчатыми стѣнами съ башнями и пятиглавая церковь, напомнили мнѣ окрестности Москвы; я забылъ, что нахожусь такъ далеко отъ оной. Тутъ показывали мнѣ грамолы Императоровъ нашихъ отъ Петра, и подарки, состоящіе въ богатыхъ ризахъ, сосудахъ, образъ Божіей Матери, принесенный въ даръ Екатериною Великою, обложенъ жемчугомъ и брилліаншами дорогой цѣны.

Не стану входить въ подробности гостепріимства Черногорцевъ; оно должно удивить и Рускаго, но скажу, что наиболѣе сдѣлало на меня впечатлѣніе. Я видѣлъ Спарту, видѣлъ въ полномъ смыслѣ слова Республику, опечесство равенства и истинной свободы, гдѣ обычаи замѣняютъ законъ, мужество стоитъ на стражѣ вольности, несправедливостъ удерживается мечемъ мщенія, удивлялся возвышенности духа, горделивости и смѣлости того народа, котораго имя наводитъ страхъ всѣмъ ихъ сосѣдямъ. Образъ же ихъ жизни, неисторченность нравовъ и отчужденіе всякой роскоши, истинно достойны всякой похвалы. Три дни проведенныя мною между ими, я такъ сказать перенесенъ былъ въ новый міръ и познакомился къ предками моими 9-го и 10-го столѣтія, видѣлъ предъ собою простоту Папріаршескихъ временъ, бесѣдовалъ съ Ильею Муромцомъ, Добрынею и другими богатырями нашей древности. Дикость характера, жестокость противу

непріятелей, побуждаешъ ихъ вести непре-
рывную войну прошиву всѣхъ сосѣдей, ибо
довольствуясь своими произведеніями, и не
имѣя въ нихъ надобности находяшъ для себя
оную полезнымъ упражненіемъ. Сей обычай,
проистекающій опъ необразованности, пере-
вѣшивается чистотою нравовъ, повиновеніемъ
къ родителемъ и семейственнымъ щасіемъ.
Собравъ подробныя свѣденія о Черногоріи и
Капарской обласпи, я постараюсь съ точ-
ностію изобразить свойства народа, по про-
исхожденію и вѣрѣ, споль къ намъ близкаго,
а по преданности, любви и усердію къ Рос-
сіи, тѣмъ болѣе достойнаго вниманія моихъ
соотечественниковъ, что страна сія еще ни
однимъ путешественникомъ не была описана.

Вмѣсто того, чптобы ночевать въ Спа-
невичахъ, меня оппустили изъ Цепине, на
другой день послѣ обѣда, гораздо уже за
полдень. Боясь темной ночи остановился
ночевать, не доѣзжая перваго Монастыря, въ
Бѣлоши, болшемъ селеніи и уже на пя-
тый день, проѣхавъ не болѣе 70 верстъ, чрезъ
Спаневичъ, Будуа, возвратился въ Порто Ро-
зе, а опшуда въ Каспель-Ново, гдѣ спояла
моя шребака. Такимъ образомъ объѣхалъ я
Капарскую обласпъ, и въ продолженіи вре-
мени собралъ доспапочныя свѣденія для вѣр-
нѣйшаго ея описанія; за всѣмъ тѣмъ, оныя
были бы несовершенны и поверхностны, если

бы не спарался я, собственныя мои сужденія повѣришь съ показаніями многихъ знающихъ особъ; наиболѣе же обязанъ К. В. Р. у, который доставилъ мнѣ самое подробное описаніе одного Австрійскаго Инженера, сочинившаго и карту (*). Но какъ сей Офицеръ, увлекаясь духомъ Каполицизма, представилъ характеръ народа совершенно въ искаженномъ видѣ, то я заимствовалъ ошъ него только статистическое и частію историческое описаніе.

Не могу умолчать о двухъ случаяхъ, которые могутъ показать до какой степени Черногорцы набожны и преданы Государю. Въ Бѣлоши приходской Священникъ принесъ свѣщцы, дабы сказалъ я ему, Кіевской ли онѣ печати? Я развернулъ и спалъ чипашъ. Всѣ бывшіе въ избѣ вспали, и когда я переспалъ, просили, чпобъ еще прочелъ нѣсколько молитвъ. Я обратился тогда къ образамъ, всѣ начали молиться, сдѣлалась тишина и слышны были вздохи, которые до того распространили меня, что едва могъ удерживать слезы. По окончаніи чпенія, умиленіе изображено было на лицахъ каждаго, разговоръ кончился сожалѣніемъ, что они шакъ далеко живутъ ошъ Россіи, и не могутъ видѣть великолѣпія

(*) Смотри въ концѣ книги.

нашихъ храмовъ и молился въ нихъ Богу. Другой случай доставилъ мнѣ удовольствіе столь же великое. Первому моему провожатому подарилъ я портретъ Государя. Узнавъ чье изображеніе держишь въ своихъ рукахъ, запрепещалъ онъ отъ радости, обнялъ меня съ восхищеніемъ, цѣловалъ руки, благодарилъ несвязными словами, приложилъ портретъ къ груди, потомъ перекрестился, поцѣловалъ оный съ благоговѣніемъ, далъ приложиться своимъ домочадцамъ, показывалъ каждому и наконецъ прилѣпя къ доскѣ поставилъ къ образамъ.

О П И С А Н І Е П Р О В И Н Ц І И Б О К О Д И К А Т А Р О. (*).

Провинція сія составляла часть *Венеціанской Далмаціи* и лежишь вокругъ залива, который въ древнія времена извѣстенъ былъ подъ именемъ: *Sinus Rissonicus*. Нынѣ называютъ его *Бoko ди Катарo* т. е. входъ въ *Катарo*, или устье *Катарское*, отъ чего и жилили именующаяся *Бокезцали*. Заливъ простирается отъ запада къ востоку на 40 верстъ. Устье его

(*) Нѣкоторые называли ее *Венеціанскою Албанією* и подъ симъ именемъ разумѣли Славянъ Греческаго исповѣданія; но сіе несправедливо, ибо *Албанцы* суть Греки.

образуется мысомъ *Остро* отъ сѣвера и мысомъ *Яница* отъ юга; посреди находящся голый островокъ *Яница*, а ближе къ южному мысу, еще меньшій, называемый *Мадона ди Яница*. Сіи два острова составляютъ прихода. Корабли должны держатъ ближе къ *Остро*, идши прямо на *Кастель-Ново*, и на 15 и 18 саженьхъ глубины, гдѣ грунтъ илъ, бросатъ якорь. Купеческія суда останавливаются у караншина на 7 и 8 саженьхъ глубины и въ *Порто-Розе*, что противъ города, гдѣ прикрѣпляются къ берегу канатомъ. Глубина во всемъ заливѣ достаточна и для военныхъ кораблей. У самыхъ стѣнъ *Катаро* 7 сажень, грунтъ вездѣ илъ. Ширина *Кастель-Ново* 420, 21' сѣверная.

Пространство, число жителей и границы.

Область лежитъ вокругъ залива (почему жители также называются *приморцами*) и имѣетъ видъ треугольника, котораго самая большая сторона 120, а меньшая 70 верстъ. Населеніе ея полагаютъ одни до 40.000, другіе около 60.000. Граничитъ къ сѣверу съ *Герцоговиною*, къ востоку съ *Черногорією* и *Албаниєю*, а къ югу и западу съ *Адриатическимъ моремъ*. *Рагузинская Республика*, боясь болѣе *Венеціанъ*, нежели *Турокъ*, купила у первыхъ

съ одной и другой спороны полосу земли въ двѣ мили шириною, дабы тѣмъ удалилъ границы свои отъ *Катаро* и *Далмаціи*.

Раздѣленіе.

Область раздѣляется на слѣдующіе восемь *коммунитатовъ* или *округовъ*: 1) *Кастель-Ново*, 2) *Катаро*, къ которому причисляются *Персано*, *Столиво* и *Теодо* 3) *Доброта*, 4) *Перасто*, 5) *Ризано*, 6) *Картоли* и *Луспица*, 7) *Зупа*, 8) *при округа* и *Паспросиги*. Первые четыре не имѣютъ большого населенія; въ нихъ живутъ Каполическаго и Греческаго исповѣданія Славяне; послѣдніе же округа гораздо многочислнѣе первыхъ и жили оныхъ вообще Греческой вѣры.

Кастель-Ново.

Нѣсколько полуразвалившихся домовъ составляютъ строеніе въ *Кастель-Ново*; въ немъ нѣтъ ни одной лавки, и кромѣ бѣднаго прахтира съ изорваннымъ билліардомъ, нѣтъ никакой приманки Офицерамъ. Каполическая церковь и Капуцинскій монастырь служатъ только для 400 городскихъ жителей; для Славянъ же Греческаго исповѣданія, составляющихъ большую часть населенія сего округа, монастыри *Савино* и *Топла*, недалеко отъ города находящіеся. Предмѣстіе имѣетъ лучшія

зданія. Окреспности, особенно долина *Купи*, представляють живописныя мѣста. *Кастельновцы* отправляютъ значительную торговлю.

Король Босній *Гварлео* построилъ сей городъ въ 1373 году, и съ того времени сохранилъ онъ названіе *новой крѣпости*. Онъ претерпѣлъ многія несчастія отъ осадъ и землетрясенія. Испанцы съ помощію Венеціанъ взяли оный въ 1538 году. Въ слѣдующемъ году, едва Испанцы окончили крѣпость *Еспаньолу* славный Турецкій Адмиралъ *Барбаросса*, прибывъ съ 200 галеръ и 30.000 человекъ войска, взялъ ее штурмомъ. Безъ успѣха покушались возвращить ее Венеціане и крѣпость находилась во власти Турокъ 46 лѣтъ. Наконецъ въ 1584 году Венеціане, соединенно съ Мальтійскими Кавалерами, подъ предводительствомъ Генерала *Корнера*, принудили крѣпость сдаться на капишуляцію.

Крѣпость составляетъ неправильный четвероугольникъ съ высокими по угламъ башнями. Верхняя часть, называемая *сухопутный замокъ* (castel di terra), находится на горѣ, имѣетъ круглую башню *Санъ - Кьяро* съ двумя ярусами пушекъ и съ казематомъ, безопаснымъ отъ бомбъ, но спѣны между башенъ, служащія только для ружейной обороны, такъ высоки, что когда непріятель приблизится, вредить ему не можно. Нижняя часть крѣпости или *морской замокъ* (castel di mare) отъ землетря-

сенія совсѣмъ почти разрушенъ. Подземные ходы, сообщенія по спѣнамъ и казематы большею частію упали. Крѣпость *Еспаньола*, лежащая на высотѣ, господствующей надъ окрестностями, составляетъ лучшую защиту *Кастель-Ново*. *Еспаньола* квадратное укрѣпленіе съ 4-мя по угламъ башнями, со рвомъ и полумѣсяцомъ съ сѣверной только стороны. Каждая сторона въ 30 сажень длины; высота спѣнъ, которыя очень тонки и сдѣланы для ружейной обороны, 23 фута. Однѣ только башни вооружены пушками въ два яруса; казематы въ нихъ безопасны отъ бомбъ. Внутри крѣпости пороховый магазинъ, *цистерна* (*) и развалившаяся часовня. По трудности дорогъ, которыми не возможно почти доставлять Артиллеріи, осада *Кастель-Ново* останется безуспѣшною, если только непріятель не будетъ имѣть во власти своей море. Впрочемъ безъ защиты флота составляетъ она весьма неважное укрѣпленіе. Адмиралъ *Сенявинъ* укрѣпилъ *Еспаньолу* наилучшимъ образомъ.

Заливъ отъ *Кастель-Ново* до *Катаро* называется *каналомъ*. Оставя большую *Кастель-новскую* рейду и обогнувъ мысъ *Кулбуръ*, увидишь обширный плёсъ *Теодо*, котораго

(*) Высѣченный въ камень колодезь, въ которой наливается вода.

раго лѣвый берегъ украшенъ прекрасными домами, мелькающими въ густоплѣ плодосныхъ садовъ, и виноградниковъ; правый низокъ, и также усѣянъ загородными домами; а къ сѣверу возвышающіяся крупные, голые утесы. Вдали на южной сторонѣ плеса, на не большомъ островѣ *Спрадїоти*, видна древняя гопическая церковь *Св. Марка*, окруженная полуразвалившимися стѣнами. Далѣе заливъ составляетъ узкій прошокъ воды, называемый *Ле Катене* (*); ширина его мѣстами не болѣе версты; горы, стоящія по обѣимъ сторонамъ, кажутся, сходящіяся между собою и представляющъ огромныя воропа; печеніе опъ воспока шупъ очень сильно. Проходя симъ каналомъ шлюпка кажется упавшею съ неба. Съ сего мѣста заливъ поворачивается къ югу; въ самомъ углу его показывается *Катаро*. Я не видалъ ужаснѣе и прелеснѣе сего мѣста. Огромныя, кремнистыя красноватаго цвѣта горы въ безпорядкѣ навалены одна на другую; *герная гора* и *Ловтинѣ*, самыя высочайшія изъ нихъ, выказываютъ изъ облаковъ свои снѣжныя вершины. Продолговатый морской заливъ представляетъ озеро, лежащее на днѣ глубокаго и темнаго оврага, котораго берега почти сплошь усѣяны крѣпостями, городами и селами. Пре-

(*) По Славянски *верига*, т. е. *цѣпь* и названъ такъ потому, что нѣкогда заперался цѣпью.

красныя строенія , множество кораблей и зеленъ плодоносныхъ садовъ, въ узкихъ долинахъ скрывающихся , украшая сіе испинно романтическое мѣсто , составляющъ очаровательную противоположность съ унылымъ видомъ безплодныхъ горъ.

К а т а р о .

Не видя еще укрѣпленій, одинъ взглядъ на *Катаро* наводитъ ужасъ. Высокая, почти падающая скала , обнесена каменными стѣнами, по оврагамъ и чрезмѣрной крупизнѣ неподражаемымъ образомъ ульпленными. Крѣпость какъ будто опущена въ кошелъ , надъ копорымъ голыя горы стоятъ наклонившись. На вершинѣ виденъ замокъ; что бы взглянуть на него, надобно нагнуть назадъ голову, и устремить глаза вверхъ. Тамъ подъ облаками развѣвается Императорскій флагъ , а лучи солнца играютъ на Рускихъ штыкахъ.

Городъ построенъ при подножѣ горы у моря ; двѣ узкія улицы и небольшая площадь составляютъ лучшую его часть. Тутъ находясь хорошія и огромныя строенія. Дома очень темны , ибо съ одной стороны заслоняетъ ихъ гора, а съ другой высокая крѣпостная стѣна. Прочіе дома разбросаны по косогору и стоятъ одинъ надъ другимъ. Что бы перейти изъ дома въ домъ , надобно лезть внизъ и вверхъ по дурнымъ лѣспницамъ, высѣченнымъ въ горѣ. Нѣкоторыя дома половиною

прислонены къ горѣ, а другіе стоятъ надъ горою такъ, что съ верхней улицы имѣютъ одинъ этажъ, а съ нижней при и чепыре. Во время дождя опасно ходишь, ибо вода по симъ лѣспницамъ течетъ очень быстро, но сіе неудобство доставляетъ ту выгоду, что дворы и улицы становящся послѣ дождя чисты и грязи въ городѣ никогда не бываетъ. Въ *Ка-таро* считается три женскихъ монастыря, одинъ Францисканской и одинъ спраннопріимной, всего 17 церквей и одна Греческая церковь Евангелиста *Луки*. Въ соборной католической церкви *Св. Трифона* хранятся часши мощей. Въ день сего святаго Венеціанское правительство, въ память мужественной защиты города гражданами, угощало ихъ публичнымъ столомъ и на этотъ день вручало имъ ключи и караулы крѣпости въ полное распоряженіе. Жителей, большею частью поселившихся здѣсь Италіянскихъ семействъ, считается до 4.000. Хотя дамы и сдѣданы явно имѣть у себя кавалеровъ *сервенте*: но строгая нравственность Славянъ много уже испортилась; однакожь все еще далеко до разврата большихъ городовъ. Дворянство вѣжливо и гостепріимно; въ *Казино* (*) собирается лучшее общество. Тутъ бывають и балы. Разумѣется, ихъ дають Рускіе Офицеры; *Бокезцы* не любятъ танцовать, а еще менѣе прапирь

(*) Кофейный домъ.

деньги только для того, какъ говорятъ они, что бы *вспотѣть*. Увеселительные поѣздки на лодкахъ въ *Доброту*, *Мулу* и *Перцаньо* ими предпочищаются. Вообще жить здѣсь скучно; кромѣ прогулки на валу и къ деревнѣ *Скаль-яри*, лежащей въ прекрасной долинѣ, нѣтъ другаго мѣста къ защищѣ себя отъ солнца. Лѣтомъ въ полдень камни такъ раскаляются, что зной въ городѣ бываетъ несносенъ; зимою же, отъ высоты горъ, солнце показывается только на нѣсколько часовъ, и когда на горахъ еще день, въ городѣ уже вечеръ. Каждую субботу и воскресенье у воротъ *Фьюмберы* собирается на базаръ множество *Черногорцевъ*. Удивляясь надобно, какія тяжелыя ноши по ужаснымъ горамъ носятъ бѣдныя женщины, а еще болѣе тому, что дюжіе и сильные мужья ихъ идутъ за ними, съ однимъ только ружьемъ на плечѣ.

Что бы избавишься жару, пошелъ я еще до разсвѣта на гору, гдѣ находится замокъ *Санъ Жуани*. Дорога, высѣченная уступами, шла самыми крупными излучинами. Скала сія гораздо круче *Гибралтарской*. Я начелъ болѣе тысячи ступенекъ, успалъ, наскучилъ считая и не былъ еще на половинѣ горы. Усилія мои, взойши до восхожденія солнца на вершину горы, такъ утомили меня, что мнѣ сдѣлалось бы дурно, еслибы спаканъ холодной какъ ледъ воды, которой подалъ мнѣ караульный унтеръ-офицеръ, не оживилъ меня. Ключъ, бьющій изъ камня на самой вершинѣ скалы,

составляетъ величайшую удобность для крѣпости, лежащей подъ облаками. Укрѣпленія ширѣ удивительны и лежатъ выше горизонта воды на 600 футовъ. Между замкомъ и крѣпостью, по положенію горы, сдѣланы стѣнки или брустверы такимъ образомъ, что защищая одна другую, отдѣляютъ городъ отъ замка. За сими брустверами, два укрѣпленія *каземата* и *Пьяца-Саранцо* построены такъ, что защищаясь сами собою и взаимно помогая другъ другу, способствуютъ и нижней городской крѣпости. Въ каждомъ сдѣлана чистерна и казематы; для защиты довольно 8 пушекъ и 100 солдатъ. Отсюда можно скапывать въ городъ большіе камни. Замокъ же, лежащій на самой вершинѣ, по высотѣ своей, мало способствовать можетъ крѣпости. Стѣны его тонки и удивительнымъ образомъ утѣплены по оврагамъ и пропастямъ; въ нихъ сдѣланы прорѣзы для ружейной обороны. Пушки большею частію мѣдныя, длинныя и малаго калибра. Нѣкоторыя изъ нихъ утверждены въ стѣнахъ на верпюгахъ, какъ фалконеты, и въ казенной части имѣютъ длинные четверугольные прорѣзы. Здѣсь есть нѣсколько такихъ пушекъ, какія употреблялись въ самомъ началѣ изобрѣшенія огнеспрѣльнаго оружія, то есть, кованыя изъ желѣзныхъ прутьевъ. Большія пушки 48 фунтоваго калибра и мортиры поставлены къ сторонѣ *Доброты* и ширѣ стѣны гораздо толще. Удивленія достойно какою силою Венеціане втащили ихъ сюда.

Пороховый погребъ и арсеналь покрыты толстымъ сводомъ и безопасны отъ бомбъ. Въ послѣднемъ показывали мнѣ длинныя ружья (*пронбоны*) на верплюгахъ; они заряжаются фуншовымъ ядромъ и весьма удобны для гребныхъ судовъ, также на корабляхъ во время *абордажа*. Съ южной стороны замка возвышается крупая скала, на которую одни только Черногорцы могутъ взбираться. Иногда они забавлялись, стрѣляя въ Австрійскихъ часовыхъ; но выстрѣлы по чрезмѣрной высотѣ не дѣйствительны. Если и городъ будетъ взятъ, то замокъ не иначе можно принудить къ сдачѣ, какъ однимъ только изнуреніемъ.

Съ одной стороны, опираясь о стѣну, съ другой удерживаясь за низкія перила, по лѣстницѣ узкой и крупной, взошелъ я на самую верхнюю часть замка, и лишь спунилъ послѣдній шагъ, то отъ невольнаго спраха закрылъ глаза. Представьте себя на такой высотѣ, куда не смѣешь вползати змѣя, а развѣ взлестати можешь только орелъ, прямо надъ глубокою, никогда не освѣщаемою солнцемъ пропастью, на днѣ которой съ ужаснымъ ревомъ, съ камня на камень падаетъ рѣка (*Fiume* называемая), подмывающая подошву горы и впадающая по сѣверную сторону города въ море. Надъ головою, подымается другая скала столь высокая, что не скинувши шляпы, не можно видѣть ея вершины. Безплодныя горы, въ безпорядкѣ набросанныя одна на другую, одна другую превышающія, бурный шумъ па,

дающей рѣки, представляли природу во всей ея дикости и ужасѣ; но опустя глаза внизъ, видишь ее во всемъ величїи и красотѣ: зелень, сады, строенїя и корабли, представляющїеся въ углубленїяхъ между горъ и въ заливахъ, оживляя унылое мѣстоположеніе, заставляли удивляться столь близкому сосѣдству плодородїя и безплодїя. Городъ лежалъ у меня прямо подъ ногами, въ немъ не видно было улицъ, а все казалось домиками. Скалъ горы, на вершинѣхъ коей я стоялъ, были столь крупны, что еслибъ бросить ядро, то оно должно бы скапиться до домовъ. Капарская губа въ отдаленномъ краю, подобна была блюду, налишному водою, въ котломъ, для забавы дѣшей, разставлены маленькіе кораблики. Фрегатъ Михаилъ, появившійся близъ крѣпости, казался моделью, котрую одною рукою можно поставишь на столъ; купеческія суда, вдали лежащїя на якоряхъ, чуть замѣтны были черными пятнами, а лодки, идущїя подъ парусами, уподоблялись мушкамъ, надъ поверхностью воды летающимъ. Холодный вѣтеръ, не смотря на солнечный жаръ, принудилъ меня оставишь замокъ, и я сошелъ внизъ или лучше покапился и покапился такъ скоро, что въ полчаса пробѣжалъ то пространство, по котрому всходилъ въ верхъ около двухъ часовъ.

Неприспущное положеніе и прекрасная ключевая вода понудили построишь шпъ городъ, и замокъ былъ первое его укрѣпленіе; когда же городъ распространился, то и его

обнесли валомъ и соединили съ замкомъ спѣ-
нами, копорыя соспавляютъ преугольникъ.
Въ 1667 году, послѣ большого землетрясенія,
Венеціане укрѣпили городъ семью баспіонами
или плашформами; курпины между баспіона-
ми защищающія тонкими спѣнами для ру-
жейной обороны; высота ихъ отъ 25 до 28
фушовъ, толщина же 5 и 6 фушовъ. Природа
сдѣлала здѣсь больше, нежели искусство; крѣ-
пость можно атаковать только съ одной сто-
роны отъ сѣвера; но путь два фаса съ зем-
ляными валами окружены водянымъ рвомъ,
а за ними рѣчка, въ которой зимою бываетъ
6 фушовъ воды. Лѣтомъ она высыхаетъ, но ло-
же рѣки шириною въ 60 сажень, препятст-
вуетъ дѣлать траншеи, ибо на полтора фу-
та показывается вода. Высоты надъ дерев-
нею *Доброта* представляютъ возможность
построить на оныхъ батареи; причемъ необ-
ходимо, что бы непріятель господствовалъ
надъ моремъ, ибо другимъ путемъ не лзя при-
везти артиллерію. Дикой песаной камень такъ
искусно сложенъ, что хотя въ нѣкоторыхъ
мѣстахъ спѣны отъ землетрясенія и пресну-
ли, но особенной прочності извѣстка дер-
житъ ихъ и онъ конечно простоятъ въ семь
положеніи еще нѣсколько вѣковъ. У южныхъ
воротъ, копорыя защищающія башнею и спѣ-
ною, построенною сзади башни, подъ арками
подъемнаго моста, обширнымъ жерломъ шу-
мѣтъ ключъ, способный обращать колесо
мельницы. Вода лѣтомъ бываетъ холоднѣе,

чѣмъ зимою. Не самъ ли Моисей ударомъ жезла испочилъ здѣсь воду изъ камня?

Катаро, до поспроенія нынѣшнихъ его укрѣпленій, много разъ былъ осаждаемъ. Соединенное въ 1301 году нападеніе Турокъ, Венеціанъ, Рагузинцовъ и Кроаповъ было неудачно. Еще до изобрѣшенія пороха въ 1378 году Венеціанскій Адмиралъ *Веторѣ Пизани* взялъ городъ штурмомъ. Ограбивъ оный, онъ увезъ съ собою уважаемыя народомъ мощи *Св. Трифона*. Нынѣшніе грабители Европы, взявъ *Римъ* и *Лоретту*, брали одно только серебро и золото — вопль какъ нравы перемѣняются! Въ 1420 году съ помощію Паспоровичанъ, жипелей сей провинціи, Римскій Король *Сигизмундъ* взялъ впопрично *Катаро*. Въ 1539 Турецкій Адмиралъ *Барбаросса*, взявъ *Кастель-ново*, два раза штурмовалъ крѣпость, но съ великою потерею принужденъ былъ удалиться. Въ 1563 году землетрясеніе разрушило почти весь городъ; двѣ трети жителей погибли въ развалинахъ. Въ 1570 году Турецкій Адмиралъ *Пертаре* съ большимъ флотомъ приступилъ къ крѣпости, и послѣ значительной потери, опасаясь прихода Венеціанскаго флота, который могъ бы запереть его въ узкомъ заливѣ, не высаживая войскъ, поспѣшно отплылъ. Въ 1571 году Турки, овладѣвъ *Черногоріею*, осадили *Катаро* съ сухаго пущи и въ каналѣ *Ле-Катене* поспроили крѣпость съ 18 пушками, коюрой развалины и теперь еще видны; но Венеціанскій Адмиралъ,

прибывъ изъ *Корфы* съ 25 галерами, взялъ эту крѣпость и принудилъ Турокъ снять осаду *Катаро*. Въ 1657 году 20.000 Турокъ осаждали крѣпость два мѣсяца; но какъ при крѣпости была небольшая флотилія, то гарнизонъ, получая посредствомъ оной съѣстные припасы, мужественно защищался, и хотя со стороны *Доброты* сдѣланъ былъ брешь, однако Турки при штурмѣ съ великимъ урономъ были отбиты. Въ 1667 году другое землетрясеніе погребло подъ развалинами города болѣе половины народа. Послѣ сего не было уже столь сильныхъ, а изрѣдка, почти чрезъ каждые два года, бывающъ небольшія потрясенія, не причиняющія вреда, и жители привыкли къ онымъ такъ, что и не думаютъ объ нихъ. Язва также два раза посѣщала сей городъ; она завезена была на судахъ изъ Леванта. Съ берегу охраняющъ отъ сего бича человеческого рода Черногорцы, не имѣющіе сообщенія съ Турками.

Персано, *Столиво* и *Теодо* составляютъ Коммунипашъ *Катарскій*, иначе *Міотевитескилиѵ* называемый. Онъ населенъ большею частію Италіянскими выходцами и весьма хорошо обработанъ: дома, построенные у моря, имѣютъ прекрасную наружность; горы до двухъ претей у *Персано* сдѣланы уже плодоносными, а уѣздъ *Теодо*, лежащій въ долину, представляетъ самый живописный видъ. Богатые граждане *Катаро* живутъ здѣсь лѣпомъ въ своихъ загородныхъ мызахъ. Всякаго рода

плоды родятся здѣсь въ изобиліи; отсюда же опускаются сладкія вина и ликеры, не уступающіе Испанскимъ. Крѣпость *Св. Тринита*, или лучше башня съ чешырма малыми пушками, защищаетъ дорогу изъ *Катаро* въ *Будуа* и спойтъ при входѣ въ трудную ущелину, извѣстную подъ именемъ *святой пропины*.

Доброта.

Лежитъ при подошвѣ крушой цѣпи *Черногорскихъ* горъ и проспирается отъ рѣчки *Глюйта* до спѣнь *Катаро*, длиною отъ 6 до 7 *Италіянскихъ* миль, а шириною не болѣе полуверсшы. Хотя природа не доставляетъ жителямъ сей страны никакихъ почти выгодъ; но трудолюбіемъ своимъ и промышленностію сдѣлались они богатѣйшими изъ *Бокезцевъ*. *Доброшцы* и *Персанцы* имѣютъ самое большое число судовъ. Дома хорошей архитектуры и построены почти сплошь при самомъ берегу, сады возникающіе на голыхъ камняхъ, окружающихъ длинное сіе селеніе, и множество судовъ, лежащихъ на якоряхъ противъ оконъ, составляютъ прелестный видъ. Граждане съ посредственнымъ воспитаніемъ, предприимчивы въ торговыхъ оборотахъ, мужественны въ сраженіяхъ, и честность ихъ заслужила довѣренность отъ *Черногорцевъ*, съ которыми преимущественно ведутъ они торгъ, и получаютъ отъ того значныя выгоды. *Доброта* имѣетъ 1700 жителей и при церкви,

изъ коихъ *Св. Евстафія*, новая, прекрасная и богатая, могла бы украсить большой городъ. Доброшцы госпепріимны, но ревнивы до чрезвычайности: жены ихъ и дочери всегда запершы и не показывающся даже друзьямъ. Другіе Бокезцы, которые вообще придерживающся сего Турецкаго обычая, рѣдко соглашающся отдавать за нихъ дочерей своихъ въ замужество, ибо и монахини имѣютъ болѣе свободы. Доброшцы самые ревностные Каполики: при прежнемъ правилельствѣ не позволяли они Славянамъ Греческаго исповѣданія осѣлаться у нихъ въ селеніи долѣ супокъ, и ни одинъ работникъ, какъ бы онъ ни былъ исправенъ и вѣренъ, не могъ болѣе прехъ лѣтъ служишь въ одномъ домѣ.

П е р а с т о.

Занимаетъ у берега узкую, безплодную полосу земли. Пераспцы довольно просвѣщены, богаты опъ морской торговли и носятъ по большой части Францускую одежду. Городъ, имѣющій 1800 жителей, построень амфиатромъ и издали съ моря кажется лучше, нежели на самомъ дѣлѣ. Надъ городомъ на горѣ, выше поверхности воды на 200 футовъ, построена иждивеніемъ гражданъ цитадель, служившая единственно для защищенія ихъ опъ набѣговъ Черногорцевъ. Прощивъ города, ближе къ *Ризано*, есть два острова: на одномъ изъ нихъ *Мадона д' Агосто*, или *Дель скаль*

пелло, находящися довольно богатая церковь съ чудотворною иконою Божіей Машери. 15 Августа, въ Успеньевъ день, собирается шудя много богомольцевъ, и въ сіе время жишели опшправляють такъ называемый *круговой танецъ*.

Руской, будучи въ *Перасто*, непременно долженъ посѣтитъ домъ принадлежащій *Мартиновиту*: тамъ увидитъ онъ слѣды попеченій ПЕТРА Великаго. Государь, предпріавъ успроитъ флотъ, опсправиль во многія мѣста лучшихъ фамилій боярскихъ дѣшей для изученія науки мореплаванія, въ шомъ числѣ шеснаццаць человекъ, какъ думать должно, опсправлены были въ *Перасто* къ тамошнему ученому дворянину *Марку Мартиновиту*. Въ домъ его хранился каршина, копорую Г. *Мажаровитъ*, уроженецъ *Пераспскій*, такъ описываетъ: „*Мартиновитъ* сидитъ за столомъ, на копоромъ лежатъ каршы и машемапическіе инспрументы. Дѣши, въ богатыхъ боярскихъ одеждахъ, споятъ вокругъ стола и слушають учипеля со вниманіемъ. Внизу каршины подписаны слѣдующія имена: *Борисъ Ивановичъ Куракинъ*; *Яковъ Ивановичъ Лобановъ*; *Князья*: *Петръ*, *Дмитрій* и *Федоръ Голицыны*; *Григорій* и *Михайло Хилковы*; *Иванъ Даниловичъ*; *Андрей Ивановичъ Репнинъ*; *Абрамъ Феодоровитъ Лопухинъ* (братъ Царицы); *Владиміръ Шереметьевъ* (братъ Генерала); *Иванъ Ржевскій*; *Михайло Ртищевъ*; *Никита Лановитъ* (Lanovich) *Григорій Бутурлинъ*, и *Михайло Матюшкинъ*.“

Для сихъ дѣтей вооружено было судно, на кошоромъ крейсировали они въ Адриатическомъ морѣ, что бы обучаться вмѣстѣ и теоріи и практикѣ. *Мартиновиѣ* написалъ родъ поэмы, гдѣ описываетъ случаи, встрѣпившіеся во время сихъ плаваній, и шупливо рассказываетъ, какъ нѣкоторыхъ изъ нихъ укачало и какъ другіе плѣнялись разнообразіемъ предметовъ. Сіе твореніе напечатано на Славянскомъ языкѣ въ *Венеціи*.

Сіи при послѣднія Коммунипапа производятъ значительную торговлю, жишели въ оной Капюлическаго исповѣданія и часпію послѣдуютъ Италіянскимъ обычаямъ.

Ризано.

Древній городъ сей построень изгнанною изъ Сербіи Королевою Теока. Надобно полагать, что путь была нѣкогда довольно важная пристань; ибо весь заливъ именовался по ней *Sinus Risonicus*. Ризано построень на берегу моря, а какъ чрезъ него идетъ единственная дорога изъ Герцоговины въ Капарскую область, то жишели, коихъ въ одномъ городѣ полагается до 1800 человекъ, производятъ значительную торговлю рогатымъ скотомъ, баранами, шерстью и воскомъ. Округъ Ризанскій принадлежитъ къ числу Греческихъ Коммунипаповъ, почиается лучшимъ и населеннымъ людьми болѣе образованными; ибо Ризаноты имѣютъ нѣсколько торговыхъ судовъ;

но въ богатствѣхъ уступаютьъ жителямъ вышеупомянутыхъ Каполическихъ округовъ. Напротивъ болѣе извѣстны храброспю: при правленіи Венеціанъ и Авспрійцевъ, они и Паспровичане лучше прочихъ сопротивлялись набѣгамъ Черногорцевъ. Во время нашего здѣсь пребыванія, Ризанопы и вообще Славяне 4 Греческихъ Коммунипаховъ, оказали примѣрное къ намъ усердіе и опличное мужество. При нападеніи Генерала Мармонша на Каспель-Ново, безъ помощи нашихъ войскъ, вызвались они защищать дефилеи и дороги, ведущія чрезъ ихъ округъ въ Кашаро. По преданности къ Россіи, которую они почитаютъ матерью своего опечества, многія опличились въ нашей военной службѣ, и изъ одной только фамиліи Графовъ Ивеличей, мы имѣемъ прехъ Генераловъ. Первый Графъ Марко: нынѣ Генераль-Лейшенантъ и Сенапоръ, при раза имѣлъ важныя порученія по дѣламъ здѣшняго края; вшорому, Генераль-Маіору, оплично служившему въ Шведскую и послѣднюю Опечественную войну 1812 года, Графу Пепру Ивановичу обязанъ я многими свѣденіями, мною здѣсь предлагаемыми.

Ризанопы полагаютьъ свое происхожденіе опъ Римлянъ. Нѣсколько сходспвующая одежда, осташки моста и часть мозаического пола, показываемаго въ окрестностяхъ, дѣлають сіе мнѣніе ихъ вѣроятнымъ. Село Царине, не подалеку опъ Ризано находящееся, сохранило названіе свое опъ мѣстопребыванія Царицы Теоки; шупъ былъ ея дворецъ и за-

мокъ , коихъ едва спѣны примѣны, опѣ упомянушаго же моста оспалось шесть столповъ, а мозаическій полъ покрытъ только 3 фушами земли. Гора, при подошвѣ которой лежишь Царине , имѣешь огромный гротъ или лучше длинную подземельную пещеру , называемую *Спила* , заслуживающую особенное вниманіе любитель чуждыхъ произведеній природы. Устье пещеры имѣешь въ поперечникѣ 20, вышины 8 сажень , подъ огромными ея сводами ничѣмъ не поддерживаемыми, угловые весьма тяжелые камни , висятъ на прилѣпѣ. Проходъ во внутренность горы проспирается на 400 сажень : тамъ удивленному взору представляется лагунъ наполненный водою , глубина у краю 4 сажени, длина сего лагуна не извѣстна ; ибо сводъ пещеры въ семь мѣстъ опускается низко, никто не осмѣливался измѣришь, далеко ли проспирается оный , но вѣроятно сіе собраніе воды наполняетъ обширную пустошу горы. Поселяне изъ Царине, при свѣтѣ факеловъ, берутъ отсюда воду ; она лѣтомъ холодна какъ ледъ , а зимою тепла. Полъ пещеры опѣ устья до лагуна , шакъ ровень и гладокъ какъ будто бы оный былъ высѣченъ человѣческими руками , Во время жаровъ жишли изъ Ризано и ближнихъ селеній любяшь здѣсь прохлаждашь , множество малыхъ пещеръ изрытыхъ водою, лѣтомъ служатъ вмѣсто погребовъ. У лагуна на лѣвой рукѣ , выглажена частъ спѣны, на коей путешественники подписываютъ свои имена. Въ концѣ

осени пещера наполняется испареніями, и опть начинающей капашь со свода воды дѣлаешся неприступною; когда же начнушся дожди, представляешъ ужасное и рѣдкое зрѣлище. Вода выпущаетъ во всю ширину оптверспія, съ такою силою, что вся обращается въ пѣну, брызги лешашь въ обѣ стороны на большое разстояніе. Подобно большой рѣкѣ, не имѣющей паденія, впекаетъ она въ море въ полупорѣ верспѣ опть Спилы находящееся, съ такимъ спремленіемъ что никакое судно не можешъ успояшъ пропиву его на якорѣ. Развалившійся замокъ, лежащій на вершинѣ горы надъ самою пещерою, дополняетъ представление вида сего въ живописномъ изображеніи: паръ подымаясь опть воды одѣваетъ спѣны замка легкимъ туманомъ и скрываетъ опть глазъ вершину скалы; облака, во время дождя спускающіяся до зубцовъ башенъ, представляють замокъ вознесеннымъ къ небесамъ и опть прохожденія шума и шучъ колеблющимся въ воздухѣ. Шумъ воды продолжительными опголосками повпоряешся въ ущельяхъ, опть того основаніе горы у Спилы кажешся сопрясаетъ.

Пропиву Ризано, чрезъ заливъ у селенія *Витоглавѣ*, другая пещера, называемая *Сопотѣ*, представляешъ грозное и еще величественнѣйшее зрѣлище; вода въ обрубистой скалѣ, на высотѣ около 400 фушовъ, имѣя оптверспіе узкое, и вырываясь подобно огромному Тифонному сполпу разсыпаетъ

широкимъ кристальнымъ куполомъ, и съ сей ужасной вышины падаетъ прямо въ море въ видъ молочнаго водопада; она тяжестію своею выбиваетъ въ морѣ у подошвы скалы круглый большой кошелъ, въ коемъ кипящая, kloкочущая вода бьетъ черезъ край, а вокругъ съ ужаснымъ ревомъ гремитъ пучина. Нѣкоторые думаютъ, что воды пещеръ сихъ имѣютъ подземное сообщеніе съ тѣми, которыя находятся подъ Капарою. Частыя землетрясенія здѣсь бывающія, и сіе великое собраніе водъ въ утробѣ граничныхъ горъ, есть предметъ достойный почнаго изслѣдованія естествоиспытателей.

Остальные при Греческіе Коммуниша занимаютъ южную сторону залива. Въ *Картоли* и *Люстицѣ* довольно лѣсу. Жители не имѣютъ судовъ; но долины ихъ изобилуютъ хлѣбомъ, садоводствомъ же занимаются немногіе. *Зупа*, по Славянски *Герваль* называемая, имѣетъ большія преимущества. Сей округъ раздѣляется на четыре Графства: *Лазаровичи*, *Бойковичи*, *Клюбановичи* и *Тюйковичи*. Отсюда-то произошло такое множество Графовъ Бокезскихъ, которое шло вмѣстѣ Князя дано имъ Венеціанскимъ Правительствомъ. Въ *Клюбановичахъ* находится монастырь *Ластуа*, обнесенный каменнымъ брустверомъ. Онъ выгодно можетъ держаться противъ регулярныхъ войскъ.

Будуа древній городъ. Плиній называлъ его *Бальва*, *Бутуа*, а Гомеръ *Будіулъ*. Кре-

поспѣ построена на полуостровѣ; спѣны
 ея, равно какъ и цитадели, лежащей на
 крупной скалѣ, большею частію развали-
 лись. Гавань защищается островомъ *Санъ-
 Никола*; рейдъ открытъ южнымъ въпрамъ.
 Въ городѣ находилась одна Греческая и одна
 Каполическая церковь. Въ 1687 году *Соли-
 манъ*, Паша *Скутарскій*, съ 10.000 осаждалъ
Будуа; но Генералъ *Корнеръ*, съ помощію граж-
 данъ и окрестныхъ жителей, принудилъ его
 снять осаду. Послѣ сего нѣсколько разъ крѣ-
 постъ взята была Турками и Греками; раз-
 оренія ихъ до сихъ поръ видны. Въ 1797
 году, по желанію жителей, Митрополитъ
Черногорскій Петръ Петровичъ занялъ *Будуа*;
 но когда Бокезцы, получивъ отъ Императора
 Римскаго прежнія права, отдались въ его
 покровительство, то Митрополитъ оставилъ
 сей городъ.

Жители трехъ округовъ: *Побори*, *Браици*
 и *Маини*, при малѣйшемъ нарушеніи ихъ пре-
 имуществъ, вмѣстѣ съ другими Славянами
 Греческаго исповѣданія часто бунтовали про-
 тивъ Венеціанъ, и особенно Австрійцевъ, ко-
 торые укрѣпленный монастырь *Св. Маріи ди*
Маини подарили Митрополиту Черногорскому,
 дабы вліяніемъ духовной его власти удержи-
 вать народъ въ повиновеніи.

Пастровици самый дальній пограничный
 округъ *Боко ди Катаро*. Жители онаго, до
 прибытія Россійскихъ войскъ въ *Катаро*, ве-
 ли непрестанную войну съ Черногорцами и

Турецкими Албанцами. Они опличаются храброścią и часто побѣждали самыхъ Черногорцевъ. Паспровичане особенно приспρασны къ своимъ нравамъ, закону и древнимъ обычаямъ. Частые набѣги Турокъ и Черногорцевъ совершенно ихъ разорили; но нынѣ, когда Черногорцы сдѣлались имъ друзьями, Главнокомандующій Адмиралъ вѣжливыми сношеніями съ Пашею Скупарскимъ и спрогими мѣрами умѣлъ заставить ихъ уважать народъ, подданный Россійскому Императору. Хищные Албанцы не смѣли послѣ того ни однажды сдѣлать на нихъ нападенія. Такимъ образомъ, съ появленіемъ Россіянъ, прекрапились несчастія сего мужеспвеннаго народа, спрадавашаго подъ бременемъ бѣдспвій войны во время мира. Должно опдать справедливостъ Паспровичанамъ: они не оспались неблагодарными споль милосердому и попечисельному прависельспву. Они и Ризанопы первые выходили въ поле, сражались въ первыхъ рядахъ и опличили себя во всѣхъ сраженіяхъ съ Французами. Римскій Король *Сигизмундъ*, при завоеваніи *Катаро*, получилъ опъ нихъ помощь, за что многіе возведены въ дворянское достоинспво; по сему-то и предки ихъ вѣрны были Авспрійскому правленію. Имя Паспровичанъ нѣкоторые несправедливо производящъ опъ *pastori-vecchi*, то есть древніе *пастухи*. Это одна изъ пѣхъ многихъ ошибокъ, копорыя дѣлающъ иносспранные писатели, не зная Славянскаго или Рускаго язы-

ка и основывая свои догадки на сходствѣ словъ и ш. п. *). Подлинное имя Паспровичанъ на Славянскомъ языкѣ означаетъ *по сторону*, или *на границѣ живущіе*, ибо въ самомъ дѣлѣ земля ихъ составляетъ крайнюю грань, раздѣляющую Славянъ отъ Грековъ.

(*) Такъ на примѣръ одинъ Французскій путешественникъ утверждалъ, что *Алексѣй* есть уменьшительное *Александра*, а *илене* любимой напитокъ Русскихъ. Однажды кто-то при немъ попросилъ квасу, а бывшіе тутъ въ одинъ голосъ сказали: *и мнѣ, и мнѣ*. Вотъ на чемъ именно догадливый Французъ основалъ послѣднее свое заключеніе. — Въ Английскомъ Географическомъ Словарѣ, изданія Гордона, въ статьѣ *рѣдкостей Россіи*, помѣщенъ слѣдующій вздоръ: »Изъ главныхъ рѣдкостей страны сей должно почитать странный родъ дынь (*Melon*), растущихъ близъ *Астрахани*, *Казани* и *Самары*. Нѣкоторые природные жители называютъ эту дыню *баранецъ* (*Baranez*) или ягненокъ (*Little lamb*), другіе *зуфитонъ* (*Zoophiton*), что означаетъ животно-растеніе. Первое названіе болѣе оной прилично, ибо видъ ея совершенно сходствуетъ съ бараномъ, и жаръ сего растенія столь великъ, что слѣдуя народному выраженію оно *сълѣдуетъ* всю траву, около его растущую. Когда созрѣетъ плодъ, наружность стебля покрывается веществомъ, похожимъ на короткую и курчавую шерсть. Часть шкурки сего удивительнаго растенія хранится въ купсткамерѣ Короля Датскаго въ *Копенгагенѣ*, и никто не можетъ отличить ее отъ обыкновенной бараньей. Изъ сего-то рѣдкаго произабенія Рускіе шьютъ себѣ шубы.» — Подлинно теплая.

Крѣпость *Санѣ Стефано*, въ Графствѣ *Пастровиги*, лежитъ на скалистомъ полуостровѣ, соединяющемся съ твердою землею низкимъ пещанымъ перешейкомъ. Съ моря могла бы она защищать входъ въ бухту, но кромѣ уцѣлѣвшаго пороховаго погреба, сѣны ея совсѣмъ упали. Жители производятъ маловажную торговлю. Пропивъ города, на высотѣ, находящаяся Греческій монастырь *Прахвица* подъ управленіемъ Архимандрита.

Произведенія.

Высокія, безплодныя горы, окружающія заливъ, свидѣтельствуютъ скудость страны сей. Только у побережія видны сады и огорды, кошорые, украшая дикость мѣста, не доставляютъ однакожъ нужнаго продовольствія. Далѣе, между, горъ, долины къ земледѣлію удобны; но непрестанныя войны жителей съ Черногорцами и недоспашокъ рукъ препятствуютъ обрабатыванію сихъ мѣстъ. Малыя поля обдѣлываются киркою и едва на примѣсяца даютъ хлѣба; недоспашокъ онаго замѣняетъ картофель. По берегамъ виноградъ, масличныя, фиговые, часпію же померанцовыя и лимонныя деревья распускаютъ, какъ въ Италіи, на открытомъ воздухѣ. Каменные скалы, увеличивая жаръ, способствуютъ созрѣванію,

и пошому климашъ сходствуетъ съ Африканскимъ: послѣ помпительнаго зноя, зимою, идущъ дожди иногда шесть недѣль сряду. По неимѣнію луговъ скошководства совсѣмъ нѣтъ. Пчеловодство могло бы принести большія выгоды, если бы доспавая медъ, не испребляли пчелъ. Шелкъ, въ маломъ количествѣ обрабатываемый женщинами, имѣетъ особенную доброту. Толстыя сукна, полошно и пестрые пики дѣлаются для домашняго только обихода. Скудость земныхъ произведеній замѣняется изобиліемъ рыбы, и Бокезцы весьма искусно бьютъ ее оспрогою, У прибрежныхъ жителей, особенно у Каполиковъ, дома покойны, чисты и хорошей наружности; далѣе же внутри горъ, крыши плишою и имѣютъ посреди очагъ безъ трубы. По неудобности дорогъ нѣтъ телегъ и шажеспи перевозятъ на вьючныхъ ослахъ.

Торговля.

Бокезцы производятъ значительную торговлю въ Адриатикѣ, Левантѣ и Черномъ морѣ. О приращеніи ихъ благосостоянія можно заключать по числу судовъ, которое въ послѣдніе годы значительно увеличилось. Въ 1798 году они имѣли 264 судна; въ 1806, 381; а въ 1807 до 500. Исключая малыхъ, всѣ они вооружены пушками отъ 6 до 28. На сихъ судахъ употребляется до 7.000 человекъ весьма хорошихъ мапрозовъ. Шкиперы не знаютъ науки море-

плаванія и управляють судами по одной привычкѣ и знанію мѣснѣ. Бокезцы, соперники Рагузинцамъ, подобно имъ перевозятъ чужія произведенія и симъ промысломъ содержатъ свои семейства, которыя, по бесплодію земли, должны бы влечить самую несчастную жизнь. Безъ торговли они существовать не могутъ. Собственныхъ произведений вывозится: 4.000 барилей деревяннаго масла, 12.500 пудъ винныхъ ягодъ, столько же восковыхъ свѣчъ, 125 пудовъ шелку и 175 п. меду. Изъ Черногоріи и Герцоговины пригоняется ежегодно около 110.000 барановъ и козъ, и 15.000 быковъ и свиней, мясо которыхъ, подъ именемъ копченой и соленой *каспрадино*, отправляется изъ *Капаро* въ Венецію и *Тріестъ*. Бараньи и воловыя шкуры опускаются невыдѣланныя. Изъ Черногоріи получается 15.000 пудовъ сыру, и столько же чрезъ *Ризано* изъ Герцоговины, который вмѣстѣ со 150.000 пуд. Морейскаго развозится въ Италію и Левантъ. Бокезцы не уступятъ дѣятельнымъ нашимъ промышленникамъ въ смѣливости и проворствѣ.

В ѣ р а.

При владычествѣ Венеціанъ и Австрійцевъ Греческая вѣра была въ крайнемъ упадкѣ. Неперпимостъ Римскихъ Каполиковъ простиралась до того, что не только не позволяли жителямъ Греческаго исповѣданія опъ

правлять свободно богослуженіе, но даже за-
 прещали ввозъ изъ Россіи церковныхъ книгъ.
 Хошя въ послѣдніе годы и печатались сіи
 книги въ *Вѣнѣ* и *Будѣ*; но Славяне не имѣли
 къ нимъ довѣрія и доспавали себѣ тайнымъ
 образомъ Библіи, Молишвенники и ш. п.
 Кіевской и Московской печати. Гоненіе, при-
 личное суевѣрію XI и XII столѣтія, прину-
 дило весьма немногихъ Славянъ перемѣнить
 вѣру, что и укоренило взаимную ненависть
 между Каполиками и Греками. Кровопроті-
 тія между ими бывшія не оправдываютъ по-
 лишики нашего просвѣщеннаго вѣка, особенно
 пошому, что жителей Греческаго исповѣданія
 гораздо больше, нежели Каполиковъ: сіи по-
 слѣдніе едва ли соспавляютъ четвертую
 часть населенія. Послѣ сего должно ли уди-
 вляться изспуленному воспоргу бѣдныхъ
 Славянъ, когда, при занятіи Провинціи Рос-
 сіянами, Греческая вѣра сдѣлалась главною;
 когда они свободно могли опправлять свои
 поржесства, могли получають священныя кни-
 ги, споль у нихъ рѣдкія; когда они сліялись,
 въ одинъ народъ съ Черногорцами, съ кото-
 рыми до сихъ поръ вели непрерывную, ги-
 бельную войну, и наконецъ когда увидѣли пре-
 дѣлъ своимъ бѣдспвіямъ и начало своего бла-
 годенспвія. При появленіи Рускихъ насту-
 пилъ для Бокезцевъ золошой вѣкъ; освобожде-
 ніе опъ всѣхъ повинностей, миръ съ Черно-
 горцами и торговля съ Герцоговиною и дру-
 гими Турецкими обласпями обѣщали имъ мно-

гія выгоды. Кропость и истинно Христіанское вѣроперпѣніе Россійскаго Монарха, позволивъ свободное богослуженіе Каполикамъ, зашворили уста гордому духовенству, котораго честолюбіе было причиною всѣхъ золъ. Сія мѣра заспавила умолкнувъ вражду, раздѣлявшую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ народъ одного происхожденія. Церкви, монастыри и духовенство содержатся прихожанами. Каждое семейство въ назначенное время доставляетъ хлѣбъ, масло, вино, свѣчи и все нужное. По сему здѣшніе священники, обеспеченные въ своемъ продовольствіи, служатъ молебны, крестятъ дѣтей, вѣнчаютъ свадьбы и исправляютъ прочія требы безъ всякой мзды. Такимъ образомъ лишены будучи всякаго повода къ корыстолобію, они сохраняютъ важность своего сана и живутъ въ истинномъ духѣ Христіанъ.

Нравы, обычаи и одежда.

Бокезцы Каполическаго исповѣданія, ведутъ не столь строгій образъ жизни, какъ прочіе ихъ соотечественники Греческой вѣры; хотя тѣ и другіе опъ обращенія съ иностранцами, имѣютъ нѣкоторый просвѣщенный навыкъ; но будучи крайне привязаны къ древнимъ своимъ обычаямъ, въ характеръ мало еще измѣнились, и почти во всемъ сходны съ Черногорцами, почему при описаніи нравовъ и обыкновений сихъ послѣднихъ, должно

разумѣть всѣхъ приморцевъ, особенно Греческаго исповѣданія. На чужой сторонѣ Бокезцы поскуютъ, подобно Швейцарамъ, по своей родинѣ. Публичныя увеселенія имъ неизвѣстны; временемъ только прїѣзжаютъ въ *Каттаро* труппы странствующихъ актеровъ. Иногда приглашаютъ они къ себѣ гостей; но какъ женщины не допускаются въ такія общества, то собранія сіи бываютъ довольно скучны. Изобрѣшеніе ревнивыхъ мужей, покрывало, которое женщины носятъ внѣ дома, мало по малу перемѣнялось изъ непроницаемаго шелковаго въ кисейное, изъ кисейнаго въ флеровое, и наконецъ носили ихъ только для виду, опуская при встрѣчѣ съ своими. Женщины вышняго состоянія ситины и пригожи: крестьянки здоровы, но не могутъ похвалиться красою. Характеръ Бокезцовъ, какъ и всѣхъ торговыхъ народовъ, весьма важенъ. Господствующая съ расчепливостію, однакожъ и не совсѣмъ скупы. Музыка и пляска точно такія же, какъ и у Черногорцевъ. Последнее увеселеніе не согласуется съ чрезвычайно ревнивостію Бокезцевъ и грубостію ихъ въ обращеніи съ женщинами, которыхъ они почитаютъ своими невольницами. Въ военной тактикѣ сходятся съ Черногорцами и хотя не могутъ сравняться съ ними въ искусствѣ стрѣлять, однако же Бокезцы, особенно Греческаго исповѣданія, столь же храбры какъ и они, сражаются съ большимъ порядкомъ и знаютъ лучше подчиненность



Бокезевъ.

Въ пищу наиболѣе употребляется у нихъ *полента* (кукурузная каша), рыба и мясо.

Поселившіеся здѣсь Италіянцы носятъ свою одежду. Приморцы одѣваются отлич-но отъ всѣхъ Иллирійскихъ Славянъ, Широ-кія Греческія шаровары опускаются до половины икры: фуфайка съ душими серебре-ными пуговицами, выложенная позументомъ или снурками; сандаліи въ походъ, полусапо-ги дома и круглая шляпа; подъ нею Каполи-ки носятъ черную бархатную, а Греки крас-ную шапочку. (*) Фуфайки ихъ украшаются мѣдными и серебряными бляхами (по Сла-вянски *поке*), копорыя вмѣсто лапъ носятъ также на груди и на ногахъ. Жишели *Зупы* одѣваются какъ Черногорцы. Къ симъ двумъ нарядамъ принадлежатъ шреггранный кин-жалъ *Анжаръ*, серпообразный *Ятаганъ*, пара писполешъ, длинное ружье и древній Славян-скій мечъ, или Турецкая сабля на серебря-ныхъ цѣпяхъ и папроцныя сумки на образецъ Албанскихъ. Самый бѣдный имѣетъ оружіе; украшенное насѣчкою, перламутромъ и ка-меньями въ Азіатскомъ вкусъ; богатые же сверхъ того имѣютъ малиновыя или черныя бархатныя фуфайки, обложенныя позументомъ, и весь приборъ, какъ по пуговицы и бляхи на ногахъ серебряныя. Одежда женщинъ еди-нообразна; короткое бѣлое платье съ пол-

(*) Смотри картинку.

ными рукавами подпоясывается широкимъ поясомъ, копорый, какъ рукава и низъ плащя, вышивається прекраснымъ узоромъ; на ногахъ сандаліи, подвязанныя цвѣпными леншами; на головѣ повязка изъ плапка и Турецкій шюникъ безъ рукавовъ. Нарядъ дѣвушекъ весьма сходенъ съ національнымъ нашимъ костюмомъ. (*) Монетное или коральковое ожерелье соспавляеть лучшее ихъ украшеніе. Синій и красный цвѣпъ болѣе прочихъ употребляються. Всѣ сіи наряды дѣлаются дома; кромѣ леншъ и плапковъ нѣпъ ничего привознаго. Бокезки весьма искусны въ вышиваніи, особенно въ крашеніи суконъ и полопенъ. Болѣзни, происходящія опъ роскошной жизни, неизвѣспны даже и по имени Бокезцамъ: они такъ здоровы, что въ *Капаро* была одна только аптека и одинъ Докпоръ. Другой лѣкаръ, жившій въ *Кастель-Ново*, выѣхалъ опшуда, опасаясь, какъ видно, умереть съ голоду.

Науки, языкъ и ремесла.

Здѣшнее Греческое духовенство ведеть самую строгую жизнь и довольно просвѣщено: большая часть изъ духовныхъ говоритъ по Ипаліянски и занимается словесноспію. Имѣя великое вліяніе на проспый народъ, они

(*) Смотри картинку.



Прийморська дівчина.

прекращаютъ всѣ его распри и приводятъ въ исполненіе повелѣнія правишельства. При каждой церкви есть школа, гдѣ мальчики обучаются закону и Славянской грамащѣ. Всякой праздникъ, во время службы, дѣти сіи становятся по два въ рядъ, по обѣ стороны предъ царскими дверьми; четверо въ бѣлыхъ одеждахъ прислуживаютъ въ алтарь, а двое стоятъ у крылосовъ и читаютъ очень громко то, что слѣдуетъ пѣть дьячкамъ. По окончаніи обѣдни, Священникъ испытываетъ дѣтей въ Капихизисѣ, потомъ объявивъ имъ какой завтра праздникъ, или въ какомъ часу собирався имъ въ классъ, благословляетъ ихъ и отпускаетъ по домамъ. Впрочемъ большая часть Бокезцевъ, особенно тѣхъ, которые живутъ не при морѣ, а далѣе въ горахъ, по недостатку священниковъ, лишены и сего воспитанія. Богатые изъ Каполиковъ посылаютъ дѣтей своихъ въ Италіянскіе Университеты. Нѣкоторые изъ дворянъ занимаютъ должности Адвокатовъ и не учась правамъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ, по одному только навыку умѣютъ записывать дѣла и наживаться. Бокезцы говорятъ Славянскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ Италіянскими словами. Каполики пишутъ Италіянскими буквами; Греки же, изъ которыхъ немногіе умѣютъ грамащѣ, употребляютъ въ письмѣ церковныя буквы. Приморцы и городскіе жители говорятъ по Италіянски Венеціанскимъ нарѣчіемъ. Кромѣ слѣсарнаго мастерства,

дѣланія ружей и одной красильной фабрики, находящейся въ *Капаро*, мыла и дурныхъ спирунъ, обрабатываемыхъ въ *Перасто*, нѣтъ никакихъ мануфактуръ. Самые лучшіе здѣсь ремесленники женщины.

Дворянство.

Въ прежнія времена, когда спрана сія была Республикою, начальники округовъ, избираемые народомъ, пока занимали общеспвенныя мѣста, назывались *Князьями*; послѣ того, при Венеціанскомъ правленіи, переименованы въ *Графовъ*, по же на время, и какъ при утвержденіи ихъ въ это званіе, или должностъ, платили они по 25 палеровъ, по и почли себя въ правѣ присвоить шишулъ сей и дѣшамъ своимъ. Такимъ же точно образомъ и занимавшіе нижнія гражданскія должности называли себя дворянами; но ни шѣ, ни другіе не признавались въ Венеціи таковыми. Настоящіе дворяне умѣютъ у себя грамоты, и шѣ изъ нихъ, въ коихъ нѣтъ сіятельныхъ шишуловъ, почишающся самыми древнѣйшими, ибо Графское достоинство дано Бокезцамъ Венеціанами уже въ новѣйшія времена. Фамиліи *Медынь*, Графы *Ивелиги* и Графы *Воинозиги* самое почешное дворянство. Впрочемъ сіе званіе не даетъ никакихъ преимуществъ: самый послѣдній изъ черни имѣетъ точно такія же права, какъ и первые дворяне. Здѣсь истинное достоинство

основывается на всеобщемъ уваженіи, и кто заслужилъ оное, тотъ гораздо болѣе, нежели дворянинъ. Выборъ въ народные начальники, обыкновенно осматривается при лучшихъ и знаменитыхъ фамиліяхъ, однакожъ и самый простой поселянинъ, заслужа уваженіе своихъ согражданъ, можетъ быть выбранъ въ Капитаны Комуниташа, копорого власть впрочемъ весьма ограничена.

Исторія.

Въ архивѣ Капарской хранился данная Иллиріянамъ *Александромъ Македонскимъ* грамота, копорою за храбрость и мужество, оказанное ими въ войнахъ сего великаго завоевателя, подарена имъ въ вѣчное и потомственное владѣніе часть земли *Аквилонской* до самыхъ полуденныхъ границъ *Италіи* съ тѣмъ, что коренные жители должны были ихъ рабами (*). Хотя ученые и не могутъ согласиться въ древнихъ происшествіяхъ сей страны; но всего вѣроятнѣе кажется, что Королева *Теока*, изгнанная изъ *Иллиріи* со многими приверженцами, избрала сначала для пребыванія своего то самое мѣсто, гдѣ нынѣ *Ризано*, и вскорѣ послѣ того желая удалиться

(*) Я имѣлъ случай читать сію древнѣйшую привилегію Славянъ, помѣщенную въ заглавіи дипломовъ *Графовъ Ивеличей*.

ся опть опасныхъ границъ , укрѣпилась въ *Катаро* , которую *Плиній* называетъ Римскою колонією подъ именемъ *Ascrivium*. Какъ и сіе не слишкомъ достоверно , по спанемъ говоришь о новѣйшихъ происшествіяхъ. Въ *Ризано* и *Катаро* жили морскіе разбойники , которые , господствуя надъ моремъ , наводили ужасъ жишелямъ береговъ. Въ 866 году *Катаро* , *Будуа* , *Ризано* и *Розе* разрушены были до основанія *Агавенами* , народомъ жившимъ въ окрестностяхъ *Карѳагены*. По опшествіи сихъ варваровъ , оставшіеся жишели , соединясь съ *Боснійцами* , изгнанными изъ опчества Венгерцами , построили *Катаро* и основали Республику. Въ 1115 году Король Сербскій *Георѣ* подарилъ сей Республикѣ островъ *Привлака* , что нынѣ *Страдіоти* , и мѣста , гдѣ нынѣ *Луспица* , *Картоли* , также долины *Зупа*. Въ 1250 году Король *Родославъ* , за приверженность къ опцу и сыну его *Симону Нейгва* , укрѣпилъ сіи мѣста *Капарцамъ*. При Королѣ *Урозіо* и Королевѣ *Еленѣ* въ разныя времена подарено *Капарскимъ* жишелямъ и дворянству верхній и нижній *Зупа* (по Славянски *Гербаль* , т. е. равнина) , *Ложница* , *Міаксъ* , *Доброта* , *Леденица* , *Біанка* и *Крушевица* до *Фіульеры* (рѣчки , что у сѣнѣ *Катаро*). Въ 1361 году Король Сербскій *Стефанъ Нейманья* укрѣпилъ грамошою право владѣнія на всѣ подаренныя прежде мѣста. Въ 1368 году , когда Сербія раздѣлилась на чепыре части , по Республика , будучи

во все время подъ покровительствомъ сего Королевства, заключила союзъ съ *Лудвигомъ I*, Королемъ Венгерскимъ; въ томъ же году Венеціане, имѣя войну съ Венгріею, взяли *Капаро* и разграбя городъ, удалились. Въ 1382 году, дочь *Лудвига I*, *Марія*, опдала Республику, *Тварку*, Королю Босніи; но по двухлѣтней войнѣ храбрые Капарцы возвратили свою свободу. Послѣ сего воевали они съ Албанскими Князьями и съ Рагузинцами. Въ 1391 году Капарцы заключили союзъ съ *Рагузою*, *Дульциньо* и *Антивари*; жили сихъ двухъ послѣднихъ городовъ были извѣстные морскіе разбойники. Въ началѣ XV столѣтія, когда Турки завоевали всѣ пограничныя провинціи, Капарцы опасаясь ихъ, добровольно опдались въ подданство Венеціанской Республики на слѣдующихъ между прочимъ условіяхъ: 1) права, вѣра и законъ остаются неприкосновенными; 2) на строеніе общественныхъ зданій и жалованье гражданскимъ чиновникамъ употреблять деньги изъ обласныхъ доходовъ; 7) Венеціанская Республика не можетъ уступить ихъ другой державѣ, и если не въ силахъ будетъ защищать ихъ, то народъ снова остается независимымъ и власнымъ избравъ другихъ покровителей. Венеціане въ точности исполнили договоръ сей; Бокезцы жили счастливо подъ ихъ правленіемъ и всегда были вѣрными ихъ подданными, Венеціане, владѣя *Капарою*, въ разныя времена покорили *Кастель-Ново* съ тремя округами, а

Пастровици и *Ризано*, сохраняя свои преимущества, добровольно опдались въ покровительство Венеціи. По уничтоженіи въ 1797 году Венеціанской Республики *Кампо-форлійски* ибъ трактапомъ, область *Бого ди Каттаро* уступлена Римскому Императору, но мужественные Славяне воспротивились ему и отправили отъ себя въ Вѣну депутаговъ. Вѣнскій Кабинетъ утвердилъ всѣ ихъ преимущества, и Генераль *Луковина* принялъ область отъ народныхъ начальниковъ *коммуналовъ* (округовъ) на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ принадлежала она Венеціи. Въ 1804 году Французское правительство вознамѣрясь занять Черногорію, назначило для сего осмнатцатитысячный корпусъ, который долженъ былъ выйти на берегъ въ *Зупъ* у *Будуа*. Французскіе Агенты, что бы не имѣть препятствія отъ жителей сего округа, недовольныхъ Австрійцами, увѣрили было ихъ, что на то есть воля Императора Всероссийскаго; но когда Славяне узнали отъ посланнаго къ нимъ по сему случаю въ званіи довѣренной особы Генераль — Лейтенанта Графа *Ивелига*, что таковаго согласія Государь Императоръ отнюдь не давалъ, то они вооружились и Французы принуждены были оставить свое коварное предпріятіе. По *Пресбургскому* миру впрочемъ и также несправедливо область сія опдана Италіанскому Королевству или лучше сказать, Франціи; народъ вооружился, и какъ описано выше, безусловно

опдался въ вѣрноподданство Россійскому Императору. Въ 1807 году, по *Тильзитскому* миру, область сдана Французскимъ войскамъ. Въ Августъ мѣсяцъ 1812 года жишели *Бокоди Катаро*, узнавъ о вторженіи Французовъ въ Россію, споль нечаянно и согласно напали на Французскія войска, что оныя не могли соединиться, были часпію побиты, а остальныя положили ружье. По желанію жителей всѣхъ округовъ подняли они на крепостяхъ своихъ Россійскій Императорскій флагъ. И наконецъ по рѣшенію *Вѣнскаго* Конгресса область опдана Австріи.

Военное обозрѣніе Провинціи Бокоди Катаро.

Участъ *Катаро* зависить опъ того, кто повелѣваетъ моремъ; безъ флота ни взять, ни удержатъ ее не возможно. Я уже сказалъ выше, какую превосходную военную позицію представляетъ сія провинція въ отношеніи къ политическимъ видамъ; теперь скажу сколько нужно войскъ для защиты оной и съ кошорой спороны взять ее можно.

2.500 Солдатъ, сколько мы шупъ ихъ имѣли, весьма недоспапочно; но 6.000 егерей, пріобыкшихъ къ горной войнѣ, съ помощію Черногорцевъ и Приморцевъ, кошорые во время опасности могутъ выставить до 20.000 человекъ, въ состояніи, кажется, будутъ опразить сильнаго непріятеля такъ, что са-

мый искусный и рѣшительный Генераль съ 30.000 человекъ лучшаго регулярнаго войска ничего шутъ не успѣетъ сдѣлать. — Разсмотримъ теперь возможность нападенія съ Рагузской и Турецкой границы, полагая Французовъ и Турокъ непріятелями, не имѣющими морской силы.

Со стороны Республики, *Кастель-Ново* есть самый слабый пунктъ; для чего должно опять старой *Рагузы* сдѣлать дорогу и привезти артиллерию, которую поставивъ на высотахъ *Санъ Кьяро* и *Св. Анны*, опогнать бомбами флотъ опять крѣпости; послѣ сего взявъ ее непрудно. Опять *Кастель-Ново* въ *Катаро* ведутъ двѣ дороги: первая идетъ по берегу, къ коему корабли, какъ и во всемъ каналѣ, могутъ приближаться на карпечный выстрѣлъ, и потому войску шутъ пройти не возможно; другая дорога чрезъ долину *Калино*, деревни *Морине*, *Кривоше*, оставя въ лѣвъ *Леденицу*, къ *Велинцѣ* представляетъ пропину, удобную только для муловъ, проложенную съ горы на гору, съ утеса на утесъ и съ высоты 50 сажень по ошвѣсу въ пропасть, гдѣ не только должно подрываніемъ дѣлать дорогу для артиллеріи, но и спавить мосты для прохода людей. Опять селенія *Велинцѣ* въ *Катаро* остающія еще двѣ дороги: первая берегомъ *Добропою*, гдѣ также не лзя колоннамъ идти мимо кораблей, а дѣлать подъ карпечнымъ выстрѣломъ дорогу для провоза артиллеріи очевидно не возможно. Последняя

дорога отъ *Велинцѣ* чрезъ высокія горы, принадлежащія Черногоріи на разстояніи пятидесяти верстъ представляеть трудности неменьшія перехода чрезъ *Чортовъ мостъ*: путь должно поднимать пушки машинами, и потомъ, когда достигнешь вершины горы, лежащей противъ *Капаро*, спускаешься къ деревнѣ *Скальяри* по скалу въ 40 саженьхъ отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ. Положимъ, что неприятель уже предъ *Капаро*, которая можетъ быть атакована только со стороны *Доброты*; но путь горы, будучи отлоги къ морю, открываютъ войска и траншеи (кои вырубать должно въ камнѣ) выстрѣламъ кораблей; и потому ясно, что осада крѣпости, защищаемой флотомъ, есть химера. Скажешь, что нѣтъ ничего невозможнаго и приведемъ въ доказательство, что *Наполеонъ* провелъ армію и артиллерію чрезъ *Симплонъ* и *Ценисъ*. Согласенъ; но онъ самъ дѣлалъ дорогу и все, что ему было угодно, не бывъ ни отъ кого обезпокоенъ: здѣсь же, на каждомъ шагу, принужденъ бы онъ былъ сражаться съ жителями, гораздо искуснѣйшими стрѣлками, нежели его волонтеры; при томъ мѣсто не позволяеть воспользоваться превосходною силою или искусными маневрами; по всей дорогѣ нѣтъ воды, нѣтъ возможности жить на чужей счетъ, ибо жителямъ собственно для себя едва достаетъ продовольствія на 4 или на 5 мѣсяцовъ, а для перевозки провіанта и аммуниціи на пятидесяти тысячную армію по-

нребно 12 или 13 тысячъ муловъ и лошадей: чѣмъ же ихъ кормить? Кажется самый честолюбивый полководецъ не предприметъ такого похода, ибо и покореніе провинціи не принесетъ столько пользы, сколько попребуется на то жернивъ. Я не стану уже говорить, что могутъ предпринять Турки: съ нѣкопорого времени сдѣлались они очень благоразумны, а естли бы пришла имъ охота къ завоеванію сей провинціи, то рѣшитель-но сказать можно, что 50.000 Янычаровъ положатъ пушъ свои головы.

Непріятель, господствующій надъ моремъ, высадивъ войска въ портъ Траспе, поспѣшивъ занять каналъ *Ле-Капене*, можетъ, обойдя трудную дефилею у *Скало -- Санто*, осадить *Катаро* и опрѣзать сообщеніе ея съ *Кастель-Ново*. Словомъ, покорить *Катаро* гораздо легче съ моря, нежели съ сухаго пути, ибо и жишели, народъ воинственный, охотно будутъ помогать тому, кто имѣетъ флотъ для защиты ихъ торговли, а тому, кто не имѣетъ, сопротивляться.

О П И С А Н І Е Ч Е Р Н О Г О Р І И.

Черногорцы, ведя безпрестанную войну съ своими сосѣдами, не впускаютъ ни одного иностранца въ свою землю. Путешественникъ, который пожелалъ бы снять мѣстоположеніе, подвергся бы опасности потерять жизнь; они почли бы его за шпиона какой либо державы, намѣревающейся завоевать ихъ.

По сей причинѣ изъ множества путешественниковъ, нѣтъ ни одного, копорой бы посѣпилъ Черногорію, и нѣтъ ни одного пво-ренія о произведеніяхъ ея, о правленіи, нравахъ и обычаяхъ жителей.

По занятіи провинціи Капарской нашими войсками, Бокезцы съ Черногорцами слились въ одинъ народъ, и прежняя вражда ихъ прекратилась. Одинъ Докторъ изъ приморцевъ, человекъ весьма просвѣщенный, будучи призванъ во внутренность земли для вспомошествованія больнымъ, оказалъ нѣкопорую услугу Губернатору Черногоріи и самому Митрополишу, и не упустилъ воспользоваться довѣренностію, копорую внушали жителямъ его званіе, и знаніе языка. Знакомство его со мною было для меня полезно; онъ охотно сообщалъ мнѣ свои замѣчанія. Довѣренность Черногорцевъ къ Россіянамъ, мое путешествіе на горы и обращеніе съ ними во время пребыванія флота въ Адриатическомъ морѣ, доставили и мнѣ случай собрать другія свѣдѣнія, касающіяся до характера ихъ и правленія. Сличивъ замѣчанія Доктора съ своими, повѣрилъ я мои записки на мѣстѣ, и воспользовавшись показаніями Архимандрита Вукотича, природнаго Черногорца и еще нѣкопорыхъ свѣдущихъ Бокезцовъ, копорые имѣли частныя сношенія и родственныя съ ними связи, особенно считаю себя обязаннымъ многими вѣрными подробностями о Черногоріи равно и Капарской провинціи, Графу П. И.

Ивеличу. При таковой помощи, будучи въ состояніи составить точное и вѣрное описаніе я осмѣливаюсь здѣсь оное предложить. Новость предмета вознаграждаетъ негладкость слога. Земля Черногорцевъ не представляетъ ни надписей, ни развалинъ; извѣстія о ея жителяхъ не вмѣщаютъ споль любопытныхъ предметовъ, какіе чашапели находятъ въ описаніи древней Греціи; но часто полевой цвѣтокъ бываетъ споль же душистъ, какъ другой, воспитанный въ цвѣтникѣ и оранжереѣ.

*Г р а н и ц ы , п р о с т р а н с т в о и ч и с л о
ж и т е л е й .*

Самое названіе Черногорія, означаетъ гористую землю. Вся провинція покрыта горами, и ограждена цѣпью высокихъ скалъ, копорыя, будучи покрыты еловыми лѣсами, придають имъ черный видъ, отъ чего произошло названіе Черной горы (Monte Negro). Она лежитъ между Герцоговиною и Албанією и примыкается западною стороною къ провинціи Капарской. Нельзя точно положить пространства ея, ниже вѣрно опредѣлить число ея жителей; но приближенно можно сказать, что она имѣетъ въ окружности около 300 верстъ, 90 верстъ въ длину, 50 въ ширину, и вмѣщаетъ 500 квадратныхъ миль земли; она раздѣляется на слѣдующія пять округовъ, называемыхъ жителями Наія: 1) Катунская, 2) Лешанская, 3) Плещинская, 4) Ріет-

кая, 5) Черницкая, къ онымъ въ 1796 году по разбиіи Мипроцлипомъ Махмута Паши Скушарскаго; округъ 6) Берда оны Герцоговины присоединилса къ Черногоріи. Бердяне занимающса съ успѣхомъ земледѣліемъ, не ходящъ на грабежъ, и защищающъ границы новаго своего опечесива съ мужеспвомъ, заслужившимъ имъ уваженіе самихъ Черногорцевъ. Въ семъ округѣ находится большое село *Бѣлопавлицы*, гдѣ каждую недѣлю бываешъ торгъ.

Черногорія единспвенная земля въ Европѣ, въ кошорой нѣтъ городовъ. Во всей области щитаеша 116 селеній, самое большое не имѣетъ болѣе 1000 душъ. Населеніе каждаго села щитаеша по числу могущихъ поднятъ оружіе: и такимъ образомъ во всей Черногоріи полагающъ 15,000 воиновъ, могущихъ вышши въ поле, а какъ они ведутъ жизнь совершенно военную и носятъ оружіе съ 16 лѣтъ до глубокой старости, то умножая число воиновъ въ чепверо, цѣлое народонаселеніе полагащъ надобно до 60,000. Увѣряющъ, что въ собспвенной землѣ, они могутъ выставитъ 30,000 оруженосцевъ.

Деревни спроящса въ долинахъ и близъ рѣкъ, въ коихъ вода превосходна; дома въ одинъ этажъ раздѣлены на двѣ части: въ одной половинѣ помѣщаеша домашняя скопина, въ другой, гдѣ посреди поставленъ очагъ безъ трубы, живешъ семейспво. Спѣны складывающса изъ камней просто одинъ на другой;

только для малаго числа двуэшажныхъ и монастырей употребляется известъ и черепица; прочіе, будучи покрыты соломой, представляютъ бѣдные шалаши, коихъ лучшую мебель составляютъ черепы головъ и оружіе непріятелей, напоминающихъ молодымъ людямъ славу ихъ опцевъ.

Монастырь Цетине, главное мѣсто пребыванія Мишрополипа, окруженъ стѣною съ прорѣзами и имѣетъ нѣсколько малыхъ пушекъ. Тутъ собирается народный сеймъ. Здѣсь хранятся грамоны, данныя Черногорскому народу, при каждомъ восшествіи на престолъ нашихъ Императоровъ.

Монастырь Спаневичи, подаренный Венеціанами, находится въ округѣ Побори на границѣ Черногорской; онъ также укрѣпленъ каменною стѣною съ брустверомъ, защищаемымъ пушками. Положеніе его опъ напурѣ неприступно. Церковь, построенная Венеціанами, украшена многими дарами Россійскихъ Монарховъ.

К л и м а т ъ.

Суровость погоды, стужа и зной мало превозають народъ сей. Воздухъ свѣжъ и здоровъ; онъ очень сухъ зимою, и сіе вспомошествова гибкости тѣла, укрѣпляетъ и содѣлываетъ Черногорцевъ способными къ перенесенію неимовѣрныхъ трудовъ. Лѣтніе жары умѣряются вѣспочнымъ вѣтромъ, кошо-

рый, начинаясь въ полдень, прохлаждаетъ и освѣжаетъ жишелей. Черногорцы доспигають глубокой старости: я видѣлъ 70 лѣтнихъ при осадѣ Рагузы; меня увѣряли, что многіе изъ нихъ живутъ и за сто.

Б о л ѣ з н и.

Болѣзни очень рѣдки между Черногорцами: они обязаны симъ своей воздержности, чистотѣ воздуха, а болѣе порядочной жизни. Они не танцуютъ по ночамъ на балахъ до упоминія; спраши ихъ не возбуждаются театральными представленіями; они не знаютъ никакихъ нашихъ прихотей модной жизни. Опъ сего многія болѣзни даже и по имени имъ неизвѣстны. Лѣченіе головной боли, простудной горячки, колошья, и другихъ болѣзней, случающихся во время походовъ ихъ, опъ ударенія солнечныхъ лучей, или опъ вѣтра, оспанавливающего вдругъ испарину, оставляють они природѣ или употребляютъ полезныя травы и коренья. Опытъ научаетъ нѣкоторыхъ простыми средствами вылѣчивать тяжкія болѣзни, и сіе знаніе переходитъ опъ опца къ сыну. Между ими есть искусныя костоправы. Лѣченіе ранъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Къ легкимъ прикладываютъ паушину, мохъ и шрушъ: къ порѣзамъ листъ плюща, или скорлупу чеснока. Къ тяжелымъ ранамъ, дѣлають каплазмъ изъ травы, извѣстной у насъ подъ именемъ Иванъ да Марья

(или иначе спѣнная шкура), сжимая ее между двухъ каменьевъ; нѣкоторые посыпаютъ кашаплазмъ солью, и опѣ сего проспаго средства раны закрываются чрезъ 15 дней. Они не знаютъ употребленія ланцета, а отворяютъ кровь, какъ у насъ лошадямъ, за ушами и въ икрѣ ноги бритвою. Когда опѣ солнечныхъ лучей болятъ голова, они пускаютъ сами себѣ кровь изъ носа, перетянувъ шею шуго шуркомъ, толкаютъ въ носъ свернутою бумажкою или шравою. Не взирая на грубую пищу, безпреспанные войны, лишеніе пособій и недоспапки, которыми подвергались въ частыхъ походахъ, они до самой смерти живутъ не чувствуя почти никакихъ припадковъ. Проспая жизнь, чуждая суешъ и напряженій ума, берегаетъ ихъ здравіе. Просвѣщенный или лучше сказать свѣтскій человекъ скорѣе дѣлается жертвою спрасей вредныхъ ему и противныхъ природѣ. Обязанности обычаевъ, сидѣніе за науками, рѣдкое на открытомъ воздухѣ пребываніе, неумѣренность въ употребленіи жирной и лакомой пищи, излишество забавъ, прихотливостъ, изнѣженностъ, славолубіе, стыдъ, завистъ, и многія другія спраси, сильнѣе въ немъ дѣйствующія, мало по малу изнуряютъ шѣлесныя силы его. Даже самыя добродѣтели, чувствительностъ, состраданіе, чадолубіе обращаются во вредъ, когда при разслабленіи жилъ сильно потрясаютъ душу. Но Черногорецъ, ограниченный въ сво-

ихъ желаніяхъ, копорыя удобно можешь удовлетворить, живешь счастливо и довольно. Когда опечесиво въ опасности, драгоценная независимость его угрожается рабствомъ, онъ безъ размышленія поспѣшно беретъ ружье, сражается, освобождаетъ его, и шѣмъ оканчиваетъ свою заботливосшь. Душа его, хотя также причастна спраспямъ, подвержена добродѣтелямъ и порокамъ, но не съ такою степенью чувствительности: онъ помогаетъ ближнему, но не мучится его спрданіями; умираетъ за опечесиво, но умираетъ за него въ сраженіяхъ, а не отъ унынія или сердечнаго сокрушенія о его бѣдствіяхъ; смерть друга, потеря жены, или единственнаго сына, хотя и наводитъ ему сильную горесшь, однакожъ не такую, копорая бы лишила его всей душевной швердоспи и разруша крѣпосшь здравія содѣлала его жерпивою сего живаго и нѣжнаго чувства. Словомъ, воспитаніе приближая его къ природѣ, копорой онъ есть простое чадо, избавляетъ отъ множества болѣзней, происходящихъ отъ образа нашей жизни и нашей чувствительности.

Произведенія.

Не взирая на частые набѣги на своихъ сосѣдей, опвлекающихъ отъ земледѣлія и при всей безплодности горъ, нѣсколько долинъ, удовлетворяющъ доспапочно нуждамъ жише-

лей, производя хлѣбъ, вино, винныя ягоды, груши, яблоки, сливы, копорыя превосходны, коровье масло, сыръ, кожи, шерсть, ленъ, воскъ, медъ и пр. и пр. Нынѣшній Мипрполипъ, научивъ обрабатывать карпофель, ввелъ его во всеобщее употребленіе.

Земледѣліе.

Земледѣліе ограничивается простыми приемами, утвержденными опытомъ, и безъ улучшенія, по одной привычкѣ, пашни и сады довольно хорошо обработаны. Гдѣ нѣтъ дорогъ и земля очень гориста, работа должна быть многопрудна. Хлѣбныя поля воздѣлываютъ они киркою, а тяжесты перевозятъ на лошакахъ и ослахъ. Лошади и быки очень рѣдки. Овцы, въ особенності же козы, копорыхъ содержатъ въ большомъ числѣ, составляютъ главнѣйшее ихъ богатство. По неимѣнію луговъ и недоспадку корма, зимою принуждены они бывать продавать часть домашней скотины въ Капаро, но весною, опнимая спада у своихъ сосѣдей; они всегда замѣняютъ свой убытокъ. По множеству и дешевизнѣ домашнихъ пшницъ, приносимыхъ въ Капаро на рынокъ, должно заключить, что они имѣютъ ихъ очень много. Черногорскія собаки весьма уважаются въ Италіи и во всемъ Левантѣ; головы ихъ похожи на пелячи; онѣ проворны, злы и такъ смыслены,

что въ самую темную ночь по обонянiю далеко слышатъ чужаго человѣка, и горе постороннему, который бы хотѣлъ ночью тихонько пробраться въ селенiе! днемъ сперегутъ онѣ спада, и споль свирѣпы и сильны, что нападають сами собою на хищныхъ зверей; ночью же охраняють деревню отъ внезапностей.

Торговля.

Степень просвѣщенiя народа измѣряется успѣхами земледѣлiя и торговли. Сiи два искусства подають одно другому взаимную помощь, и одно ихъ соединенiе составляетъ силу и благосостоянiе царствъ; но какую дѣятельность могутъ доставить торговль Черногорцы, которые не терпятъ сообщенiя съ изобильными обласiями, ихъ окружающими, и у коихъ хлѣбопашество находится въ младенческомъ? Они имѣють сношенiя только съ Капаро, единственнымъ мѣстомъ ихъ торговли; да и сiи заключаются въ небольшой продажѣ и еще меньшей покупкѣ. Сверхъ плодовъ, хлѣба и масла, они привозятъ Бокезцамъ, шерсть, шелкъ въ куклахъ, лѣсъ, уголья, и много соленой и копченой баранины и сыру, кошорые отправляются въ Триестъ. Умѣренность Черногорцевъ сохраняетъ отъ собственнаго ихъ продовольствiя большую часть сихъ произведенiй. Въ обмѣнъ получаютъ они ружья, пистолеты, свинецъ,

порохъ, ножи и янаганы, черепицу, коею за-
жибочные покрываютъ крыши своихъ до-
мовъ, желѣзные инструменны, писчую бума-
гу, соль, глиняные горшки, просшую спеклян-
ную посуду; еще покупаютъ они пестрые ло-
скупья сипцу или шелковые плашки, красныя
шапочки, Венеціанской бисеръ для женщинъ,
и другія мѣлочныя вещи. Воишь чѣмъ ограни-
чивается вся ихъ торговля, коюрой выго-
ды всегда въ ихъ пользу и постоянно оди-
наковы съ давняго времени. Изъ сего заклю-
чить можно, что золото скопляется со дня
на день въ ихъ землѣ и что шопъ, коего
плащье бѣдно, имѣетъ небольшое сокровище,
которое не обращаясь лежишь зарыто въ
углу его дома. Торгъ производися мѣною или
наличными деньгами, способъ самый простой
и вѣрный; ибо опасаяся обмана, они никогда
не заключающъ договоровъ съ людьми мало
имъ извѣстными. Жишели коммунишаша До-
брошы заслужили ихъ довѣренность; они
берущъ опъ нихъ напередъ деньги или шо-
вары и обязуюшся доспавляшь въ прилич-
ное время, хлѣбъ, рыбу или другіе припасы,
и вѣрно держащъ данное слово. Обыкновенно
они имѣющъ таковыя сношенія съ кумовья-
ми и крестными брашьями (*); сіе дальнее
родство дѣлаешъ условія ихъ священными и

(*) Въ залогъ дружбы они мѣняются крестами, и сіе называется
между ими *побратело*, то есть крестный братъ, почитае-
мый не менѣе роднаго.

ненарушимыми. Кромѣ мѣлкой Турецкой монеты, Венеціанскихъ червонцевъ и Австрійскихъ серебряныхъ талеровъ, они не берутъ никакихъ другихъ денегъ.

Науки, ремесла и языкъ.

Черногорцы совершенные невѣжды. Умѣющіе чипать и писать почитаются между ими людьми учеными. Высшее духовенство и шѣ дворяне, кои служили въ Россійской арміи довольно свѣдуши. Кромѣ священныхъ книгъ, печатаемыхъ въ Кіевѣ, они не чипаютъ никакихъ другихъ. Свободныя ремесла, кромѣ необходимыхъ въ жизни, также вовсе имъ неизвѣстны, ибо предметы роскоши счлановаясь не нужными въ грубомъ образѣ жизни, какую ведутъ они, подобно самымъ необразованнымъ народамъ. Въ каждомъ домѣ изъ собственнй шерсти и льну дѣлается толстое сермяжное сукно и холстина. Одежда ихъ не подвержена непосредству моды: она всегда проста и одинакова, почему и не шрудясь они для обрабашыванія другихъ издѣлій, имъ излишнихъ. Имѣя необходимое, зная опчасши кузнечное и слѣсарное мастерство, служащее для починки ружей, они живутъ въ совершенномъ невѣдѣніи другихъ Искусствъ и Художествъ. Женщины суть лучшіе ихъ ремесленники. Черногорцы, удержавъ вольность свою и имѣя мало общенія съ

иноземцами, сохранили въ полной чистотѣ коренной Славянскій языкъ. Выговоръ ихъ мягче и пріятнѣе нежели Сербовъ, Кроатовъ и Далматовъ, ибо первые мѣшаютъ Славянскія слова съ Турецкими, вторые съ Нѣмецкими, а послѣдніе съ Италіянскими. Пишутъ они церковными буквами.

Правленіе.

Черногорія есть Республика, въ коей равенство поддерживается бѣдностію, вольность храбростію, законъ замѣняется обычаемъ. Сія малая обласъ представляетъ образъ правленія безъ печатныхъ уставовъ. Черногорцы, не платя ни какихъ податей, не собирая общественной казны, управляются сами собою, и живутъ покойно и щастливо. Правленіе Черногоріи можно назвать народнымъ и избирашельнымъ. Сеймъ или сборъ Главарей есть драгоцѣннѣйшій залогъ ихъ независимости; на ономъ рѣшился миръ, война и большинствомъ голосовъ избираются какъ самъ Митрополисъ, такъ Губернаторъ и 4 Сердаря или военачальника. Вотъ какъ это дѣлается: когда соберутся на обширный лугъ, находящійся при монастырѣ Цетинѣ, Митрополисъ излагаетъ нужду объявить войну, заключить миръ или сдѣлать какое либо постановленіе, и спрашиваетъ, согласны ли они или нѣтъ. Священники и Главари, разошедшись по толпамъ, повтора-

юпть предложеніе слово въ слово. Начинается безпорядочный шумъ; народъ разсуждаетъ, полкуешъ, споришъ, но никогда не случалось, чшобъ подобно другимъ народнымъ депушамъ, рубили тушъ уши и носы. Звонъ колокола повелѣваетъ замолчанъ, и какъ бы споръ ни былъ силенъ, но при первомъ звукѣ насшаешъ совершенная тишина. Мипрополишъ ошашъ спрашиваетъ, чѣмъ они рѣшили, и согласны ли на предложеніе. Обыкновенно слѣдуетъ опвѣтъ: буди по швоему, владыко! (шакъ они называютъ Мипрополиша). Доспоинство Владыки и Губернашора сдѣлалось наслѣдственнымъ; ибо уваженіе, кошорымъ они пользуются, число ихъ доброжелателей и частію искапельство, доставляющъ сіе званіе и дѣшамъ ихъ или родственнымнику, кошорому они хошашъ передать свой санъ. Такимъ образомъ въ фамиліи Пешровичей и Радоничей, уже съ давняго времени ушвердилось сіе званіе. Сердари избираются на жизнь, и весьма уважаются по шому, что въ нихъ предполагается храбрость и искусство, доказанныя опытами во многихъ сраженіяхъ. Чинъ сей не можетъ сдѣлаться наслѣдственнымъ, ибо каждый Черногорець, почиая себя храбрымъ, ищешъ его. Князья или Главари деревень избираются старѣйшинами семействъ; иногда и сіи удерживаютъ шипла для дѣшей своихъ, еспли они шого достойны и будутъ выбраны. Князья сіи, имѣя пышный шипуль, не болѣе какъ наши деревен-

скіе старосны или выборныя. Губернашоры, Сердари, не имѣють ни почестей, ни какихъ преимуществъ, ни какого знака опличія или вознагражденія, и малое имѣють вліяніе на правленіе; они приглашаются посредниками въ легкихъ ссорахъ, и участвуютъ на Сеймахъ; ибо безъ согласія ихъ, какъ народныхъ предсавителей, не можетъ бытъ рѣшено ни какое постановленіе. Верховная, духовная и гражданская власти перешли въ руки Мишпрополиша; но единственно по тому, что онъ заслужилъ оныя своимъ просвѣщеніемъ, а болѣе мужествомъ и твердостью; ибо, въ противномъ случаѣ, власть его содѣлалась бы ничтожною, и народъ будучи чѣмъ либо не доволенъ, не смѣлъ бы ему повиноваться. Изъ сего должно заключить, что правленіе нынѣшняго Владыки справедливо и крошко. Образъ внутренняго гражданского правленія, сходствуетъ совершенно съ древнимъ Папіріаршескимъ: старѣйшины или опцы семействъ имѣють полную власть надъ своими домохадцами. Здѣсь нѣтъ наследственнаго дворянства, всѣ имѣють равныя преимущества и послѣдній Черногорецъ можетъ бытъ на время Княземъ, Сердаремъ и Губернашоромъ. Однакоже нѣтъ изъ нихъ, кои за службу получили дворянство отъ Сербскихъ Королей или занимали должностъ предсавителей народныхъ, хотя и не имѣють дипломовъ и ни какихъ

преимущество; но происходя отъ опцевъ, почтенныхъ шишломъ, всюду дающимъ достоинство дворянства и соединенныя съ онымъ права, по справедливости должны быть признаваемы за благородныхъ.

З а к о н ы.

Подъ словомъ законы я разумью то, что замѣняешь оныя. Здѣсь нѣтъ ни Судей, ни Прокуроровъ, ни Спряпчихъ, и можетъ бытъ къ удивленію многихъ долженъ сказать, *нѣтъ* ни какихъ *тяжебъ*. Собственность переходитъ по наслѣдству къ дѣтямъ мужескаго пола: старшій получаетъ домъ и заведенія, младшій выбираетъ лучшую часть земли; они никогда не продаютъ ее, живутъ обыкновенно вмѣстѣ, хозяйство имѣютъ общее; обычай замѣняетъ завѣщаніе и каждый благоговѣнно соблюдаетъ достоинство опцевъ своихъ. Обруженныя непріятелями, знаютъ, что согласіе составляетъ ихъ силу, и поному ссоры у нихъ рѣдки. Славные своимъ грабительствомъ у непріятелей, воровство въ своей землѣ почитаютъ безчестнымъ, и преступленій сего рода почти никогда не бываетъ. Въ случаѣ же кражи, они прибѣгаютъ къ священнику, который послѣ обѣдни, зажегши свѣчу чернаго воска, пребываетъ возвращенія покраденныхъ вещей, и угрожаетъ проклятіемъ. Вѣра у сего неразвратившагося народа такъ сильна, что при шрешемъ провозглашеніи, большая

часть виновныхъ падаетъ на колѣни и признается. Кромѣ публичнаго покаянія, не налагается на нихъ никакого наказанія; но общественнымъ мнѣніемъ лишается онъ уваженія; его бѣгаютъ какъ язвы, и даже семейство его теряетъ къ нему довѣренность. Пресупникъ, утративъ честь, впадаетъ въ уныніе, и обыкновенно самъ себя убиваетъ, или оставляетъ домъ и опечесство.

Черногорцы, какъ и Бокезцы, весьма чувствительны къ чести, злобы и мстительны. Хвастливость ихъ не уступаетъ Французскому самохвальству. Всякая ссора начинается бранью, а кончится тѣмъ, что они стрѣляютъ другъ въ друга изъ ружья или рубятся на сабляхъ. У нѣкоторыхъ приморцевъ, болѣе просвѣщенныхъ, предупреждая непріателя вызываютъ его на смертельный поединокъ. У Черногорцевъ же, если одинъ будетъ убитъ или раненъ, родня опмщаетъ за него, что они называютъ *кровь за кровь*. Если не могутъ убитъ явно, то подъ видомъ дружбы всякою хитростию спараятся достигнуть своей цѣли. Вдова убитаго хранитъ кровавую рубаху, дабы сына своего, когда онъ возмужаетъ, подвигнуть къ мщенію, и какъ случается, что убійца оставляетъ свое Опечество, то мстятъ на его ближнемъ. Сей невинный находить новыхъ мстителей; такимъ образомъ вооружаются цѣлыя селенія, и тогда ни Губернаторъ, ни самъ Владыка

не въ силахъ оспановити кровопролитіа. Обычай сіи наминають пѣ варварскія времена 11 и 12 столѣтій, когда право сильного почишалось справедливостью, а не преступленіемъ, и когда люди, не слѣдовавшіе сему обычаю, предавались презрѣнію. Но сіи кровопролитія не слишкомъ часты; они предупреждаются слѣдующимъ способомъ, который также служишь и въ другихъ ссорахъ: обѣ спороны посылають переговорщиковъ для устанавленія суда, что они называютъ *послатъ на вѣру*. Согласившись на миръ, избирають посредниковъ поровну съ каждой спороны. Число ихъ по доброй волѣ проспирается отъ 10 до 40. Судьи сіи соединившись выслушиваютъ испца и опвѣщчика, освѣдомляюся подробно о дѣлѣ и счишають выспрѣлъ ружья или ударъ саблею не по вреду, который онъ причинилъ, но по тому, какой бы онъ могъ сдѣлать, и по здоровомъ сужденіи и разбирапельспвѣ, произносять торжественный приговоръ, неподверженный ни какой апелляціи. Виновный осуждается заплащитъ денежную пеню; за одну рану 10 червонныхъ, за двѣ 20, а за убійство 120 червонныхъ; но если преступникъ не въ состояніи внести таковую сумму, то за раны плащитъ только то, чего стоило лѣченіе; а за убійство подносять обиженному подарки, состоящіе въ оружіи и лучшей одеждѣ. Въ смертоубійствѣ, для доставленія большаго удовольствіенія, заставляють преступника оказатъ

уничижительное смиреніе, или, такъ сказать, просишь публично прощенія. Для сего судьи и присуществующіе составляютъ большой кругъ, въ средину коего осужденный, имѣя повѣшенное на шеѣ ружье, саблю или кинжалъ, долженъ ползти на колѣняхъ къ стопамъ оскорбленнаго, который, снявъ съ него оружіе, поднимаетъ и обнявъ его, говоритъ: „Богъ тебѣ прости!“ Присуществующіе кликами радости поздравляютъ примирившихся и два соперника послѣ сего искренно позабываютъ свою вражду. По примиреніи, виновный угощаетъ всѣхъ судей и несетъ издержки сего пышнаго праздника. Должно замѣтить, что при подобныхъ сужденіяхъ (которыя они называютъ *кровавое коло* или *кровавый судъ*) нѣтъ лицепріятія: тутъ деньги не могутъ подписать приговора, ибо страхъ мески, какъ бы кто ни любилъ оныхъ, по неволѣ заставляетъ быть безприспартнымъ.

Мужъ, убившій пресупную жену, точно такъ какъ и пойманнаго вора, не подлежитъ законному наказанію; если же, по разбирательствѣ между родными, окажется она невиною, онъ платитъ кровь за кровь опцу или брашу, или и его убиваютъ. За убійство женщины, по примиреніи, сдѣлавъ уничижительный приговоръ, не платятъ кровавой дани. Дѣвица, прежде замужества родившая, *побивается камнями*, и отецъ или братъ бросаетъ первый камень, а соблазнитель *разспрѣливается* своими ближними. Въ тяжбѣ

гдѣ требуется 12 свидѣтелей, за недостаткомъ сего числа, должно подвергнуться *водной пробѣ*, или опуститься опъ дѣла. Для сего кусокъ раскаленнаго желѣза, брошеннаго въ копель кипящей воды, должно достать обнаженными руками.

Императоръ ПАВЕЛЪ I повелѣлъ учредить постоянное судилище подъ именемъ *Кулукъ*, состоявшее изъ 60 избранныхъ спарцевъ, и опредѣлилъ имъ на жалованіе 2.000 червонныхъ. Почетные сіи судьи должны были разбирать всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, но какъ съ одной стороны судьи, получающіе жалованіе, производили въ другихъ зависъ, и искажельство сихъ мѣстъ причиняло безпорядки, а съ другой и подсудимые, привыкшіе по своему желанію выбирать себѣ судей, не соглашались подвергнуться сужденію Кулука, по оное верховное судилище, по приказанію Императора, на другой же годъ уничтожено.

В ъ р а.

Черногорцы прибѣжны къ Богу. Вѣра ихъ проста и искренна; они не пропускаютъ праздника, чтобъ не быть въ церкви, не предпринимаютъ никакого дѣла, не перекрестившись, и хотя не многіе знаютъ читають *отче нашъ* но слѣпо исполняютъ долгъ Христіанина. Молитва, милостыня и примиреніе съ врагами предъ святымъ причастіемъ, суть

добродѣтели, довольно уже смягчившія ихъ дикой нравъ. Поспшы строго ими наблюдаются. При умѣренномъ образѣ жизни, оныя для нихъ не затруднительны. Обряды богослуженія Греческой вѣры пѣже самыя, что и у насъ; они не уважаютъ образовъ, писанныхъ на холстинѣ и сѣнахъ, кажется единственно по тому, что такіе употребляются Каполиками. Притѣсненіе Греческаго исповѣданія въ Кашаро, и (едвали вѣроятный) поступокъ Каполиковъ, которые, какъ говорятъ они, за сполѣтъ предъ симъ, въ Рагузѣ, въ праздникъ Пасхи, зажгли Греческую церковь, въ коей погибли всѣ бывшіе у заупрени, пишающъ сію вражду.

Праздникъ Рождества.

Изъ числа церковныхъ торжествъ, которые вообще сходны съ нашими, обрядъ, бывающій у нихъ на праздникъ Рождества Христова, относится къ самой отдаленной древности, и, кажется, сохранился отъ первыхъ Христіанскихъ временъ. На канунъ, каждое семейство при закатѣ солнца, приготавливаетъ полстое дубовое бревно, мѣстами разщепленное и украшенное лавровыми вѣтками. Старѣйшина съ своими домочадцами кладетъ полѣно на очагъ, и когда оно загорится, льетъ масло и вино, и бросаетъ горсть соли и муки на огонь; потомъ, засвѣпивъ онымъ свѣчи и лампаду предъ иконами, молишь о

благоденствіи своего семейства и всѣхъ Христіанъ. Послѣ беретъ кубокъ вина, опивается немного, подаетъ старшему сыну, сей передаетъ другому; и кубокъ обходитъ вокругъ безъ различія пола, — обстоительство особенное, ибо женщины, исключая церковныхъ обрядовъ, не допускаются въ сообщество мужчинъ. Сія Папріархальная молитва показываетъ вѣру ихъ къ небесному промыслу, и ожиданіе изобилія плодовъ земныхъ. По окончаніи обряда мужчины выходятъ на высоту, спрѣляютъ изъ ружей, и громкимъ голосомъ возвѣщаютъ начало торжества. Въ сіе время зритель поражается звуками выстрѣловъ и кликами; *Христосъ родися!* Въ одно время въ каждомъ селеніи и во всей Черной горѣ, начинается спрѣльба. Послѣ сего садятся за сыпый столъ, посреди коего положены одинъ на другой три хлѣба въ видѣ сахарной головы, на вершинѣ копорой втыкаютъ зеленую лавровую вѣтвь съ апельсиномъ или яблокомъ. Предъ каждымъ мужчиною положенъ сдѣланный или вырѣзанный изъ хлѣба лукъ со спрѣлою, гошевою лепѣть. Старожилы даютъ сему разное значеніе, но вѣроятно, что лукъ знаменуетъ, подвиги ихъ предковъ, а лавръ пріобрѣтенную ими славу. Праздникъ продолжается восемь дней, въ продолженіе копорыхъ, какъ и во время Пасхи, столъ, сдѣланный изъ наспланной соломы, не снимается, яствы гошевы для угощенія посѣщителей, странника и бѣднго. Въ сіи дни Черно-

горецъ оспавляетъ воздержность, не думаетъ о будущемъ, забываетъ настоящее, забываетъ самого себя и издерживаетъ столько, сколько было бы ему достаточно на многіе мѣсяцы. Браки и крестины доставляютъ новыя, не столь пышныя пиршества, но въ Рождество и бѣднѣйшій, дабы удовлетворить издержкамъ, продаетъ что нибудь; даже прауръ отъ того не освобождаетъ; вся разность въ томъ, что печальное семейство не спрѣляетъ изъ ружей, и не выходитъ изъ дому посѣщать друзей своихъ.

Духовенство.

Монаховъ въ Черногоріи весьма мало. Они ведутъ строгую, совершенно затворническую жизнь. Въ сей санъ посвящаются особы изъ именитѣйшихъ гражданъ; они занимаются ученіемъ, довольно просвѣщены, ибо надѣются достигнуть Митрополитскаго достоинства, и участвуютъ на сеймѣ въ выборѣ Владыки. Они раздѣляются по 4 монастырямъ, находящимся въ Цепинѣ, Станевичахъ, Берчели и на рѣчкѣ Черницѣ. Свѣтское духовенство едва умѣетъ читать и совершать службу, и въ одеждѣ не различается отъ народа. Священникъ, входя въ церковь, снимаетъ на персти свое оружіе, и беретъ за него первый при кликѣ: кто есть випязь! Они опличаются храбростію, и по тому большею частію, по избранію своихъ прихожанъ, начальству-

юшъ опрядами. Священники, кромѣ сана, весьма уважаемаго, не имѣюшъ ни какихъ поспороннихъ доходовъ, а довольствуются своимъ достояніемъ, и никогда не отдѣляются отъ своего семейства.

Епархія.

Достоверные писатели полагаютъ основаніе здѣшней Епархіи въ 14 столѣтіи. Одни приписываютъ оное Императору Стефану изъ дома Нейманья, другіе Стефану Королю Сербіи, который, дабы имѣть въ спранѣ сей болѣе приверженцевъ, возвелъ Архіепископство Пешинское на степень Митрополіи, зависящей отъ Папріаршества Константинопольскаго. Римскіе писатели увѣряютъ, что Македоній, одинъ изъ Греческихъ Епископовъ, въ 1640 году написалъ покорную грамоту Папѣ Урбану VIII, но не видно, чтобы онъ, ни же пріемники его искали соединенія съ западною церковью. Напрошивъ, независимость Черногорскихъ Митрополиповъ явствуетъ и изъ того, что въ 1720 году, во время посвященія одного изъ нихъ, Султанъ послалъ своего Чауша, засвидѣтельствовать ему свое уваженіе и увѣрить въ своемъ доброжелательствѣ. Нынѣшній Митрополитъ, покровительствуемый Императрицею ЕКАТЕРИНОЮ II, умѣлъ склонить Іосифа II, къ утвержденію духовной своей независимости. Петръ Петровичъ получаетъ отъ Двора на-

шего значительное вспомошествованіе; прочіе его доходы, состоящіе въ приношеніяхъ и сборахъ съ его собственнаго имущества, могутъ простираяться до 40 или 50.000 рублей.

Нынѣшній Митрополитъ.

Вліяніе Митрополита Черногорскаго на Славянскіе народы Сербіи, Босніи, Герцоговины и Далмаціи, содѣйствіе его съ нашими войсками въ войнѣ прошиву Французовъ, сдѣлають, можетъ быть, подробности о немъ занимательными.

Петръ Петровичъ родился въ 1753 году, въ селеніи Негушъ близъ Кашаро. Съ малолѣтства назначенный быть главою Республики онъ воспитывался въ С. Петербургѣ въ Невскомъ Монастырѣ; сіе воспитаніе, при природныхъ дарованіяхъ, сдѣлало его достойнымъ сего сана. Проходя всѣ чины духовнаго званія, въ 1777 году, въ Вѣнѣ, онъ былъ принятъ Императоромъ Іосифомъ II благосклонно, и въ томъ же году въ Карловицѣ посвященъ въ Митрополиты. Осправясь изъ Вѣны въ С. Петербургъ, хотя вспомошествуемъ былъ Аббапомъ Долчи и Рагузинскимъ Графомъ Зановичемъ, но предложенія его не имѣли успѣха. Въ другой же разъ при дворѣ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ былъ онъ принятъ съ особымъ вниманіемъ. При вторичномъ возвращеніи изъ Петербурга, во время Турецкой войны

1789 года, онъ сдѣлалъ диверсію въ Босніи и Герцоговинѣ, а въ 1788 году вліяніемъ и внушеніями опвлекъ войска Паши Скупарскаго, опъ участіи въ войнѣ прошиву Россіи. Сія преданность обрапила на него милости Императрицы. Славное разбиіе Магмуша, Паши Скупарскаго, еще болѣе сдѣлало его извѣстнымъ. Императоръ ПАВЕЛЪ I, также былъ къ нему милосивъ и украсилъ его орденомъ Св. Александра Невскаго. Въ семъ 1806 году наиболѣе, ему обязаны приведеніемъ въ подданство жишелей Капаро. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, кромѣ многихъ щедрыхъ подарковъ, за опличную его храбрость, при защищеніи Капарской области оказанную, пожаловалъ ему богашый клубъ Мишрополиша.

Петръ Пепровичъ не малаго росша, имѣешъ спанъ спройный, лице румяное, видъ привлекашельный, наружность важную и глаза исполненные живости. Я имѣлъ случай видѣшь его при въѣздѣ въ Капаро, когда онъ былъ въ церкви, на вахшъ-парадѣ, при осмошрѣ укрѣпленій и въ домѣ Губернашора Генерала Пушкина; видѣлъ его въ санѣ первосвященника, владѣшельнаго Князя, Генерала, Инженера, обходишельнаго придворнаго, и могу сказашь, онъ не похожъ на *Петра пустышника*, собравшаго воинство крестоносныхъ рыцарей, онъ одинъ въ свѣшѣ Архіерей, согласующій въ себѣ достоинства, споль прошивоположныя паспырскому жезлу. Въ церкви, когда съ важностію сѣлъ на пріугошо-

вленный ему шронъ, онъ былъ Царь. Въ домѣ у Генерала, черное бархатное полукафтанье, подпоясанное богатымъ кушакомъ, на коемъ висѣла сабля, украшенная драгоцѣнными камнями, круглая шляпа и Александровская лента чрезъ плечо, представляли его болѣе Генераломъ, нежели Митрополитомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ съ большею ловкостію повелѣвалъ предъ фронтомъ на вахтъ -- парадъ и при осмотрѣ городовъ крѣпости, нежели съ небольшою уклонкою благословлялъ подходившихъ къ нему офицеровъ. Онъ всегда окружаетъ себя многочисленною свитою; виписи его или гвардія настоящіе исполины, чудобогатыри; самый меншій изъ нихъ не менѣе 2 аршинъ 12 вершковъ; впереди шелъ великанъ росту 3 аршинъ; оружіе ихъ блистало золотомъ, перламутромъ и коралами; одежда вся обшита позументомъ и залита серебромъ. Пётръ Петровичъ говоритъ по Италіански, по французски и по Руски, точно какъ на своемъ природномъ Славянскомъ языкѣ, но по своей политикѣ и сану полагаетъ приличнѣйшимъ употреблять въ публичныхъ переговорахъ, для первыхъ двухъ, переводчиковъ. Онъ чуждъ предразсудковъ и суевѣрій, любитъ просвѣщеніе, находитъ удовольствіе бесѣдовать съ иностранцами, внимательно наблюдаетъ ходъ политическихъ происшествій въ Европѣ, умѣетъ пользоваться обстоятельствомъ и искусно вывертывается изъ трудныхъ дѣлъ. Путешествія его,

просвѣщеніе и природная остроумность придаютъ разговору его ясность и пріятность, а обхожденію самую тонкую вѣжливость и важность. Умъ его въ безпрестанной дѣятельности; власполюбіе управляетъ всѣми его дѣланіями и помышленіями. По всему кажется, что онъ весьма расположенъ къ завоеваніямъ. Политическія и военныя его дарованія и духъ его народа моглибы обнадѣжить въ успѣхъ, еслибы онъ былъ въ состояніи пріучить Черногорцевъ къ подчиненности, безъ которой и храбрость ихъ бесполезна. Возвышеннымъ умомъ, мужествомъ и твердостью, онъ сдѣлался царствующимъ самовласнымъ Владыкою. Воля его почитается закономъ, и Черногорцы слѣпо ему повинуются; они боятся его взора, и исполняя его приказаніе, говорятъ: „*такъ Владыка заповѣда*“. Такимъ образомъ соединивъ въ себѣ гражданскую и духовную власть, онъ сдѣлалъ много добра своему опечеству и прекратилъ частыя смертоубійства и буйства. Впрочемъ власть его крошка: непослушныхъ предастъ онъ проклятію, и если въ это время умираетъ кто нибудь скоропостижно, то легковѣрный народъ говоритъ: гнѣвъ Божій поразилъ его: конечно онъ былъ виновенъ!“ Венеціане и Австрійцы, не признавали его Владыкою Цетинскимъ, Скандерійскимъ и приморскимъ, но есть Митрополитомъ Черногорскимъ, Албанскимъ и Бокезскимъ, можетъ быть по тому, что послѣднія двѣ области не принадлежали ему; но онъ влі-

яніемъ духовной своей власпи умѣлъ привеситъ ихъ въ опасеніе, заспавитъ уважатъ санъ свой и искаитъ его дружбы и расположенія. Во время войны онъ лично предводишельствуетъ войсками, и почиается споль же искуснымъ полишикомъ, какъ и Генераломъ.

*Образъ Черногорской войны
и ихъ тактика.*

Черногорець всегда вооруженъ: въ самыхъ мирныхъ занятіяхъ, онъ имѣетъ при себѣ ружье, пистолеты, ятаганъ и сумку съ патронами. Ношеніе оружія на Воспокъ почиается знакомъ опличія и принадлежноспію независимоспи. Въ свободное время упражняются Черногорцы въ спрѣляніи въ цѣль и пріучаются къ оному съ младенческихъ лѣтъ. Даже въ играхъ и увеселеніяхъ ихъ, виденъ воинскій духъ. Безспорно отъ всѣхъ признаются они искуснѣйшими спрѣлками. Привыкши къ шрудамъ и недоспашку, съ веселоспію и безъ упомленія дѣлаютъ Суворовскіе марши; опираясь на конецъ длиннаго своего ружья, перепрыгиваютъ широкіе рвы и переходятъ такія пропасти, гдѣ для другихъ войскъ должно бы спроить мосты; съ легкоспію восходятъ на неприступныя скалы; терпѣливо сносятъ голодъ, жажду и всякія нужды. Когда непріатель разбиетъ и решируется, они обгоняютъ его такъ скоро, что

симъ замѣняють конницу, которой въ здѣшнихъ горахъ имѣть не возможно.

Подобно Мальшійскимъ Кавалерамъ, ведутъ они вѣчную войну съ Турками. Обитая въ горахъ, представляющихъ на каждомъ шагѣ трудныя дефилеи, гдѣ горсть храбрыхъ можетъ остановить цѣлую армію, они не боясь нечаяннаго нападенія, ибо всегда по границѣ споятъ на спражѣ и въ 24 часа всѣ воины могутъ собраться на мѣсто угрожаемое. Еслили непріятель силенъ, они жгутъ села, истребляютъ свои поля и заманиваютъ его въ горы, гдѣ окруживъ, нападаютъ съ опчаянною храбростію. Черногорцы въ опасности опечесства забываютъ личностъ, свою пользу и частныя вражды, повинуются начальникамъ, и какъ мужественные республиканцы, почитаютъ счастьемъ, Божескою милостію, умереть въ сраженіи. Здѣсь они являющіеся истинными воинами, въ опечесства дикими варварами, предающими все огню и мечу. Понятіе ихъ о войнѣ совершенно различествуетъ отъ правилъ, принятыхъ просвѣщенными народами. Они рѣжутъ головы непріятелямъ, попавшимся въ руки ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и даютъ пощаду только тѣмъ, кои прежде сраженія добровольно опдаются. Опцнаное имущество почитаютъ своею собственностію и наградою храбрости. Сами же сражаются, въ полномъ смыслѣ слова, до послѣдней капли крови. Никогда Черногорецъ не проситъ пощады; если же онъ тяжело

раненъ и не можно спасти его опъ рукъ не-
пріятеля, то товарищи опрѣзываютъ ему
голову. При нападеніи на Клобукъ, небольшой
нашъ опрядъ принужденъ былъ опспушптъ.
Одинъ изъ Офицеровъ, дородный и уже въ
нѣкопрыхъ лѣпахъ, упалъ на землю, изну-
ренный успалостію. Въ сію минулу прибѣ-
гаетъ къ нему одинъ Черногорецъ и вынувъ
свой яшаганъ, говоритъ ему: „Ты очень храбрь
и желашъ долженъ, чшобы я опрѣзалъ тебѣ
голову. Сопвори молишву, перекресписъ.....
Пораженный удивленіемъ и ужасомъ Сфицеръ
собираетъ силы, и съ помощію того же Чер-
ногорца, скоро догоняетъ своихъ. Всѣхъ
попавшихся въ плѣнъ почишаютъ уже уби-
тыми. Раненыхъ своихъ выносятъ изъ сра-
женія на плечахъ, и къ чеспи Черногорцевъ
должно сказать, что такимъ образомъ спа-
сали они нашихъ Офицеровъ и солдатъ. По-
добно Черкесамъ, малыми партіями единсп-
венно для опняпія скопа дѣлаютъ они без-
преспанные набѣги, и почишаютъ это *моло-*
детествомъ. Въ сихъ сшибкахъ ни одинъ изъ
сосѣдей сравнипся съ ними не можетъ. Бу-
дучи безопасны въ своихъ жилищахъ, гдѣ уже
съ давняго времени никшо не осмѣливается
ихъ беспокоитъ, они безнаказанно продолжа-
ютъ грабпшельства, пренебрегаютъ угроза-
ми Дивана и ненавистію своихъ сосѣдей; сло-
вомъ, имя Черногорца наводитъ ужасъ.

Оружіе, небольшой хлѣбъ, сыръ, чеснокъ,
немного водки, старое плашье и двѣ пары

сандалій изъ сыромятной кожи составляютъ весь багажъ Черногорцевъ. Въ походъ не ищутъ они защиты ни отъ солнца, ни отъ холода. Во время дождя Черногорецъ, завернувъ голову *спрукою* (суконная шаль) на шомъ же мѣстѣ, гдѣ стоить, свернувшись въ клубокъ, ничкомъ и споя на колѣняхъ, имѣя ружье подъ собою, спитъ весьма покойно. Три, четыре часа ему достаточны для подкрѣпленія силъ, прочее время безпрестанно ночь и день нападаетъ. Ихъ никогда не можно удержатъ въ резервѣ; кажется они не могутъ сносить виду непріятеля. Когда разспрѣляютъ папроны, то съ покорностію просятъ ихъ у всякаго встрѣчающагося съ ними Офицера; а получивъ оное и браня Бонапарте, спремглавъ бѣгутъ въ переднюю линію. Если непріятеля не видно, то они поютъ и пляшутъ, или занимаются грабежемъ, въ чемъ (должно опдасть имъ справедливостъ) они весьма искусны, хотя и не знаютъ пышныхъ названій: *Контрибуція*, *реквизиція*, *насилъственные займы* и тому подобное. Грабежъ называютъ они просто грабежемъ и опнюдъ въ шомъ не запираются.

Вотъ какъ сражаются сіи нерегулярныя войска: Будучи въ превосходномъ числѣ, не прежде нападаютъ скрышою силою, какъ употребивъ хитростъ. Для сего скрываются въ оврагахъ и высылаютъ только малое число стрѣлковъ, которые опступая, заводятъ въ засаду, гдѣ окруживъ непріятеля, предпочи-

наюшъ бѣлое оружіе, поелику сила и отважность дѣлаюшъ успѣхъ для нихъ болѣе надежнымъ. Если же они слабѣе, то выбираютъ выгодное положеніе на высокихъ скалахъ, откуда, произнося всякаго рода ругательства, вызываютъ на бой. Большею частію нападаютъ они ночью, ибо система ихъ есть нечаянность. Впрочемъ, какъ бы они малочисленны ни были, старающа ушоминъ непріятеля непрестаннымъ сраженіемъ. Чипашель послѣ увидишъ, что лучшіе Францускіе волпижеры, на передовыхъ постахъ всегда были испребляемы, и непріятельскіе Генералы нашли удобнѣйшимъ, стояшъ подъ защитою пушекъ, копорыхъ Черногорцы не жаловали. Однакожь скоро къ онымъ привыкли, и съ подкрѣпленіемъ нашихъ егерей смѣло всходили на бапарей. Тактика Черногорцевъ ограничивается мѣлкою стрѣльбою. Небольшой камень, яма, дерево укрываетъ ихъ отъ непріятеля. Стрѣляя большою частію съ земли, берегутъ они себя, и вѣрный, скорый ихъ выстрѣлъ, несетъ смерть въ сомкнутые ряды регулярныхъ войскъ. Сверхъ того они отличаются хорошимъ глазомѣромъ, умѣютъ пользоваться мѣстоположеніемъ, и какъ сражающа обыкновенно отступая назадъ, то Французы, почишавшіе сіе прусосцію, всегда обманывались и попадались въ засады. Напротивъ того, они такъ оспорожны, что самые хитрые маневры обмануть ихъ не могутъ. Они слышатъ непріятеля, такъ сказать, по

обоняннiю и усматривающъ его тогда, когда едва только можно разсмотрѣть движенiе его въ зрительную трубку. Чрезвычайная дерзость ихъ порожествовала надъ искусствомъ опытныхъ Французскихъ воиновъ. Нападая на колонны съ фланговъ и фронта разсѣянно и слѣдуя внушенiю личной смѣлости, они не боялись ужаснаго башальнаго огня Французской пѣхоты. Генераль *Лористонъ* желалъ двухъ Черногорцевъ, попавшихся въ плѣнъ, отпра- вить въ Парижъ на показъ; но одинъ изъ нихъ разбилъ себѣ голову объ стѣну, а другой уморилъ себя голодомъ.

Изъ сего заключить можно, что Черногорцы, въ горъ своихъ, не могутъ прошиву- стоять регулярнымъ войскамъ единственно по тому, что предавъ все огню, они не долго могутъ быть въ полѣ. Храбрость ихъ въ со- дѣйствiи съ нашими войсками и плоды по- бѣды терялись опъ ихъ безпорядка. При о- садѣ Рагузы не можно было узнать, сколько ихъ было подъ ружьемъ, ибо безпрестанно одни уходили домой съ добычею, другiе воз- вращались опшуда, и послѣ нѣсколькихъ дней неушомимыхъ трудовъ, съ какою нибудь без- дѣлицею, опходили въ горы. Съ ними не лзя итти въ дальнiй походъ, и пошому ничего важнаго предпринять не возможно. Впрочемъ по своей способности къ горной войнѣ, безъ всякаго свѣденiя въ тактикѣ, во многомъ имѣющъ они преимущество надъ

регулярными войсками. Во первыхъ они одѣты легко, чрезвычайно мѣпки въ стрѣльбѣ и заряжаютъ ружье свое гораздо скорѣе солдаты, которые, имѣя ружье съ прямымъ прикладомъ, не всегда умѣютъ попадать въ цѣль. Черногорцы же въ жару сраженія, лежа и разсѣявшись, стрѣляютъ на соединенный фронтъ. Поэтому-то, въ числѣ 100 или 150 человекъ, неуспрашимо нападаютъ они на колонну, изъ 1.000 человекъ состоящую. Въ правильномъ сраженіи, по однимъ знаменамъ можно судить о ихъ движеніи. Они имѣютъ условленные крики, дабы соединиться и напасть вдругъ на слабую сторону. Опъ главнаго знамени, носимаго при Мипрополишѣ, голосомъ дають они знать, что должно дѣлать. Тогда внезапно бѣгутъ впередъ, съ дерзостію врубаются въ каре и почти всегда причиняють безпорядокъ. Представьте дикой вой, ободряющій Черногорцевъ, ужасающій Французовъ, и присовокупите къ тому опрубленные головы, висяція у нихъ на шеѣ и за плечами! Все сіе должно произвести, какъ мнѣ кажется, ужасное дѣйствіе. Въ авангардныхъ перестрѣлкахъ, въ снятіи пикетовъ, а всего лучше въ истребленіи непріятельскихъ запасовъ, Черногорцы могутъ служить при арміи съ большою пользою; а если подчинить ихъ военному порядку, что не невозможно, то съ 100.000-ми такихъ воиновъ, можно бы дать хорошій урокъ лучшимъ регулярнымъ войскамъ.

Образъ жизни, нравы и обычаи.

Жизнь Черногорца единообразна. Пробуждаясь съ зарею, онъ оканчиваетъ день съ захожденіемъ солнца; когда же ночи бываютъ длинны, то съ семействомъ своимъ проводитъ нѣсколько времени у очага, гдѣ горящая ель служишь ему вмѣсто свѣчи. Война есть главная спраснь. Дѣятельность, предприимчивость и храбрость ихъ внушаютъ ужасъ; но сколь жестоки они противу непріятеля, столь крошки миролюбивы въ домѣ. Посреди трудовъ и когда бываетъ одинъ, Черногорецъ имѣетъ видъ угрюмый и важный, въ обществѣ же всегда веселъ и охотно предается радости. Вина у нихъ много, но пьютъ его умеренно и никогда не упиваются до потерянiя чувствъ. Говоря съ знашными иностранцами, они не показываютъ ни низости, ни дерзости, и, что всего удивительнѣе, при такомъ невѣжествѣ, очень остроумны и изъясняются съ ловкостью и пріятностью. Черногорцы не имѣютъ понятiя о неравенствѣ состоянiй, и потому, не исключая и начальника копорому обязаны повиноваться только въ сраженiи, они обходясь очень свободно и кланяются малымъ наклоненіемъ головы и движеніемъ руки съ такою пріятностью, какъ бы учились у танцмейстера.

Госпеприимство, свяшая добродѣтель всѣхъ народовъ, отъ корени Славянъ происходящихъ,

у Черногорцевъ почитается должностію. Спранникъ, котораго буря заспигла въ доро-
гѣ, пребуешъ его у перваго дома, и если въ
деревнѣ нѣтъ знакомыхъ, то обыкновенно
идешъ онъ въ домъ Князя. Не спрашивая ни
имени, за чѣмъ и куда идешъ, хозяинъ подчи-
ваетъ гостя чѣмъ можетъ, жена или младшая
въ домѣ невѣстка, умываетъ ноги и положивъ
обѣ руки на его плеча, ожидаетъ приказанія и
служишъ ему вмѣсто служанки; опходя, въ
знакъ благодарности, гость, попретавъ хо-
зяина по плечу, говоришъ: „Спасибо, землякъ,
подлинно у тебя добрая жена.“ Черногорець
не можетъ опказать въ гостепріимствѣ смер-
тельному врагу, убійцѣ сына своего, и при-
нявъ оказываетъ ему должное вниманіе. По-
добно древнимъ рыцарямъ, будучи связанъ че-
стнымъ словомъ, хранишъ тайну ему ввѣрен-
ную опъ друга или врага съ равною точностію.

Спароси опдаются величайшее уваженіе. Начальникомъ селенія вообще бываетъ чело-
вѣкъ самой пожилой. Юноша вспаетъ при
входѣ спарца и почтительно цѣлуешъ ему ру-
ку; женщины цѣлуютъ руку у мужчинъ, а спа-
риковъ цѣлуютъ въ лобъ, въ правое плечо и
руку. Чувства сыновней любви обязываютъ
еще къ большому почтенію: превосходный обы-
чай, который, укрѣпляя связи общества, по-
крываетъ цвѣтами путь ведущій ко гробу!
Храбрось прошиву непріятеля и сей обы-
чай Черногорцевъ напоминаютъ счастливые
дни Спарты.

Къ стыду просвѣщенныхъ народовъ Черногорецъ имѣетъ уваженіе къ женѣ ближняго. Юсифы здѣсь не рѣдкость, ибо женѣ Пеншефрія совсѣмъ нѣтъ. Женщины почищаются низшимъ созданіемъ. Апостольскія слова: „жена да боится своего мужа“ здѣсь въ полной мѣрѣ исполняются. Черногорецъ пребудетъ опъ жены своей непрекословнаго повиновенія и хочетъ, чтобы она служила ему раболѣпно. Впрочемъ обходясь они съ женами снисходительно, и безъ гонимей допускаютъ къ сполу. Женщины имѣютъ довольно свободы; онѣ не прячутся опъ мужчинъ, какъ у Бокезцевъ; только дѣвицы, кромѣ церкви и по на великой праздникъ, никуда изъ дому не выходятъ. Жена, принимая фамилію мужа, и по опчеству зовется егоже именемъ. Походы, поѣздки въ Капаро и частыя опсупствія мужей благопріятствуютъ распуществу, но женщины цѣломудренны, можетъ быть опчаспи и по необходимости, ибо вѣрная смерть угрожаетъ имъ и любовникамъ ихъ за невѣрность. Впрочемъ Черногорцы такое имѣютъ уваженіе къ нѣжному полу, что считается великимъ безчестіемъ и низостию обидѣть женщину, и пошому по употребляютъ ихъ для посылокъ и часто шпионами. Красавица въ лагерь Черногорскомъ можетъ быть спольже покойна и безопасна какъ подъ надзоромъ своей матери; почлось бы великимъ безчестіемъ для того, кто вздумалъ бы влюбиться въ нее. Въ походѣ жена мужу несетъ съѣстные припасы;

имѣя кинжалъ и пистолетъ въ случаѣ нужды умѣетъ ими защищаться. Мать даже до забвенія печали хвалился ранами своего сына, и хотя она больше мать нежели республиканка, однакожь ближе всѣхъ сходствуетъ въ семъ случаѣ съ Спартанкою.

Словомъ: Черногорецъ, будучи презвъ; гостепріименъ, почтительный сынъ, нѣжный отецъ, добрый братъ, супругъ власпительный, но рабъ своего слова, имѣетъ еще сполько добродѣтелей, что звѣрство его къ другимъ перевѣшивается счастьемъ домашней жизни, которая напоминаетъ намъ золошой вѣкъ и доблести нашихъ праотцевъ. Онъ хотя и любитъ жену, дѣшей, оставляетъ ихъ съ крайнимъ прискорбіемъ, но любя еще болѣе опечесиво, разлуку съ ними переноситъ съ швердоспїю; опечесива же своего ни за какое въ свѣтѣ благополучіе не рѣшится оставить. Адмиралъ (Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ) въ короткое время пріобрѣлъ отъ нихъ неограниченную довѣренность; онъ не только успѣлъ въ томъ, что они перестали рѣзать плѣннымъ головы, и уже приводили ихъ живыхъ, но сверхъ всякаго ожиданія съ помощію Митрополиша уговорилъ ихъ предпринять походъ моремъ, чего прежде никогда не дѣлывали. Роша Черногорцевъ посажена была на корабль Москву. Съ великою трудностію убѣдили ихъ положить оружіе въ сундукъ, и не смотря на то, что обходились съ ними снисходительно ласково, они причиняли не малое безпокойство.



Вуко Юро
Славнѣйшій стрелокъ Сербогорскій.

Когда Капишанъ приглашалъ ихъ начальниковъ на завтракъ, то всѣ они безъ приглашенія входили въ каюту. Замѣтивъ же, что Офицерамъ подають на столъ больше блюдъ, нежели мапрозамъ, они хотѣли, чтобы и имъ тоже давали. По взятіи крѣпости Курцало, праздникъ Рождества приближался; они не давали Капишану покою и просили, чтобы поскорѣй шель въ Капаро; когда расположили имъ, что корабль при прошивномъ вѣтрѣ иппи не можетъ, то они впали въ мрачное уныніе и сидѣли, повѣся голову; когда же корабль приблизился ко входу, они, узнавъ Черную гору, произнесли радостный крикъ, и начали опяшь пѣть и плясать. Прощаясь, съ признашельностію обнимали Капишана и Офицеровъ, и всѣхъ, кого они больше полюбили, наспопшельно приглашали къ себѣ въ госпи; когда мапрозы имъ опвѣчали, что безъ позволенія Начальника не лзя имъ оплучиться, то они съ удивленіемъ говорили: „Если ты хочешь, то кто имѣетъ право запрешить тебѣ сіе.“

Черногорцы вѣрятъ сновидѣніямъ, ворожеямъ и колдовству. Если жена видѣла во снѣ, что мужъ подвергается какой либо опасности, то сей оплагаетъ задуманное имъ предпріятіе. Симъ образомъ хипроситъ женщины замѣняютъ похищенную у нее свободу, и повелѣваетъ съ кротостію пѣтъ гордымъ мущиною, копорый почиаетъ низостію поцѣловать руку красавицы! Пролиное на

спюль масло значить дурное предвѣщаніе, въ опивращеніе коего, въ полнолуніе спарая ворожея произноситъ нѣкопорыя таинспвенныя слова. Ладонки на шеѣ сунъ талисманы, охраняющіе опъ нечисшой силы, и опъ пули непріятелей.

Черногорки чрезвычайно трудолюбивы; лѣпомъ раздѣляютъ полевая работы съ мужчинами, зимою шкупъ холспъ и дѣлаютъ сермяжныя сукна, одѣваютъ себя и мужей, и во всѣхъ проспыхъ рукодѣльяхъ довольно искусны. Онѣ такъ здоровы, что совсѣмъ не чувспвуютъ припадковъ беременности, и въ самый день родовъ продолжаютъ работашъ. Дѣши сперегутъ спада; когда подраспуть, помогаютъ въ шрудахъ родилеямъ, и въ 16 лѣпъ идутъ на войну.

Наружность и одѣяніе.

Самый видъ Черногорца показываетъ мужеспво. Они вообще великорослы, имѣютъ широкія плеча, сухое тѣло, и особенную спройность всего спана. Черные волосы, смуглое лице и усы придають взгляду ихъ видъ воинспвенной и самую мужеспвенную пріятность лица. Мужская одежда состоитъ изъ бѣлаго сермяжнаго кафшана, подобнаго нашему, и называется *бѣлага*; лѣпомъ холспинная исподница, какія носятъ наши креспьяне, синяго цвѣта, а зимою суконная. Руская рубаха закрываетъ ихъ до колѣнъ; въ зимнее время

подшивается она кожею; на головѣ или лучше на темѣ носятъ красную шапочку съ шелковою черною кисточкою. Шаль, называемая ими *струка*, или длинный лоскутъ толстаго сукна служишь имъ вмѣстѣ одѣяла, поснели, отъ дождя, жару и холоду. На рубашкахъ они не носятъ камзоловъ; кусокъ сыромятной воловьей кожи, привязанной къ спину ремнями, составляетъ родъ древнихъ сандалій, называемыхъ ими *опанки*; лѣтомъ ноги голы, а зимою оберпываются онучами. Кафшанъ шуго подпоясываютъ Албанскою поршунею съ сумками. Они носятъ за поясомъ пару пистолетъ, япаганъ, кинжалъ и ножикъ; сабля привязывается на спинѣ въ горизонтальномъ положеніи, ружье сохраняютъ отъ дождя въ кожаномъ мѣшкѣ. Самый бѣдный имѣетъ оружіе, украшенное перломунгомъ, серебромъ и коралами; оно составляетъ все ихъ богатство и щегольство. Черногорецъ не выйдетъ изъ дому, чтобы не осмотрѣть, есть ли порохъ на полкѣ, исправны ли кремни и курокъ. Впрочемъ о своей наружности мало некупись, ихъ дыханіе далеко распространяетъ запахъ чеснока и свиного сала. Въ грязи и въ крови, какими видѣлъ я ихъ въ лагерь при осадѣ Рагузы, они наводятъ ужасъ.

Женщины малы ростомъ, но пригожи и очень милостивы. Онѣ одѣваются почти также какъ мужчины, только лѣтомъ еще легче; тогда онѣ носятъ одну рубашку, которая закрываетъ ихъ грудь, а спереди разноцвѣтная

панява или передникъ, снизу украшенный длинными шнурками. Дѣвицы заплетаютъ косу и красныя свои шапочки украшаютъ по краямъ монетами; такое же или бисерное ожерелье составляетъ лучшій и любимый ихъ нарядъ. Кафшаны ихъ безъ рукавовъ какъ Турецкой пюникъ; низъ рубашки и широкіе рукава, вышиваются очень красивымъ узоромъ (*). Вельможи и народъ, богатый и бѣдный, имѣютъ одинакое платье съ тою только разницею, что нѣкоторые носятъ серебряныя пуговицы и на ногахъ бляхи, а замужнія женщины сверхъ шапочки носятъ плашукъ.

Б р а к и.

Чувство, которое усугубляетъ наслажденія, даруетъ человѣку новое бытіе, любовь не пріуготовляетъ и не сопровождаетъ брака: оный зависитъ отъ родителей. Обрядъ сватовства сходствуетъ съ нашимъ; разница только въ томъ, что женихъ, собравъ родныхъ и пришедъ къ дому невесты, нападаетъ на оный примѣрнымъ сраженіемъ; братъ невесты, пребудетъ вѣна, состоящаго обыкновенно въ женскихъ нарядахъ. Послѣ вѣнца, новобрачная сопровождается съ музыкою и спрѣльбою въ домъ мужа, отъ копо-

(*) Смотри картинку.



Черногорка.

раго на претій день бѣжитъ къ родителѣмъ, а мужъ ее выкупаешъ, только 10 папронами. На вдову при вшоричномъ бракѣ, не надѣваютъ вѣнца, и вмѣсто музыки провожаютъ ее бѣеніемъ въ пазы и сковороды. Дочери не наследуютъ опцовскаго имѣнія, но брашья споль щедро награждаютъ при выдачѣ сестеръ въ замужество, что онѣ вмѣстѣ съ шѣми подарками, кои на первой день брака приносятъ имъ родственики и даже сосѣди, имѣютъ уже небольшое спадко и свою собственность, весьма доспапочную по ихъ образу жизни. Какъ бы мужъ ни любилъ свою жену, онѣ спыдишся сего чувсва, и ласкаешъ ее только на единѣ; любовь послѣ брака естѣ тайна, и пошому въ одномъ домѣ и въ одной избѣ, мушины живутъ розно съ женщинами. Спыдливоспѣ и цѣломудріе принадлежатъ равно обоимъ поламъ.

Похороны.

Жена и дѣти умершаго созываютъ родныхъ, плачутъ, что и у нихъ называется *голосъбою*, и царапаютъ до крови лица. Женщины, опрѣзавъ волосы, кладутъ ихъ на могилу. Похороны проспы; плиша или камень, ушвержденный въ землѣ верпикально, означашъ гробницу богашаго и бѣднаго: такимъ образомъ и за предѣломъ жизни сохраняется равенство. Если умрешъ отецъ семейства, то дѣлаютъ куклу, одѣтую лучшимъ его воен-

нымъ нарядомъ, и положивъ на сполъ, кладутъ вокругъ оружіе и всѣ трофеи, опнытые имъ у непріятеля. Кукла сія, для поминовенія, оспаеся на сполъ 40 дней.

Игры и увеселенія.

Черногорцы опмѣнно любятъ музыку, пѣніе и пляску. Возвращаясь съ поля, изъ похода, даже въ виду враговъ на мѣстѣ сраженія, они поютъ и пляшутъ почти безпрестанно. Свирель и гудокъ, называемые ими *сфира*, и гусли составляютъ музыкальные ихъ инструменты. Слепые играютъ на гусяхъ съ искусствомъ. Припѣвая любимыя національныя пѣсни, приводятъ они въ восторгъ слушателей; имъ плащятъ за то щедро, ибо и здѣсь лучше умѣютъ награждать за удовольствіе нежели за услугу.

Пѣсни заимствованы опъ Османа Великаго Славянскаго и нѣкоторыхъ Рагузинскихъ Поэтовъ. Въ нихъ прославляются подвиги и слава Славянскаго народа. Кравевичъ Марко и Юра Каспріопичъ, (славный Скандербергъ) наиболѣе упоминаются. Романсовъ, выражающихъ сладости и мученія любви, я никогда не слыхалъ; ихъ замѣняютъ заунывныя пѣсни, изображающія потерю отца, жены и матери или тоску по родной сторонѣ, каждый стихъ въ оныхъ оканчивается повтореніемъ, которое перекашомъ продолжаютъ до потери голоса. Въ военныхъ пѣсняхъ, кар-

шина бивъ и кровопротіія, сохраняя память опечесивенныхъ героевъ воспламеняетъ сердца ихъ огнемъ мужества; оныя замѣняятъ испорію. Другія пѣсни, дѣйствуя на слухъ согласіемъ звуковъ повергають ихъ въ пріятную задумчивость.

Пляска любимая забава Черногорцевъ. Взявшись рукой за руку и соспавъ кругъ, или спавъ одинъ противу другаго, въ сильномъ напряженіи мышцъ взмахивая руками, и прыгая съ одной ноги на другую, или сжавъ обѣ, и перескакивая впередъ, вертясь скоро, шопаютъ крѣпко ногами, и приговаривають: *скажи горѣ! скажи коло!* то есть скачи выше.

Борьба, спрѣлганіе въ цѣль, бѣганіе въ запуски, игра въ шары и бросаніе камней, называемыхъ *диски*, какъ у насъ городки, словомъ всѣ увеселенія представляютъ образъ войны. Женщины забавляются особо; только въ большіе праздники и то довольно старыя допускаются въ сообщество мужчинъ; разговоры и посѣщенія занимають молодыхъ женщинъ. Здѣсь не знаютъ никакихъ азартныхъ игръ; разговоры вообще бывають осемейственныхъ и народныхъ пользахъ. Въспро прогулки, Черногорецъ, взошедъ на скалу, ложисья ничкомъ и распянувшись на землѣ, проводитъ цѣлые часы въ созерцаніи бурнаго моря и прибрежныхъ селеній.

Звѣриная ловля.

Въ двухъ большихъ лѣсахъ водятся медвѣди, волки и лисицы. Мѣха ихъ охотно покупаются въ Капаро. Спрѣляютъ кабановъ, зайцевъ и кроликовъ, почищаютъ пріятнымъ препровожденіемъ времени. Орлы, соколы и прочія хищныя птицы очень обыкновенны. Зимой ловятся множество перепелокъ, куропашокъ, жаворонковъ, ушокъ, куликовъ, дроздовъ, зябликовъ и пр., копорыхъ здѣсь рѣдко ѣдятъ, ибо охота, представляя образъ войны, имѣетъ въ предметъ не прибыль, но единое удовольствіе и упражненіе.

Рыбная ловля.

Малыя рѣки, впадающія въ рѣку Бояну, текущую по границѣ, и въ большое Скушарское озеро, особенно рѣки Черновича и Синица, какъ и самое озеро, копорое зовется ими Зенпа, весьма изобильны рыбою. Скорани, родъ маленькихъ сарделей, и скоби, собственно принадлежащія симъ рѣкамъ, извѣстны подъ общимъ именемъ бояны, и въ Италіи почищаются за рѣдкость и лакомство. Въ озерѣ и рѣкахъ ловятся необыкновенной величины форели, бывающія вѣсомъ въ 40 фунтовъ. Кромѣ употребленія жителями, изъ Капаро въ Тріестъ и Мессину, ежегодно отправляютъ пять или шесть большихъ судовъ съ копченою и соленою рыбою. Въ Апрѣль и

Маѣ бываетъ лучшая ловля. Меня увѣряли, что въ сіе время обыкновенно прилепаешъ множество пшицъ, называемыхъ *корнахи*. Думаешъ должно, что это родъ рыболововъ, питающихся рыбою. Убивашъ ихъ считающъ за грѣхъ по слѣдующей причинѣ: когда онѣ появляшся въ Черной горѣ, рыбаки со всѣхъ селеній, собравшись, и оислуживъ молебенъ, ставяшъ мережи въ рѣкахъ и озерѣ, потомъ бросающъ въ воду приманку, состоящую изъ размоченной ржи, и лишь рыба покажется на поверхности, корнахи съ большимъ крикомъ на нее кидающся. Рыба испугавшись тысячами попадаешся въ мережи: рыбаки, въ знакъ благодарности, кормяшъ пшицъ пойманою рыбою, и потому, пока продолжается ловля, онѣ привыкающъ къ людямъ, помогающъ имъ въ оной, и не прежде оставляющъ берега рѣкъ и озера, какъ по окончаніи ловли.

П и щ а.

Пшеничной хлѣбъ, смѣшанной съ кокорузою, для зажиточныхъ, ржаной для бѣдныхъ, лукъ, чеснокъ, составляющъ главную пищу Черногорцевъ. Они рѣдко ѣдашъ мясо, и въ семъ случаѣ цѣлаго барана или свинью жаряшъ на вертелѣ. Чаше могли бы имѣшъ овощи и зелень, но будучи чрезвычано умѣренны и воздержны, они большую оныхъ часть продающъ. Кофе и другія прихоти роскоши вовсе имъ неизвѣстны. Они упо-

нребляющъ пищи столь мало, что судя по силѣ ихъ, должно тому удивляться.

Древности.

Гробницы, построенныя въ видѣ чешвероугольныхъ сполповъ со сводами, сложены изъ кирпича и такъ прочно, что многія до сихъ поръ сохранились. Въ срединѣ ихъ находятъ лампы и обручья зеленой мѣди, копорые въ древнія времена надѣвались на правую руку усопшихъ; иногда попадающся въ сихъ гробницахъ медали Филиппа и Александра Македонскихъ, а болѣе монеты Восточной Имперіи. Черногорцы не уважающъ сими рѣдкостями, и въ Капаро опдающъ ихъ за бездѣлицу. При устьѣ рѣки Черницы, на островѣ Вранинѣ видны развалины древняго зданія, которое почитается жишелями дворцомъ Скандерберга, и часть земли, вокругъ лежащей, и донынѣ называется Скандеріа.

Исторія.

Типъ Ливій и Плиній первоначальныхъ обитателей страны сей называютъ *беатидами* (блаженными), копорыхъ происхожденіе неизвѣстно. Неизвѣстно также начало и жишелей, ихъ замѣнившихъ: одни думаютъ, что пришли они отъ береговъ Азовскаго моря и поселились на Восточной сторонѣ Венеціанскаго залива; другіе полагающъ, что жишели

Иллирика были попомки Цельшовъ, и, по образу всѣхъ прочихъ народовъ, управлялись сами собою, служили въ войскахъ Александра Македонскаго, и долго защищали вольность свою противу Римлянъ. Наконецъ послѣдній ихъ Царь Генцій, бывъ разбитъ Препоромъ Луціемъ Аникомъ, поперялъ часть Далмаціи отъ рѣки Типа, нынѣ, Карки, до Дрины съ близъ лежащими островами, простиравшуюся къ востоку до вершины горъ, называемыхъ въ таблицахъ Пшоломея Скардусъ. Черногорія принадлежала къ Иллирійскому Царству, котораго Короли имѣли свое пребываніе въ Скодрѣ, что нынѣ Скутари. По раздѣленіи Римской Имперіи, земли отъ Капаро до Дрины составляли часть провинціи Преваляшанской, принадлежавшей къ восточной Имперіи.

Въ началѣ шестаго вѣка, народъ, коего бытіе едва было извѣстно, подъ именемъ Славянъ, означающимъ людей храбрыхъ, являясь, громилъ Имперію, уничижаетъ Готтовъ и съ шестаго вѣка занимаетъ уже великую часть Европы отъ моря Балтійскаго до рѣкъ Эльбы, Тиссы и Чернаго моря. Языкъ, нравы и обычаи Черногорцевъ и другихъ Славянъ Далмаціи, Кроаціи, Босніи и Сербіи, не оставляющъ никакого сомнѣнія, что она происходятъ отъ одного съ нами Славянскаго корня. Въ началѣ седьмаго столѣтія Славяне, по покореніи Венгріи, заключивъ союзъ съ Греческимъ Императоромъ, вошли въ Иллирію, изгнали отсюда Аваровъ и основали

новыя области подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи, и Далмаціи. Всѣ сіи области въ началѣ были соединены и извѣстны подъ именемъ Сербскаго Царства, но опъ несогласій сильная сія держава раздѣлилась на малые удѣлы. Хищенія и кровопролитныя войны слабыхъ независимыхъ Князей угнетали народъ. Въ 14 вѣкѣ, Георгъ, покоривъ прочихъ владѣльцевъ, возстановилъ Сербское Царство, и потомки его, подъ именемъ Черновичей, сохранили оное до 1480 года, въ которое время Славяне, слабые опъ развлеченія силъ и междоусобія, почти вездѣ утратили свою независимость; одни покорены Османнами, другіе повинуются теперь чужеземнымъ владѣтелямъ, нѣкоторые перемѣнили уже Вѣру и забыли самый языкъ отечественный.

Съ сего времени, Черногорія причислялась къ Санджаку Скутарскому, но какъ Турки по причинѣ частыхъ возмущеній никогда не могли въ оной поселиться, то Черногорцы, смотря по обстоятельствомъ, иногда платили *каратъ* (подаць), иногда же ничего не давали и всегда считали себя независимыми. Въ 1571 и въ 1657 годахъ Турки, для покоренія Капаро завладѣли и Черногоріею; но послѣ двухлѣтнихъ усилій Черногорцы возвратили свою вольность. Съ 1656 года, со времени Владыки Даніила Петровича, должно считать Черногорію совершенно не принадлежащею Турціи.

Въ продолженіе двухъ вѣковъ, Порша изы-

скивала) способы привести сію провинцію въ повиновение. Турки даже въ то время, когда они оружіемъ своимъ ужасали Христіянскія державы, убѣдились, что всѣ ихъ покушенія на Черногорію были тщетны. По смерти славнаго Скандерберга, храбрые Албанцы принуждены были уступить силѣ; но Черногорцы остались свободными. Развалины Крои, столицы Скандерберга, обогреной кровію Музульманъ, гдѣ Амурапъ съ 150,000 разбитъ былъ горстцію людей, въ числѣ коихъ были и Черногорцы, и теперь еще видны недалеко отъ границы за рѣкою Дрино. Въ 1612 году Магметъ Паша съ 30,000 арміею вошелъ въ сію землю, но Черногорцы разбили его, и Паша съ великою потерей людей, сожегши одну деревню въ округѣ Бѣлопавлич, возвратился безъ успѣха. Въ слѣдующемъ году Паша Норослонъ, желая загладить стыдъ разбитія своего предшественника, наступилъ на Черногорію съ 60,000 арміею и думалъ покорить ее; обстоятельства сему благопріятствовали. Округи Черногоріи были раздѣлены враждою. Паша безъ сопротивленія достигъ до деревни Клементи и Бѣлопавлич. Сіе несчастіе соединило Черногорцевъ. Съ мужествомъ напали они на Пашу и близь урочища, называемаго *Кусонѣ-лугѣ*, разбили его на голову; большая часть непріятельской арміи легла на мѣстѣ; побѣдителямъ досталась богатая добыча, и Паша едва успѣлъ спастись съ отрядомъ конницы. Славная побѣда сія

уптвердила вольность и спокойствіе. Съ сихъ поръ Черногорцы, сдѣлавшись страшными своимъ сосѣдамъ, желали оправдать славу свою; военныя упражненія сдѣлались ихъ спрасію, а ненависть къ Туркамъ наслѣдственною.

Слѣдствіемъ таковаго расположенія было, что они предлагали услуги свои всѣмъ Державамъ, воевавшимъ съ Турціею. Слава Петра Великаго возбудила въ нихъ желаніе искашь соединенія съ Россіею. Въ 1712 году, по собсвенной наклонности, безъ посторонняго содѣйствія, оправили они депушатовъ съ предложеніемъ вѣрнопопданства, и Петръ Великій принялъ Черногорію подъ свое покровительствво. Съ сего времени сдѣлалась она щипомъ угнетенныхъ Турками Христіанъ, копорые находили у нихъ дружеское гостепріимствво и убѣжище безопасное. Сіи такъ называемые *ускоки* или выходцы, получая право гражданства, будучи приняты какъ братья по крови, и до сихъ поръ опличающся мужесвомъ и вѣрностью къ своему новому опечесву. Со временъ Петра Великаго Государи наши не преставали пещись о благососпоянніи Черногорцевъ, обращая особенное вниманіе на средства, могущія предохранить ихъ опъ вѣшняго нападенія и уничтожить внутреннія вражды и коварные замыслы сосѣднихъ Державъ. Въ 1718 году, когда Венеціане объявили войну Турціи, Черногорцы вооружились на защиту республики въ качествѣ ея подданныхъ, но по заключе-

ніи мира, мнимое сіе названіе уничижилося, и они объявили себя принадлежащими Россіи, кошорой Монархи, изливая благодѣяніе и милоспи, не требовали ошъ нихъ никакой зависимости. Императрица Елисавета, во время голода, послала великія суммы для содержанія народа. Императрица Екатерина II, за храброе содѣйсвіе въ войнахъ съ Турціею, не преспавала пещись о ихъ благѣ. Императоръ Павель I украсилъ храмы ихъ щедрыми подаяніями и учредилъ верховное судилище Кулукъ. Александръ I завель училища и опредѣлилъ досшашочную сумму для содержанія ихъ. Народъ, чувспвуй сему цѣну, не оспался неблагодарнымъ: во всѣ войны Россіи съ Турціею, не сходилъ онъ съ поля и умиралъ въ сраженіяхъ съ мужеспвомъ и вѣрностію неизмѣняемою. Въ войну 1768 года, Черногорцы взяли городъ Подгорицу и крѣпость Жаблякъ, опустошили окреспности, содержали Боснію и Албанію въ безпреспанномъ спрахѣ, и удерживая на своихъ границахъ многочисленныя войска Паши Скушарскаго и другихъ сосѣднихъ, въ пользу Россіи сдѣлали немаловажную диверсію. Во всѣхъ войнахъ Екатерины Великой съ Сулпаномъ, они принимали дѣяшельное учаспіе.

Въ 1785 году Бушашлей Махмупъ, Паша Скушарской, предпринялъ укрѣлишь сію провинцію; онъ собралъ ужасную армію, проникъ во внутрениость земли, но въ пѣсныхъ проходахъ Черногорцы спали швердо, и Паша, пре-

давъ огню занятыя имъ селенія, принужденъ былъ отступитъ съ великою потерей. Съ сего времени Черногорцы питали въ себѣ желаніе мщенія. Въ 1789 году они нашли случай удовлетворитъ оному: соединившись съ Австрійскими войсками подъ командою Маіора Вукасовича, они разбили Пашу, проникнули въ Албанію, сожгли множество Турецкихъ селеній и съ богатою добычею возвратились въ дома.

По повелѣнію нашего Двора, Подполковникъ Графъ Марко Ивеличъ набралъ въ Герцоговинѣ и провинціи Капарской 5000 корпусъ волонтеровъ. Митрополитъ Черногорской, предводительствуя значительною силою, раздѣленною на отряды, легкими сшибками и непрестанными нападеніями, удержалъ сосѣдственныхъ Пашей на своей границѣ, и тѣмъ, для войскъ нашихъ, сражавшихся на Дунаѣ, сдѣлалъ не маловажную диверсію.

Миръ, заключенный въ Сисповѣ 1791 года, не утвердилъ ихъ вольности. Султанъ, въ знакъ ихъ подданства, требовалъ небольшой дани. Черногорцы отказались и отъ малѣйшаго вида зависимости. Порта старалась склонитъ ихъ къ тому переговорами, но всѣ усилія и убѣжденія были тщетны, и Турки снова прибѣгли къ оружію.

Въ 1796 году, по тѣмъ же Магмуть Паша Скупарской, по тѣмъ же повелѣнію, присоединивъ къ себѣ войска сосѣднихъ Пашей, во чѣмъ бы ни спало, покоритъ, или истребитъ непокорное племя Славянъ. Паша вступилъ въ

предѣлы ихъ съ превосходною силою, состоявшею изъ храбрыхъ Албанцевъ и Янычаръ. Мишрополишъ Пепръ Пепровичъ, командуя малочисленнымъ своимъ народомъ, вспрѣшилъ непріятеля у мѣстечка *Круссе*, что близъ крѣпости Подгорицы на границѣ Черногорской, и объявилъ, что здѣсь должно умереть или побѣдить. Рѣшась однимъ сраженіемъ кончить кровопролитіе, онъ спалъ въ виду непріятеля на высотахъ, сдѣлавъ фальшивую атаку на Турецкой лагерь, и опустивъ назадъ поручилъ пяти тысячамъ отборныхъ воиновъ защищать дефилеи, приказалъ на камняхъ положить красныя шапочки, носимыя Черногорцами, и съ главнымъ корпусомъ въ ночь сдѣлавъ большой маршъ, обошелъ непріятеля въ тылъ и опрѣзалъ решираду. На утро Турки, обманутые огнями и шапочками, пошли къ дефилеямъ. 5000 Черногорцевъ, подобно Спаршанцамъ въ Термопилахъ, дрались отчаянно, не уступили ни шагу и удерживали нѣсколько часовъ стремленіе всей арміи. Въ полдень Мишрополишъ, прошедъ непроходимыми горами, явился въ тылу, спустился съ горъ и всею силою ударилъ въ изумленного непріятеля. Турки дрались съ оспервененіемъ. Черногорцы, защищая отечество, пренебрегая опасностями, врубались въ толпы, ихъ; сраженіе продолжалось трие сутокъ. Непріатели гибли тысячами, не могли прорваться, и разбины были на голову. 30.000 легло на мѣстѣ. Самъ Паша убитъ; обозъ и богатый ла-

геръ достались побѣдителямъ. Голова Паши, какъ знаменинѣйшій профей, вмѣстѣ со знаменами храняшся въ монастырѣ Цепинѣ. Славная сія побѣда ужаснула Турокъ, оградила независимость Черногорцевъ, и къ свойствен- ной имъ храбрости присоединила мысль не- побѣдимости. Слѣдствіемъ сего было, что по- граничные округа Берда, Кучи и Пипери присоединились къ Черногоріи.

Въ 1803 году Бонапарте просперъ виды свои на Черногорію, дабы, ушвердившись въ ней, держащъ Турцію въ страхъ и со временемъ опшоргнувъ опъ ней знанѣйшую часть или нанесъ ей неизцѣлимый ударъ. Какъ Черно- горцы до сихъ поръ предлагали свои услуги всякому, кто обѣщаль имъ помощь въ нападе- ніи на Турокъ; но, чшобы охранишь опъ не- воли, копорую подъ видомъ помощи готовилъ имъ Бонапарте, шопъже Графъ Ивеличъ, уже въ чинѣ Генераль-Лейшенанта, въ званіи до- вѣренной особы посланъ былъ для опкрытія народу сего подлога и взятія нужныхъ мѣръ осторожности, копорыя и имѣли полный успѣхъ. По занятіи провинціи Капарской, Черногорія вмѣстѣ съ оною, содѣлалась зна- чительнымъ обладаніемъ Россіи. Главнокоман- дующій обѣихъ обласпей, по опдаленности опъ опечесшва, хопя имѣлъ весьма малыя средшва, но искренняя преданность вообще всѣхъ Славянъ помогла ему ниспровергнувъ всѣ коварные замыслы непріязненныхъ державъ. Сія преданность и похвальная самонадѣян-

носпѣ на свое мужество утвердились еще болѣе побѣдою у старой Рагузы, разбиѣемъ Генерала Лориссона, на горѣ Баргарше въ укрѣпленной бапареями неприспупной позиціи, и наконецъ пораженіемъ Генерала Мармонпа, который съ превосходною силою, принужденъ былъ поспѣшно опспупить опѣ Каспель-Ново, и опказавшись опѣ завоеванія, думать о собспвенной своей безопасности.

З а к л ю ч е н і е.

Народъ, споль къ намъ близкій, и споль мало извѣспный, говоря однимъ съ нами языкомъ, имѣя пуже вѣру, происходя опѣ одной крови, между нѣмъ какъ мы, родные его братья, споймъ на знаменипой спепени просвѣщенныхъ націй, ведемъ посреди варваровъ дикую жизнь, и имѣемъ пѣже нравы, какіе предки наши имѣли при храбромъ Князѣ Свяшославѣ.

Швейцарія, мѣспнымъ положеніемъ споль сходспвующая съ Черногоріею, въ нѣдрахъ безплодія доставила себѣ счаспливое довольспво. Голландія, покрывая болонами, угрожаемая моремъ, не имѣя ни одной хорошей приспани, неупомимымъ прилѣжаніемъ, содѣлалась ценспромъ торговли вселенной. Сибирь, подѣ опеческимъ правленіемъ, на замерзшей землѣ собираемъ богатыя жашвы. Далмація, неблагопріяспвующая природою, могла усердіемъ и геніемъ Дандоло принявъ новый видъ. Приморцы въ судоходспвѣ снискали свое про-

довольствіе ; другіе ближніе имъ сосѣды и однородцы Герцоговины, Босняки и Сербы, подъ игомъ угнетенія, въ глубокомъ изнуреніи рабства и обремененій, извлекли изъ земледѣлія и торговли весь плодъ, котораго пользу могли скрыть отъ безпечныхъ своихъ ширановъ; а Черногорцы, будучи свободны и независимы, вѣчно стоя на спражѣ своей вольности, не знаютъ благосостоянія, происпекающаго отъ мудрости законовъ и попечительности Монарховъ, не дѣлаютъ никакого усилія и не показываютъ никакого желанія выйти изъ невѣжеспвеннаго своего омраченія.

Обработываніе земли для Черногорца не что иное, какъ посторонній предметъ, для коего употребляетъ онъ однѣ физическія силы; нѣтъ видовъ, нѣтъ улучшенія, и все ограничивается простыми способами, по обычаю содѣлавшимися священными. Спрашивается къ войнѣ попускаетъ въ немъ желаніе пріобрѣтати богатство; довольствуясь малымъ, опправляя общеспвенныя должности безвозмездно, пренебрегая избытокъ, беззаботно проводитъ онъ жизнь въ самовольной бѣдности. Торговля, умножающая земныя произведенія, также ему неизвѣстна, кромѣ не значущихъ мѣнъ въ Капаро; набѣги и грабежи составляютъ всѣ сношенія съ изобильными провинціями, его окружающими. Сіе отчужденіе, не отъ того происходитъ, чтобы душевныя его способности были ограничены; напрошивъ, онъ имѣетъ проницательность, весьма здра-

вый разсудокъ и удивительную смышленность и переимчивость; истина сія доказывается примѣрами ихъ, кои служатъ въ Россійской арміи и бывають въ чужихъ земляхъ: они оказываютъ способность къ изученію языковъ и наукъ, а болѣе склонность ко всѣмъ ремесламъ, и въ короткое время дѣлаются другими людьми; но успѣхи ихъ бесполезны для отечества, ибо вообще они труда болѣе не возвращаются. По своей безпечности народъ сей, безпрестано употребляя во зло благодѣянія Провидѣнія, не постигаетъ наклонности своего разума, даже не зная способностей своихъ, старается отдѣлить ихъ отъ души и упрямо пребываетъ въ прежнемъ невѣжествѣ.

Мечтанія Философовъ о независимости могутъ въ семейственной жизни Черногорцевъ найти образъ щастливой свободы, но другъ человѣчества всегда откроетъ въ томъ безпорядокъ своеволія, гдѣ право сильного и неумолимое мщеніе замѣняютъ всѣ законы; онъ пожелаетъ въ сердцѣ, да освободятся они отъ безчисленныхъ бѣдствій войны, имъ и сосѣдамъ ихъ равно пагубной, и да оставятъ жизнь, сколько противную достоинству человека.

Подъ властію мудрыхъ законовъ, мощныя руки Черногорцевъ отворачиваясь отъ грабежей, посвящаясь воздѣлыванію земли; жапы ихъ будутъ обильнѣе, неразчищенные лѣса, необработанныя вершины горы, могутъ искуствомъ рукъ превратиться въ тучныя для

многочисленныхъ спадъ паствы; размножающіяся яблони, груши, гранаты, миндаль и прочія плодоносныя деревья, распуція на сей заброшенной землѣ, такъ сказать, сами собою; опъ фиговыхъ и шелковичныхъ деревьевъ получають они еще большія выгоды; наконецъ виноградъ на почвѣ каменистой, покроешь промежутки скалъ ихъ и увеличишь ихъ спяжаніе и удовольствія жизни.

Извѣстно, что въ 12 столѣтіи, вся шерсть Босніи и Сербіи привозилась чрезъ Черногорію въ заливъ Капарской, откуда на судахъ отправлялась въ Венецію. Не прошло еще одного вѣка, какъ Боснія и Герцеговина имѣли постоянное сообщеніе съ Каспелъ-Ново чрезъ Ризано. Албанія, для избѣжанія опасностей мореплаванія въ зимнее и военное время, часто покушалась провозить свои товары чрезъ землю Черногорцевъ; симъ сокращался бы путь, и караваны освободились бы опъ обидъ и припѣсненій; но опасаясь могущества Турокъ, они отвергнули всѣ такого рода предложенія. Рагуза и Капаро, сіи двѣ близкія имъ гавани, кажущіяся помѣщенными среди Адриатики, чтобы служить убѣжищемъ въ бурномъ морѣ и содѣлались средоточіемъ торговли Турецкихъ обласей съ Италіею. Пропуская товары чрезъ свою обласъ, они могли бы возстановить древнія поперянные ими опрасли торговли. Симъ способомъ, принявъ болѣе миролюбивыя правила, укротивъ суровый нравъ свой, Черногорецъ узрѣлъ

бы въ короткое время процвѣтающими земледѣліе и торговлю, и позналъ бы всѣ искусства, кои происпекають изъ сихъ двухъ источниковъ всеобщаго благосостоянія. Упражненіе въ оныхъ, открывая способности воображенія, доставило бы ему наслажденіе чистѣйшими удовольствіями и украсило бы его существованіе. Словомъ сблизивъ ихъ съ соседственными народами, возможно было бы обратишь умъ ихъ на другіе предметы, дать имъ другое направленіе, внушишь новыя мысли, и шѣмъ побудивъ къ новымъ соображеніямъ, показавъ путь къ изобилію, къ стяжанію богатствъ.

Никакой народъ, не имѣлъ столько необходимости въ преобразованіи своего правленія и своихъ нравовъ; но какимъ способомъ произведется сія спасительная перемѣна? Можно ли надѣяться, чѣмъ убѣжденный благосостояніемъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ, спалъ онъ домогаться славы подражанъ имъ? Глаза его закрыты опѣ свѣта, душа, подобно умирающему, коего жестокость болѣзни дѣлаетъ нечувствительнымъ къ спраданію, не можетъ воспламениться шѣмъ благороднымъ соревнованіемъ, которое замышляетъ и приводитъ къ концу дѣла великія. Наспоящій Мипрополишь, имѣетъ всю доблестъ и способностъ внушишь въ нихъ споль прекрасную рѣшимостъ; но онъ царствуетъ надъ народомъ, погруженнымъ во мракъ невѣжества, которое, возвышая его познанія и утверждая власъ,

кажется, не побуждаетъ его къ сему подвигу а всего вѣроятнѣе онъ не имѣетъ довольно силъ предпринять столь важное преобразование. Оно можетъ только быть твореніемъ того Государя, Коего имя находится въ величайшемъ уваженіи у сего гордаго, кичливаго народа, Того, Котораго подвиги ознаменовывающа единымъ благотвореніемъ къ подданнымъ, владычествомъ Его счастливымъ!

П л а в а н е д о Т р і е с т а — Б л о к а д а В е н е ц і и.

15-го Апрѣля по возвращеніи фрегата изъ Корфы, для доставленія въ Тріестъ Надворнаго Совѣтника Скрыпицына, отправленнаго въ Россію съ донесеніями, оставили мы Каспель-Ново. При ясномъ небѣ и штихомъ вѣтрѣ, беззаботно плыли мы близъ Рагузскаго берега. Къ вечеру, береговой вѣтръ наполнилъ верхніе паруса, фрегатъ нечувствительно, но скоро перемѣнялъ мѣсто. Съ острововъ, мимо которыхъ шли, прохладный вѣтръ навѣвалъ на насъ ароматы цвѣщущихъ деревъ, и множество пчелъ пѣли на ряхъ; юнги съ отважностію лазя по мачтамъ, ловили ихъ только для того, чтобы накормя дать имъ свободу. Множество каспокъ (*) играли вокругъ

(*) Или морскихъ свиней.

фрегата; они такъ плавно и не поропясь выбрасывались изъ воды, чпо кажется нарочно желали доставить намъ удовольствіе. Касатки водяшся во всѣхъ моряхъ; серпу подобное перо на спинѣ, опличаетъ ихъ отъ дельфиновъ, которые при томъ и менѣе; сіи рыбы любяшъ приближасть къ кораблямъ, и кажется забавляющся быспро оныя обгоняя. Они обыкновенно идушъ въ ту сторону, откуда новаго вѣтра ожидать должно. 16-го Апрѣля, не смотря на темную ночь и проливной вѣпръ, прошли мы Курцольскимъ каналомъ, весьма тѣснымъ и опаснымъ. Капитанъ Бѣли, взявшій островъ Курцало, съ кораблемъ своимъ споялъ шупъ на якорѣ, а бригъ Лешунъ и шкуна Экспедиціонъ крейсировали у острова Лезино.

Миновавъ *Длинный* островъ (Isola lungo) увидѣли пребаку, идущую по направленію къ *Зарѣ*, пушечнымъ выспрѣломъ пребовали, чшобъ она подошла для осмопру, но пребака, не поднимая флагу, пуспилась бѣжашъ къ грядѣ малыхъ острововъ, окруженныхъ каменными опмѣлями, надѣясь между оными скрышся. Полагая по сему, чпо судно сіе должно бытъ непріятельское, мы погнались за нимъ, и прошедъ весьма тѣсный проливъ между двухъ подводныхъ камней, оспановили его нѣсколькими ядрами у острова *Уни*; люди съ него бѣжали, а пребака, нагруженная кокорузою и масломъ, взяша.

20-го Апрѣля, когда мы подходили къ Три-

есшу, во время шпиля, Французская канонерская лодка, вышедши изъ Капо д'Испріи, осмѣлилась атаковать насъ. Первыя наши ядра, по причинѣ опсырѣвшаго въ пушкахъ пороха легли очень близко, почему непріятель полагая, что наши пушки малаго калибра, приблизился, но нѣсколько мѣпкихъ выстрѣловъ, принудили его немедленно опспупить, и какъ одно ядро попало въ подводную лодки часть, а другое подбило пушечный станокъ, то лодка поспчасъ по входѣ въ гавань выпашена на берегъ. Пошеря наша состояла въ нѣсколькихъ перебитыхъ снастяхъ. На другой день со смѣхомъ чипали мы въ Тріеспскихъ вѣдомостяхъ пышное извѣстіе о жестокомъ и кровопролитномъ сраженіи, въ копоромъ морскіе гранодеры (*) покрыли себя неувядаемою славою. „Непріятельскій фрегатъ La Belle Venus пошерялъ 200 *человѣкъ* (!) убитыми и ранеными, наша также довольно значительна, мы лишились 16 *человѣкъ* храбрыхъ и одного Порупчика.“

Я ничего не могу сказать о прекрасномъ Тріеспѣ, ибо будучи занявъ должностію, не успѣлъ ничего осмошрѣшь, и былъ только въ театрѣ, и на гулянь въ боскешъ. Въ оперѣ Метропа славная Сесси удивительнымъ своимъ голосомъ восхищала слушателей; она была не очень здорова, у ней болѣла нога и публика претовала, чтобъ ей подали стулъ. Въ самомъ

(*) Разумѣтъ должно матрозовъ.

дѣлѣ она стоить сего уваженія; пѣла такъ превосходно, что въ партерѣ и ложахъ никто не смѣлъ пошевеливаться. Боже сохрани кашлянуть, чихнуть. Въ Боскетѣ, въ рѣдкой безъ шѣни дубовой рошѣ, я видѣлъ вмѣстѣ множество Италіянцовъ и Нѣмцовъ; при первомъ на нихъ взглядѣ разность дѣлается ощущительною. Нѣмцы сидятъ кучками на травѣ, пьютъ, ѣдятъ, въ рукахъ кружки съ пивомъ во рту трубка; круглыя, румяныя женщины, суешаясь вокругъ ихъ, и подкладывая имъ приготовленный бутер-бродъ (хлѣбъ съ масломъ). Италіянцы, напрошивъ, выступая театральными шагами, насвистываютъ арію, пѣшую Госпожею Сесси *Cari miei figli venite!* заглядываютъ въ глаза женщинамъ, кои съ прекраснымъ станомъ, съ блѣднымъ на лицѣ изнуреніемъ, съ пламеннымъ нѣжнымъ взглядомъ, охотно принимають вѣжливости кавалеровъ, какія у насъ почлись бы не слишкомъ приспойными. Когда сумракъ вечера стуспился и луна еще не явилась на небосклонѣ, тихой шопотъ и шорохъ ногъ, заснулъ мѣсто шума и грома подъѣзжающихъ и уѣзжающихъ экипажей. Въ рошѣ остались только шѣ, кои надѣялись наслаждаться лучшимъ удовольствіемъ, нежели пѣніемъ несравненной Сесси, первой тогда пѣвицы въ Европѣ. Тутъ остались только Чичисбей, къ коимъ мужья имѣютъ довѣренность; но до какой степени? Вопросъ неудоборѣшимой! Названіе нашего домашняго друга, нѣсколько близко къ Чичиз-

бею, но къ щастію мужей у насъ и въ столицахъ нѣтъ еще и пѣни чичизбейспва.

На претій день пребыванія въ Тріеспѣ, объявили намъ, что входъ въ Австрійскіе порты Россійскимъ и Англинскимъ военнымъ кораблямъ запрещается, и сказано именно за занятіе войсками нашими Боко ди Капаро, и за не воспослѣдовавшее еще возвращеніе той провинціи. Поэтому корабль Елена и нашъ фрегатъ принуждены были опойти опъ города на пушечный выстрѣлъ. Впрочемъ дружба и союзъ обоихъ Имперій опъ сего нимало не уменьшились. Легко догадаться можно, что Австрійскій Дворъ, къ таковой мѣрѣ принужденъ былъ Бонапартомъ, и какъ увѣряли насъ съ согласія нашего Двора. Чрезъ сіе думалъ Наполеонъ удалить наши корабли опъ Венеціи, но ошибся, и скоро увидѣлъ, что онъ лишился и оспальной малой торговли. Прежде сего мы не могли брасть тѣхъ судовъ, кои выходили изъ Венеціи, и шли близъ берега, по мѣлководію, мимо кораблей нашихъ, споявшихъ въ Тріеспѣ на рейдѣ; онъ, по правиламъ неупралишета, безъ задержанія входили въ гавань; но теперь фрегатъ нашъ, опошедъ опъ города на три вершы, началъ оспанавливать и осмапривать всѣ лодки, которыя уже не могли миновать его. Каждую ночь, когда вѣпръ дулъ опъ Венеціи, вооруженный барказъ возвращался съ нѣсколькими призами, нагруженными большею частію съѣстными припасами. Въ продолженіи не многихъ дней

пріобрѣли призовъ болѣе нежели на 100,000 рублей. Тріестцы предвидѣли бѣду, совершенную остановку сношеній ихъ моремъ съ Італіею, но пособию уже было не чѣмъ. Одинъ пассажиръ, по виду подозрительный, былъ задержанъ, привезенъ на фрегатъ, но Капитанъ приказалъ его отпустить; ибо онъ называлъ себя Австрійскимъ купцомъ и показалъ паспортъ. Пассажиръ сей былъ Французскій Генералъ Молипоръ, который жаловался Тріестскому Губернатору, что позволяють намъ осматривать суда почти въ самой гавани, подаль пропесить, надѣлалъ много шуму, а мы чрезъ то сдѣлались осторожнѣе, строга осматривали всѣхъ пассажировъ, и Австрійскимъ паспортамъ болѣе не вѣрили.

4-го Маія, блокируя Венецію, и находясь близъ Истріи, при осмотрѣ двухъ Австрійскихъ шребаковъ, нашли, что онѣ нагружены были деньгами; а по бумагамъ и показанію Шхипера видно было, что они вышли изъ Венеціи, почему и взяли ихъ въ призъ. Капитанъ военнаго Австрійскаго брига, копорой шелъ въ недалеомъ отъ насъ разстояніи, прислалъ на фрегатъ своего офицера сказать, что сіи суда находящіяся подъ его конвоемъ, а какъ Шхиперъ и пассажиры при допросѣ объявили, что деньги принадлежатъ Французскому банку, копорый получилъ повелѣніе мѣдныя Австрійскія деньги промѣнять въ Тріестѣ на серебро, то Капитанъ нашъ отвѣчалъ: что не только не можеть онъ возвращить

двухъ взятыхъ пребакъ, но донесеть начальству, что въ противность правъ неупралишенна, провожающъ ихъ военные Австрійскіе корабли. Капитанъ долженъ былъ задержать Австрійскій бригъ, но совершенная тишина воспрепятствовала сему и бригъ на веслахъ вошелъ въ Тріестъ, куда и мы также возвратились. Консулъ Пелегрини, пріѣхавъ на фрегатъ и думая, что мы взяли бригъ, поздравилъ насъ съ двумя милліонами флориновъ доброй добычи. На другой день разгрузивъ пребаки, нашлось 35.000 гульденовъ; людей и суда опустшили. Большая часть денегъ съпрямъ Францускими Генералами находилась на военномъ бригъ, и на другихъ Австрійскихъ судахъ, кои еще оставались въ Венеціи.

Послѣ Пресбургскаго мира открылся истинный характеръ и политика Наполеона. Удача и необыкновенная дерзость поставили его превыше всѣхъ правъ. Очарованный побѣдами, болѣе не зналъ онъ мѣры своему честолюбію. Возмущая спокойствіе Европы, уже не искалъ благоговидныхъ причинъ къ приращенію какой либо державы, и особенное находилъ удовольствіе самыми наглыми требованіями унижать достоинство Имперіи Австрійской. Промѣнявъ Гамноверъ и Лауенбургъ на верхній Пфальцъ и Княжество Нефшательское, Наполеонъ успѣлъ поссорить Пруссію съ Англіею и Швеціею, искалъ средства поссорить Россію съ Австріею, и думалъ

найши оное чрезъ Капаро. Для сего удержавъ Браунау, объявилъ, что когда Капаро будетъ сданъ его войскамъ, тогда Браунау возвратится Императору, а для большей приманки, что будто тогда Французскія арміи оставятъ и Германію. Князь Шварценбергъ отправился въ С. Петербургъ исходатайствовать возвращеніе Капаро и прежде нежели онъ туда доѣхалъ, Наполеонъ по плану пребылъ у Вѣнскаго Кабинета, свободнаго пропуска чрезъ Австрійскія владѣнія 40,000 чел. войскъ въ Далмацію; пошомъ, когда оныя были близъ Триеста, принудилъ заперти порты для Россійскихъ и Англинскихъ кораблей; и наконецъ, угрожая послати свои гарнизоны въ Триестъ и Фиуме, можно сказать, приказалъ задержати Россійскія купеческія суда, находившіяся въ первой гавани. Въ слѣдствіе сего, 6-го Маія, Триестскій Губернаторъ, Графъ Бриджидо, объявилъ Россійскимъ шхиперамъ, что если ли они чрезъ шестидней не оставятъ порта, то суда ихъ будутъ задержаны; но какъ оныя въ такой короткой срокъ готовы были не могли, то это походило уже на разрывъ; почему 7-го Маія, получа съ курьеровъ Неаполитанскаго Двора Лучіано Спирадаро онъ полномочнаго Вѣнскаго посла Графа Разумовскаго депешу къ Адмиралу, съ девятию Бокезкими судами, сдалъ свой постъ кораблю Еленѣ, пошли обратно въ Капаро, для доставленія сихъ свѣденій Главнокомандующему.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЪ КАСТЕЛЬ — НОВО. ВОЗДУШНЫЙ
ОГНЕННЫЙ ШАРЬ.

Вѣтры тихіе и переменные позволяли имѣть на водѣ вооруженный двумя пушками барказъ, который, не задерживая въ ходу фрегата, входилъ въ мелкія гавани Далматскихъ острововъ, гдѣ малыя суда въ безопасности стояли опѣ большихъ нашихъ кораблей. Симъ средствомъ взяли еще нѣсколько судовъ. Прощедъ Испрію, поставили всѣ паруса, и скоро скрылись опѣ девяти купеческихъ судовъ, которыя до сего мѣсяца шли съ нами вмѣстѣ.

Густой верховой вѣтръ, при ровной поверхности моря, весьма намъ благопріятствовалъ. Солнце, коего послѣднія лучи озлашили западъ, медленно опустилося въ море, и прекраснѣйшій вечеръ заступилъ мѣсто дня; вѣтръ утихъ, море сдѣлалось мернымъ. Вокругъ было шакъ тихо, что ходя вдоль фрегата съ рупоромъ (*) въ рукахъ, по переходя съ одной стороны на другую, съ безпокойнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ я на небо, котораго прекрасную лазурь не занимало ни одно облако; но съ скукою взиралъ на спокойное зеркало водъ, при ясномъ свѣтѣ луны, блистающее какъ неизмѣримое поле, усыпанное алмазами. Совершенная тишина не долго продолжалась, легкій вѣтръ началъ навѣвать:

(*) Командная труба.

съ радостію свѣся съ кормы голову, любовался я длинною огненною черцою, кошорая, какъ бы привязанная къ рулю, тащи́лась за фрегатомъ и яркимъ своимъ блескомъ означала слѣдъ его. Уже расчипывали мы, какъ скоро можемъ придти въ Кастель-Ново; но вѣпръ непостоянный, только на мину́ту повѣялъ и снова зачихъ. Наконецъ прежній свѣженькій вѣпръ подулъ, облака стуспились, небо померкло, вѣпръ началъ усиливаться, и скоро принудилъ насъ осшаться подъ малыми парусами. Фрегатъ, гонимый крѣпкими порывами, скользилъ по ровной еще поверхности моря, кошорое носу его не предшавляло большаго сопрошвленія.

Около полуночи, когда мракъ былъ непроницаемъ, восточный горизонтъ вдругъ освѣтился блестящимъ огнемъ. Малый огненный шаръ медленно склонялся влѣво отъ насъ къ берегу, по мѣрѣ паденія свѣтъ распро-спранялся, а скоростъ увеличивалась, наконецъ прибавившись до величины луны, влекъ за собою хвостъ на подобіе кометы, а скоростъ движенія равнялась паденію блуждающихъ звѣздъ. Въ срединѣ полеша шаръ сыпалъ вокругъ искры споль яркія, что ночь на нѣсколько секундъ въ той споронѣ обрашлась въ день, и когда шаръ съ великимъ шрескомъ разсыпался, видимый его поперечникъ казался имѣющимъ около 50 сажень. Сіе явленіе, происходящее отъ земныхъ испареній и электрической силы, другіе называютъ огненнымъ ле-

птающимъ змѣемъ; и здѣсь простой народъ вѣришь, что онъ любитъ хорошенькихъ женщинъ, и въ которой домъ спустился, приносилъ шу-да богатство и щасіе. Последнее сбылось съ нами на самомъ дѣлѣ; мы быстро промчались мимо Лезино, гдѣ на крѣпости съ пушечнымъ выстрѣломъ поднявъ былъ прехвѣпной Француской флагъ; два часа послѣ прошли крѣпость Курсало, гдѣ развѣвало Россійское знамя; шунъ стояли корабль Азія и бригъ Лешунъ; къ вечеру тогоже дня, когда прошли мы фрегатъ Михаилъ, сполвшій въ Каламоннѣ, крѣпость Новая Рагуза салютовала намъ изъ 11 пушекъ, и 12 го Маія подъ всѣми парусами при свѣжѣмъ вѣтрѣ, когда фрегатъ лежалъ совсѣмъ на боку, подъ самою кормою Адмиральскаго корабля, опсалютовавъ ему 9-ю выстрѣлами, проворно (что называютъ морскіе на хвасповство) убравъ паруса, бросили якорь у Каспель-Ново.

Каспель-Новскій рейдъ, споль прежде уединенный и пустой, представлялъ теперь на пространствѣ шести верстъ прекрасную картину. Огромные линейные корабли, малые легкіе бриги и множество разнаго роду и названій купеческихъ судовъ, всѣ подъ Россійскимъ флагомъ, въ такомъ опдаленіи опъ опечесива льслили гордости Рускаго сердца. Тамъ слышались опрывисшыя крики мапровокъ, подымавшихъ на корабли тяжесши; шунъ пронзительный звукъ дудочки призывалъ людей къ полученію порціи вина и обѣда; а

здѣсь разливались сладостные звуки огромнаго оркестра, сливавшіеся съ слышимыми въ ошдаленіи веселыми солдатскими пѣснями: все вмѣстѣ привлекало слухъ и упѣшало сердце. Вездѣ было движеніе и суеша, у пристаней густой дымъ клубился къ облакамъ, шамъ ошъ горящей смолы поваленный на бокъ корабль обьянѣ былъ огнемъ (*). Тупѣ нѣсколько раскрашенныхъ шлюбокъ несприли море и мельками въ глазахъ. Казалось, что двѣ подѣ парусами, сойдясь ударяшся одна обѣ другую и люди погибнуть; но нѣшѣ, однимъ малымъ движеніемъ руля, онѣ минушѣ и такъ близко, что съ шлюпки на шлюпку можно подашѣ руку. Вошѣ одна, неся большіе паруса, лежишѣ совсѣмъ на боку, вода плещетъ черезъ боршѣ и кажешся ее заливаешѣ; но къ сему нужна одна шолько привычка, а не излишняя смѣлосшѣ; это обыкновенная забава молодыхъ Офицеровъ; они капаюшся и упѣшаюшся по видимому шполь опаснымъ положеніемъ.

О С В О Б О Ж Д Е Н І Е З А Д Е Р Ж А Н Н Ы Х ъ С У Д О В ъ В ъ Т Р І Е С Т ъ 21 Маія.

По прибышій фрегата въ Каспель-Ново, на другой день, 13 Маія, Вице-Адмиралъ съ

(*) Для копоначенія подводной части обыкновенно повала корабль обжигаютъ ошью.

кораблями Селафаиломъ, Св. Пепромъ, Москвою и фрегатомъ Венусомъ, отправился въ Триестъ, какъ для освобожденія задержанныхъ Австрійцами судовъ, такъ и для проводу ихъ мимо Истріи, въ портахъ которой Французы усилили свою гребную флотилію. 14 числа у острова Меледо встрѣтились съ кораблемъ Еленою и семью корсерами подъ военными флагами, кои сопровождали 38 Бокезкихъ судовъ. Елена опсальюповавъ Адмиралу 9 выстрѣлами, подошла къ кораблю его подъ корму для переговоровъ. Послѣ онаго на Селафаилѣ поднявъ сигналъ, поставивъ всевозможные паруса; но 15 у острова Лиссо вѣтръ переменился и сдѣлался проливной. Тутъ встрѣтились съ нами 5 Англическихъ транспортовъ съ войсками, безъ успѣха покушавшимися взять островъ Тремиши. Тихіе переменные вѣтры удержали эскадру въ морѣ по 20 Маія; сего же числа въ полдень нашелъ сильный попутный шквалъ съ дождемъ; корабли полетѣли, и скоро по обходѣ Истріи, при пушечныхъ выстрѣлахъ поднявъ сигналы, приготовившись къ сраженію и спавъ на якорь съ шпрингомъ (*). Едва въ Триестѣ замѣтили наши корабли, какъ эскадра въ боевомъ порядкѣ остановилась подъ самыми ба-

(*) Статъ на шпрингъ, значитъ поставить корабль на якорь такимъ образомъ, чтобы помощію канатовъ, могъ онъ обращаться во все стороны.

шарейми города. Вскорѣ, Тріеспскій Военный Комендантъ Фельдмаршалъ-Лейпенантъ Цахъ прислалъ своего Адьютанша поздравить съ прибытіемъ и просить, чинобы эскадра, въ силу повелѣнія Императора, опoшла на пушечный выспрѣлъ. Вице-Адмиралъ отвѣчалъ на сіе: „спрѣляйте! я увижу, едѣ ваши ядра лягутъ и едѣ мнѣ должно стать.“ Адьютантъ, не ожидавшій такового отвѣта, раскланялся и уѣхалъ. Во всю ночь палубы кораблей были освѣщены фонарями, люди спояли у пушекъ, фишили курились и вооруженныя шлюпки разѣзжали вокругъ гавани. Задержаніе нашихъ судовъ и грозное положеніе эскадры, подали справедливую причину гражданамъ города опасаться худыхъ слѣдствій. Они въ боязливомъ недоумѣніи ожидали ушра, мы съ своей стороны желали знать, чѣмъ кончилось споль непріятное обстоятельство.

Ночью Фельдмаршалъ - Лейпенантъ Цахъ доставилъ повелѣніе Авспрійскаго Императора о закрытіи портовъ его для Россійскихъ и Англинскихъ кораблей. Главнокомандующій ушромъ 21 Маія отвѣчалъ на оное въ сихъ крапкихъ словахъ: „Объявленіе ваше получилъ, и оставлю портъ какъ только исправлю нѣкоторыя поврежденія моихъ кораблей.“ Послѣ сего начались переговоры, чиновники безпрестанно, по пріѣзжали на Селафаилъ, по возвращались въ городъ. Авспрійскіе дипломаты, продолжавшіе переговоры во всю ночь, спарались увѣрить Вице-Ад-

мирала, чпо поспановленіе о запрещеніи входа послѣдовало по наспоянію Наполеона, копорый, въ прошивномъ случаѣ, далъ повелѣніе заняти Тріестъ и Фіуме, единспвенныя гавани, оставшіяся Австріи; увѣряли, чпо 20,000 Французскій корпусъ споишъ въ близкомъ разспояніи и уже два Генерала прибыли въ городъ съ тѣмъ намѣреніемъ, если Россійская эскадра не удалишся, шо завшрешнее ушро войска вступяшъ въ Тріестъ. Пошомъ, ссылаясь на искреннюю дружбу и швердый союзъ нашихъ дворовъ, просили и надѣялись, чпо Россійскій Адмиралъ конечно не рѣшишся, безъ особаго повелѣнія своего Императора, поступашъ такъ, какъ Французскіе Генералы, копорые пребованія свои и во время мира приводяшъ въ исполненіе шпыками и насильспвенными мѣрами. Положеніе ваше запруднишельно, опещчалъ Сенявинъ, а мое не оспавляешъ мнѣ ни малѣйшаго повода колебашъся въ выборѣ. Поспупокъ вашъ, мнѣ какъ Генералу а не полишнику, кажется не соопвѣспвуешъ дружеспву и союзу, въ копорыхъ вы меня увѣряете. Съ долгомъ моимъ и съ силою, какую вы здѣсь видите, не сообразно допустишъ васъ унижашъ флагъ, за чпо опвѣспвенность моя слишкомъ велика; ибо сіе касаетъя чеспи и должнаго уваженія къ моему Ощечеспву.

Въ продолженіе сихъ сношеній, въ полдень прибылъ на рейдъ фрегатъ Австроиль съ извѣспіемъ, чпо Французы заняли Старую

и Новую Разузу и угрожають нападениемъ на Капуро. Сіе новое нарушение правъ народныхъ побудило Вице-Адмирала принять рѣшительныя мѣры. Корабль Пепръ и фрегатъ Венусъ получили повелѣніе, по причинѣ совершенной пишины, тянуться завозами, первому къ бапареямъ новаго Караншина, второму къ С. Карловской пристани, такъ что корабль и фрегатъ вошедъ въ самую гавань, находились бы въ пылу главной и сильной бапареи, находящейся на мѣли, къ старому Караншину примыкающей, у которой Адмиральской и корабль Москва спояли на писпешный выстрѣлъ. На послѣднюю нопу Генерала Цаха, Главнокомандующій вручилъ Авспрійскимъ чиновникамъ слѣдующій, доспойный замѣчанія, опвѣсть:

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Въ опвѣсть на письмо ваше сего дня я приказалъ одному изъ кораблей моихъ, копорый можетъ бытъ находился ближе пушечнаго выстрѣла, опойши — и вы это видите. Корабль же, на жоторомъ я нахожусь, хопя и не думаю, чпобы былъ ближе выстрѣла, также опойдетъ, если въпръ и жеспюкіе шквалы по мнѣ позволятъ. Впрочемъ, какъ вы увѣрите меня Г. Генералъ-Лейпенантъ въ поспоянной дружбѣ Августѣйшихъ нашихъ Дворовъ и согласіи о запрещеніи входа въ ваши порты Россійскимъ кораблямъ; хопя я и

не имѣю на сіе повелѣнія моего Императора, но съ моей стороны желая избѣгнуть недоброжелательства, я запретилъ моимъ Офицерамъ съѣзжать на берегъ, и вамъ извѣстно, что сіе исполнено. Чрезъ часъ, я надѣюсь, какъ къ вашему, такъ и къ моему совершенному удовольствію, отправившись отсюда въ дальнѣйшій путь.

Дм. Семявинъ.

Генералъ-Лейпенаану Цаху,
Военному Коменданту Тріеста.

21 Маія 1806 года
Корабль Селафаилъ.

Опуская Австрійскихъ Чиновниковъ, Главнокомандующій сказалъ имъ: „шеперь нѣтъ времени продолжать бесполезные переговоры. Вамъ должно избрать одно изъ двухъ; или дѣйствовать по внушенію Французскихъ Генераловъ, или держаться почтаго смысла правъ неупралипеша. Мой выборъ сдѣланъ и вотъ послѣднее мое требованіе: если часъ спустя, не возвращены будутъ суда, вами задержанныя, по силою возьму, не только свои, но и всѣ ваши, сколько ихъ есть въ гавани и въ морѣ. Увѣряю васъ, что 20,000 Французовъ не защитятъ Тріеста. Надѣюсь однакожь,

что чрезъ часъ мы будемъ друзьями, я только и прошу, чтобы не было и малѣйшаго вида, къ оскорбленію чести Россійскаго флага клонящагося, и собственно для вашей же пользы, чтобы не осталось и слѣдовъ неудовольствія. Скажите Генералу Цаху, что теперь отъ него зависить сохранить дружбу Августѣйшихъ нашихъ Монарховъ, которая столько разъ была вамъ полезна, и впредь пригодиться можетъ. Увѣрьте его, что чрезъ часъ, я начну военныя дѣйствія.“

Грозное движеніе эскадры, не смотря на угрозы Французскихъ Генераловъ, гораздо скорѣе, нежели дипломатическія убѣжденія, принудили Генерала Цаха и Триестскаго Губернатора Графа Бриджидо, вполне удовлетворить требованію Сенявина. Когда уже все было готово, и мы ожидали, признаюсь съ великимъ нетерпѣніемъ перваго выстрѣла Адмиральскаго корабля, какъ въ назначенный для начатія боя срокъ въ гавани раздались громкія восклицанія, Vivat! и мы съ удовольствіемъ увидѣли на задержанныхъ судахъ поднятые Россійскіе флаги. Въ ту же минуту корабли Селафайль и Пепръ вступили подъ паруса. Капитанъ корабля Москвы получилъ повелѣніе, въ ожиданіи прибытія курьера въ Триестъ, блокировать Венецію и провождать мимо Истріи освобожденные суда, которыя фрегаты Венусъ и Авпроиль должны были препроводить въ Капоро. Опшество Адмирала купческія наши суда привѣщивали

пальбою изъ пушекъ и ружей и криками ура! на Салафайлъ отвѣчали имъ музыкою, кою рой согласные звуки по шихоспи въпра далеко были слышимы. Въ сіе время на Тріеспской цитадели подняли флагъ, въ городъ пронесся слухъ, что Россійскій Адмиралъ посѣтитъ Губернашора, отъ чего множество народа покрывали набережную.

Такимъ образомъ Сенявинъ сдѣлалъ первый шагъ на дипломатическомъ поприщѣ, и можно сказать, первый изъ Генераловъ законныхъ державъ, показалъ средство, коимъ можно воздержавъ неслыханную наглость требованій Францускихъ Генераловъ и Агентовъ, которые во время мира не менѣе, нежели въ продолженіи войны, старающіеся унижать достоинство ихъ, кои боялись ихъ угрозъ. Симъ рѣшительнымъ поступкомъ, Сенявинъ, разрубилъ Гордіевъ узелъ, хитро связанный рукою Наполеона; и тѣмъ прекратилъ и уничтожилъ то неудовольствіе, которое могло бы произвести не только охлажденіе, но и самую войну. Уже считали ее вѣрною, но ошиблись. Сенявинъ своею твердостью, успѣлъ поддержать союзъ нашъ съ Австріею, и не оставилъ ни малѣйшей причины для дипломатической переписки.

Ночью, по причинѣ штиля, теченіемъ приближило корабли Салафайлъ и Петръ къ крепости Капо д'Истріи. Двѣ канонерскія лодки, вышедшія отсюда, на безобидномъ разсвѣтѣ сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ.

Корабли имъ не отвѣчали, ибо ядра ихъ далеко не доставали. На другой день нашъ Консулъ Пелегрини прислалъ слѣдующій Мониторъ: „храбрая флопиля Королевства Италіанскаго мужественно напала на огромные Россійскіе корабли и мѣшками выспрѣлами принудила оныя отступить далѣе въ море. Сраженіе происходило близъ Капо д'Испріи. Поперя непріятельская должна быть значительна, мы узнали, (отъ кого?) что однимъ ядромъ, пущеннымъ съ лодки *Баталья де Маренго*, убило Адмирала *Сенявина*.“

По опшесствіи Главнокомандующаго, дабы съ одной стороны удовлетворишь настоятельныя требованія Францускихъ Генераловъ, а съ другой, подъ благовидною причиною непустишь насъ на берегъ, объявили намъ карантинъ, однакожь мы оспались на якоръ въ самой гавани, и чрезъ брантвахшу получали все нужное. Чрезъ два дни, вѣроятно по опъѣздѣ Францускихъ Генераловъ, Офицерамъ, но только во фракахъ, позволили съѣхать въ городъ. Въ театрѣ намъ дали кресла *gratis*. Купечество, которое составляетъ большую часть населенія Триеста, возносило похвалами поступокъ нашего Вице-Адмирала; ибо лишиться торговли не для однихъ ихъ, но и для всей Австріи было бы весьма чувствительно, и конечно по сейже причинѣ, единственное сообщеніе наше чрезъ Триестъ съ Россіею оспалось свободнымъ.

Н А П У Т И О Т Ъ Т Р І Е С Т А Д О К А - Т А Р О . Т и ф о н ъ .

25 Маія, стоя на Тріеспкомъ рейдѣ, и увидѣвъ, что одна канонерская лодка вышла изъ Капо д'Испріи, снялись мы съ якоря, и скоро зашпилѣвъ пошли къ оной буксиромъ; но лодка замѣпивъ наше движеніе возвратилась назадъ. 26, когда всѣ 17 судовъ, долженствовавшихъ идти подъ нашимъ конвоемъ, были готовы, Капитанъ корабля Москвы, пришедшій съ моря, сдѣлалъ сигналъ сняться съ якоря; вышедъ изъ Тріеста, по причинѣ шпиля въ сей день, принуждены были два раза вслупать подъ паруса и ложиться на якорь но 26 небольшой попутной вѣтръ подулъ, и конвой благополучно прошелъ Испрію; неприипельская флотилія изъ подъ крѣпостей не выходила. 29 Маія корабль Москва, оставя конвой, возвратился для блокады Венеціи; на другой день въ сей сторонѣ слышали мы пальбу. Послѣ мы узнали сему причину. 30 Маія, пользуясь шпилемъ, большой конвой малыхъ купеческихъ судовъ подъ прикрытіемъ многихъ Французскихъ канонирскихъ лодокъ вышелъ изъ Венеціи, желая пробраться въ Испрію. Корабль Москва, получа маленькой вѣтръ, спалъ къ нимъ лавируя, сдѣлалъ по ближайшимъ нѣсколько выстрѣловъ, конвой тотчасъ возвратился назадъ, зашелъ за мѣли и спалъ тамъ на якорь.

Суда конвоя нашего, представляли образъ

цы древняго и новаго кораблестроенія. Тарпаны съ наклоненною впередъ мачшою, пинки съ высокими кормами; прекрасной наружности Полаки съ мачшами изъ одного цѣлаго дерева, шебеки съ шреугольными парусами, припомъ безпрестанныя веселыя и заунывныя пѣсни Славянъ, напоминали то самое время, когда Игорь или Олегъ плыли для покоренія Царяграда. Мы шли очень тихо, и точно такъ какъ бы были въ гавани, принимали посѣщенія и гостей, кошорые часто осматривались объдашь. Въ воскресенье къ обѣднѣ пріѣхали почти всѣ Шхиперы.

Дни были очень жаркіе. Легкіе вѣтры, обыкновенно въ полдень дующіе съ моря, а въ полночь съ берега, постоянно намъ благопріятствовали. Ночной вѣтръ приносилъ съ собою теплыя удушающія земныя испаренія, отъ чего въ полночь терпѣли отъ зною сполько же какъ и въ полдень. 30 Маія послѣ полудни, на высотѣ острова Атосто, при наспавшемъ довольно свѣжемъ сѣверномъ вѣтрѣ, воздухъ наполнился тонкимъ шуманомъ, и скоро въ недалекомъ отъ насъ разстояніи, на пространствѣ 4 верстѣ, море съ чрезвычайнымъ шумомъ, начало кипѣть, и вдругъ во многихъ мѣстахъ вода винтомъ стала подыматься къ небу, а облака опускались къ нимъ длиннымъ рукавомъ. Вода, съ неимовѣрною скоростію вращаясь кругомъ, разсѣвала вокругъ крупный дождь, шумъ производимый симъ движеніемъ, уподоблялся клокотанію ра-

сплавливаемаго металла. Наконецъ море соединилось съ облаками, множествомъ конусовъ, кои острыми своими вершинами, касаясь небесъ, съ великимъ шумомъ, начали вертѣться, полсѣлись и двигались. 11 огромныхъ *пифоновъ* быспро мчались на насъ, конвой разсѣлся отъ нихъ въ разныя стороны, но какъ нѣкоторыя суда не имѣя пушекъ, были отъ нихъ въ опасности, то мы поставивъ всѣ паруса и приведя къ вѣтру, подобно Донъ Кишоту, сражавшемуся съ вѣтренными мѣльницами, принуждены были вступить въ бой съ водяными сполбами. Залпъ съ правой стороны разорвалъ два пифона. Нѣсколько выстрѣловъ съ лѣвой обрушили еще одинъ, который въ паденіи увлекъ за собою и другой. Любуясь уничтоженіемъ сихъ гигантовъ, мы увидѣли прямо передъ носомъ, и уже гораздо близко еще одинъ, въ поропахъ фрегатъ не поворошилъ, цѣлой залпъ пролетѣлъ мимо, нечего было дѣлать какъ положить всѣ паруса прошиву вѣтра остановивъ шѣмъ фрегатъ на мѣстѣ. Тифонъ уже былъ такъ близко, что многимъ было не до смѣху, къ счастью однимъ вѣрнымъ выстрѣломъ съ носу, повалили и эполъ колосъ, брызги рассыпались передъ нами и чуть чуть только не задѣли. Наши конвойныя суда также удачно сражались съ пифонами, которые какъ нарочно шли на насъ съ трехъ сторонъ, и безпрестанно одни упали, другіе снова подымались. Чрезъ полчаса всѣ исчезли сами собою. Сего лѣта

одинъ шифонъ упалъ возлѣ корабля Св. Петра, и прикоснувшись только брызгами оборвалъ всѣ паруса и сломалъ нижній рей. Можно себѣ вообразить, какой бы вредъ могъ произойти, если бы такой водяной столпъ упалъ прямо на корабль.

Тифонъ или иначе морская труба, притягиваетъ къ себѣ окружные пары, печеніе къ нему воздуха опъ сего бываетъ такъ сильно, что пицы, близко лепящія, увлекаются водою къ облакамъ, даже не столь быстрыя въ плаваніи рыбы поднимаются къ небу. Когда солнце случается сзади шифона, то весь столбъ горитъ разноцвѣтными огнями, вода видимо переливается въ немъ и кипитъ точно такъ какъ въ водопадахъ. Тутъ должно себѣ представить большую рѣку, быстро несущуюся изъ моря въ небеса, и сыплющую вокругъ себя жемчужный дождь.

Происхожденіе *тифоновъ и смертей*, Физики приписываютъ электрической силѣ. Они говорятъ, что когда сильно на электризованное облако въ приличномъ разстояніи опъ моря находится, тогда между симъ облакомъ и моремъ начинаются два противныя печенія Электрической матеріи, одно изъ облака внизъ, другое опъ моря вверхъ. Ежели первое печеніе сильнѣе втораго, то частицы паровъ, изъ коихъ состоитъ облако, увлекаемыя пекущею изъ него матеріею, образуютъ водяной столпъ, или шифонъ. Если же попокъ, стремящійся изъ воды

въ облако, сильнѣе того, копорой печептъ изъ облака въ море, тогда вода, увлекаемая сильнѣйшимъ пошомомъ, поднимается къ облаку обращенною воронкою; наконецъ также сославляется столбъ, копорый называется уже смертъ. По образованіи, столпа не одно только верхнее облако или море, но весь шифонъ получаетъ силу припятивать другіе сосѣдственные пары и воду, отсюда раждается сильное воздуха движеніе, весьма быспро весь столбъ кругомъ обращающее, и пріобрѣтенною симъ центробѣжною силою поднимающій воду вверхъ къ облакамъ. Мореходцы водяные столбы обоихъ родовъ называютъ однимъ именемъ шифонъ; смерчью же называютъ шомъ быспрый вихрь, копорый крушитъ воду на небольшую высоту, но силою одного вѣтра, принявшаго круговое обращеніе, подымаетъ вверхъ паруса, не причиняя дальнѣйшаго вреда. Тифоны, обыкновенно послѣ зноя случающся, и жаркимъ климатамъ особенно свойственны, по тому то въ сѣверныхъ моряхъ они рѣдко бывающъ видимы. Смерчи же обыкновенно случающся послѣ бурныхъ погодъ или предвѣщающъ оныя. Вихрь, поднимающій на земль вверхъ крутящуюся пыль, есть также смерчъ.

Проходя спарую Рагузу за островами, Пешине называемыми, корабль Уріиль и два корсера, палили по берегу, гдѣ полагають надобно происходило сраженіе. 31-го Маія къ вечеру, конвой вошелъ въ Капарской заливъ, въ ко-

поромъ стояли корабли Селафаиль, Параскевія подъ флагомъ Конпръ - Адмирала Сорокина, Пепръ и Елена. Еще въ Тріестѣ Лейшенпъ Н. . . , раздавая шхиперамъ сигнальныя книги, подозрѣвалъ на одномъ суднѣ пассажира, назвавшагося Россійской службы Капишаномъ. Лейшенанпъ, говоря съ нимъ по Италіянски, замѣшилъ въ немъ нѣчто особенное, по чему и приказалъ шхиперу наблюдать его поведеніе. Когда фрегатъ лавировалъ предъ входомъ въ Капаро, дабы пропустишь конвой впередъ, шхиперъ привезъ нѣсколько писемъ, порученныхъ симъ пассажиромъ для опдачи въ Перасто, Капаро и другія Каполическія Комунишашы; шхиперъ къ тому же объявилъ, что пассажиръ его имѣетъ съ собою много денегъ, и всѣ ночи, запершись въ каютѣ, занимался писаніемъ, почему Лейшенанпъ Н., опправившись съ шхиперомъ на его судно, опобралъ бумаги, по коимъ и опкрылось, что онъ былъ шпіонъ, подосланный непріятелемъ. Адмиралъ приказалъ потъ же часъ опправитъ его въ крѣпость Эспаньолу.

Нѣкоторыя бумаги я опвезъ на корабль Селафаиль и Адмиралъ оставилъ меня у себя ужинашь. Тутъ въ первой разъ узналъ я своего начальника, и признаюсь считалъ себя щасливвымъ, что нѣсколько минушь былъ съ нимъ вмѣстѣ. Пріемъ его ласковъ и ободрителенъ, обращеніе столь просто и благородно, что онъ такъ сказашь вдругъ даелъ доступъ къ своей славѣ. За споломъ

Дмитрій Николаевичъ казался бытъ окруженнымъ собственнымъ семействомъ. Бесѣда его была разнообразна и для всѣхъ пріятна, каждый въ ней участвовалъ, ибо онъ разговорами своими обращался къ каждому, такъ что казалось, забывая себя, помнилъ только другихъ, и я послѣдній изъ гостей не остался безъ вниманія. Въ немъ видѣнь былъ навыкъ такого человека, который много видѣлъ, много читалъ и часто размышлялъ о пользахъ, слабостяхъ, спрашивалъ и недоспаивалъ человеческого сердца. Когда кто изъ собесѣдниковъ обращалъ разговоръ на прошедшія политическія происшествія, онъ представлялъ свои мнѣнія съ такою скромностію, какъ бы они не были собственныя его мысли, а того, съ кѣмъ онъ говорилъ. Когда же разговоръ переходилъ къ Россіи, взоръ его оживлялся; всѣ слушали со вниманіемъ и казалось только въ семъ случаѣ опасно было противорѣчить его мнѣнію.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРИУГОТОВЛЕНІЕ КЪ ВОЙНѢ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

1-го Іюня со всего флота отправлены были гребныя суда для перевозу Черногорцевъ изъ Капаро въ Каспель-Ново. Множество народа толпилось по улицамъ. На площади у гоубвахты раздавались Черногорцамъ первой дивизіи небольшіе флаги, которые предпочитались народомъ настоящимъ знаменамъ по тому, что на нихъ былъ Андреевскій крестъ.

Каждое селеніе составляло паршію или ропу, смотря по многолюдству своему, числомъ людей не ровную. Каждый округъ составлялъ корпусъ, копорымъ командовалъ Сердарь. Всѣми приморскими и Черногорскими рашниками предводительствовалъ самъ Мишпрополишъ. Таковое раздѣленіе, какъ мнѣ кажется, подспрекаетъ соревнованіе, и утверждаетъ согласіе; ибо въ одной ропѣ всѣ войны большею частію родственники. Ропы и корпусъ, принадлежа разнымъ деревнямъ, городу или округу, соревнующъ, опережаяющъ другъ друга и въ сраженіи было бы стыдно отстать позади. Выборъ начальниковъ ропъ заслуживаетъ вниманіе. Рашники одного села, спавши въ кружокъ, избирающъ между собою кандидатовъ; сіи по старшинству льпъ рассказываютъ подвиги свои, изчисляющъ сраженія, свидѣтельствующая ранами, копорыя при семъ и открываютъ, оспарививая другъ друга, что не безъ шума бываетъ. По общему согласію избирающъ наконецъ самаго достойнаго и храбрѣйшаго, снимающъ съ него оружіе, дающъ ему клятву повиноваться, и гдѣ онъ ляжетъ, тамъ и свои головы положишъ. Послѣ сего начальникъ сей принимаетъ флагъ, со всѣми идетъ въ церковь, служатъ молебенъ, дающъ присягу и вышедъ опятъ на площадь снова становящъ въ кружокъ, вынимающъ мечи, и потрясая ими всѣ вдругъ кричатъ: за крестъ, за вѣру, за маперъ пресвятую Богородицу, за Царя Бѣлаго и Опечество, клянемся ко-

спями предковъ, славою ихъ, служишь до последней капли крови, не просишь и не даваешь пощады, умереть или побѣдишь. Признаюсь таковое приуготовленіе потрясаетъ душу. Но глашатаи еще болѣе возбуждаютъ ярость сего полудикаго народа, они усталымъ, осиплымъ голосомъ не умолкая кричатъ: „къ оружію храбрые Славяне! Старые измѣнщики Рагузинцы обманули насъ, отдали Французамъ свои крѣпости, и какъ нѣкогда сожгли они въ церкви Христіанъ, такъ и теперь, надѣясь на помощь безвѣрныхъ, угрожаютъ опалить землю нашу и истребить насъ огнемъ и мечемъ. Кровь сожженныхъ братьевъ вопіетъ! спускайте, мстите убійцамъ, измѣнникамъ и врагамъ вашимъ.“ Сіи слова испоргали злоспныя ругательства: Черногорцы, вращая въ воздухъ кинжалы, кричали „*копситѣ поганыхѣ Дубровниковѣ, удриѣтѣ главы пасей виры*“ по есть бить Рагузинцовъ и Французовъ. Я не могъ усадить Черногорцевъ на свою шлюбку, одинъ войдетъ въ нее, другой выдетъ; это не такія войска, чтобы можно было подчинить ихъ, они повинуются, и то не во всемъ, только тогда, когда видятъ предъ собой непріателя.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Закрывающей происшествія отъ Августа 1805 года до 1 Іюня 1806 года.

High 0152678

4 vols

1200 hll

Bronevskij, Vladimir Bogdanovič,

Zapiski morskago oficera v prodolženii kampanii na Sredizemnom morě pod nač
al'stvom Vice-Admirala Dmitrija Nikolaeviča Senjavina ot 1805 po 1810

Bd.: 1 (1836)

Sanktpeterburg 1836

Mil.g. 372 x-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10595505-4